

Санкт-Петербургский государственный университет
факультет международных отношений

И. Н. Новикова

**«ФИНСКАЯ КАРТА»
В НЕМЕЦКОМ ПАСЬЯНСЕ**

**Германия и проблема независимости
Финляндии в годы Первой мировой войны**

Библиотека
европейских
исследований

Выпуск 9

Издательство С.-Петербургского университета
2002

Рецензенты: д-р ист. наук *К. Б. Виноградов* (СПбГУ), д-р
ист. наук *Т. М. Китанина* (СПбГУ), канд.
ист. наук *В. Е. Морозов* (СПбГУ)

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета*

Новикова И. Н.

Н73

**«Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия
и проблема независимости Финляндии в годы Первой
мировой войны. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та,
2002. — 300 с.**

ISBN 5-288-03185-1

Книга посвящена исследованию роли Германии в достижении Финляндией независимости. Германско-финляндские отношения рассматриваются здесь в контексте европейского развития и специфики Балтийского региона. Прослеживается эволюция финляндской политики Германии в годы Первой мировой войны, изучаются мотивы и формы немецкой поддержки финляндского сепаратизма, а также выясняется место «финляндского вопроса» в германско-российских отношениях. Монография вводит в научный оборот широкий круг материалов отечественных и зарубежных архивов.

Книга предназначена для историков, специалистов в области международных отношений, а также для широкого круга читателей, чей интерес вызывают проблемы Первой мировой войны.

ББК 63.3(0)53

© И. Н. Новикова, 2002

© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2002

ISBN 5-288-03185-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Становление и развитие германо-финляндского сотрудничества (1914 — февраль 1917 г.)	35
1.1. «Финляндский вопрос» в германо-российских отношениях накануне Первой мировой войны	-
1.2. «Политика революционизирования» Финляндии	54
1.3. «Новый активизм»: формирование курса «государственной измены»	75
1.4. Взлеты и падения егерского движения	89
1.5. Германо-финляндское сотрудничество: взгляд из Петрограда	124
Глава 2. Выход Финляндии из состава Российского государства и роль Германии (февраль 1917 — январь 1918 г.)	135
2.1. Временное правительство и Финляндия	-
2.2. «Финляндский вопрос» в восточной политике Германии (февраль — октябрь 1917 г.)	164
2.3. Германия и проблема признания независимости Финляндии (ноябрь 1917 — январь 1918 г.)	180
Глава 3. Германия и становление финляндской государственности (январь — ноябрь 1918 г.)	198

3.1. Германия, Швеция и проблема внешнеполитической ориентации Финляндии	198
3.2. Дипломатическая подготовка Финляндской экспедиции Германии	212
3.3. Финляндская экспедиция Германии	219
3.4. Особенности становления финляндской государственности	236
3.5. Нарастание противоречий в германо-финляндских отношениях	255
Заключение	274
Библиография	282

ВВЕДЕНИЕ

«Прошедшее нужно знать не потому, что оно прошло, а потому, что уходя, не умело убрать своих последствий»,¹ — эти слова принадлежат одному из крупнейших российских историков прошлого В.О. Ключевскому. В истории XX века трудно найти другое такое событие, которое настолько глубоко изменило бы европейскую цивилизацию, насколько это сделала Первая мировая война. Четыре с лишним года «кровавой тарантеллы народов» подрубили основы существования многонациональных империй. На их развалинах возникли новые государства, судьбы которых еще не определились.

К числу таких новорожденных государств принадлежит и Финляндия, провозгласившая свою независимость в заключительный период Первой мировой войны. Выход малой страны из состава великой империи современники считали «чудом» и искали его разгадку во внешней силе. Еще в 1920-е годы в общественном мнении Финляндии сформировалось представление о достижении страной суверенитета благодаря внешнему воздействию и помощи Германской империи. Проблема внешнеполитических факторов в обретении независимости тем или иным государством имеет также известную актуальность с точки зрения использования современного сепаратизма малых народов в политической игре великих держав. На примере Финляндии можно проследить, как складывались взаимоотношения между российской центральной властью и национальным регионом империи в переломный момент его истории и какое воздействие оказывали на эти отношения великие державы, в данном случае, Германия.

Прежде чем погрузиться в занимающую нас тему, следует определить, а что, собственно говоря, мы хотим сказать в нашей работе, какие цели преследуем, на какой опыт

¹ Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1998. С. 6.

предшественников опираемся и на основе каких источников намерены добиваться реализации поставленных перед собой задач.

Итак, цель представляемой читателю работы состоит в том, чтобы раскрыть роль Германии в процессе выхода Финляндии из состава Российской империи, а также выявить «немецкий вклад» в становление финляндской государственности.

Реализация этой цели, вольно или невольно, оказалась связанной с изучением «треугольника отношений»: Германия — Россия — Финляндия. В процессе работы над настоящей книгой возникла необходимость рассмотреть три аспекта проблемы:

— «германский аспект»: проследить эволюцию финляндской политики Германии в течение Первой мировой войны, выявить ее основные этапы и их особенности, выяснить мотивы и формы поддержки Германией финляндского сепаратизма, определить отношение Берлина к возможности создания независимого Финляндского государства;

— «финляндский аспект»: исследовать идеологию и деятельность финляндского сепаратистского движения, реконструировать «модель» финляндской независимости, предложенную его лидерами, проанализировать внутривнутриполитическую ситуацию в Великом княжестве Финляндском для установления момента, когда националистические программы обрели массовую поддержку, определить особенности становления финляндской государственности;

— наконец, «русский аспект»: выяснить влияние германо-финляндского сотрудничества на финляндскую политику России.

В отечественной историографии отсутствуют специальные научные исследования, посвященные финляндской политике Германии в годы Первой мировой войны (предпринимались лишь попытки изучения отдельных сюжетов упомянутой проблемы).

В 1920–1940-е годы в российской историографии преобладали работы публицистического характера, на страницах которых излагались общие сведения об истории Финляндии. Эти произведения имели отношение преимущественно к

1918 г., а их авторы освещали события через призму организации Германией руками белофиннов всякого рода провокаций против Советской республики.² Начальный этап становления финляндского движения за независимость и роль Германии в этом процессе практически игнорировались как публицистами, так и исследователями.

Исключением из достаточно большого количества произведений, имевших характер политических памфлетов, стали работы М.С. Свечникова и В.М. Смирнова.³ Оба автора являлись активными участниками событий, развернувшихся в 1917–1918 гг. в Финляндии. М.С. Свечников был главным военным советником финской красной гвардии, В.М. Смирнов прожил значительную часть своей жизни в Финляндии, несколько лет работал библиотекарем русской библиотеки Гельсингфорского университета. М.С. Свечников и В.М. Смирнов стремились привлечь богатый фактологический материал по истории Финляндии: Свечников — о гражданской войне и революции 1918 г., Смирнова же привлекали главным образом три революционных периода в Финляндии — 1905, 1917, 1918 гг. При этом последний обратил внимание на развитие национального конфликта между Россией и княжеством Финляндским, а также, будучи лично знакомым со многими финляндскими националистами — «активистами», довольно подробно охарактеризовал эволюцию их взглядов. В целом основанные на личных наблюдениях и документальных источниках работы М.С. Свечникова и В.М. Смирнова сохраняют научное значение и в наши дни, хотя по каким-то причинам весьма редко используются отечественными историками.

Первые научные работы, затрагивающие германо-финляндские отношения исследуемого периода, вышли в свет в конце 1940-х — середине 1950-х годов и принадлежали перу петрозаводского историка И.И. Кяйвярйнена. Автор пред-

² *Игельстром В.А.* Финляндия. М.;Л., 1925; *Гессен С.Я.* Окраинные государства: Польша, Финляндия, Латвия и Литва. Л., 1925; *Эйде И.* Финляндия и ее внешняя политика. Л., 1931; *Ильинский Я.* Финляндия. М., 1940.

³ *Свечников М.С.* Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918. М., 1923; *Смирнов В.М.* Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 г. Л., 1933.

принял попытку выяснить истоки теплых отношений Германии и Финляндии в годы Второй мировой войны. Корни подобного явления он обнаружил в сотрудничестве Берлина и финляндских сепаратистов в годы Первой мировой войны.⁴ Несмотря на излишнюю политизированность, статьи И.И. Кляйваряйнена вплоть до начала 1990-х годов оказались единственными в отечественной историографии работами, где освещались взгляды и деятельность финляндских националистов.

1950-е — начало 1980-х годов ознаменовали собой своеобразный перелом в распространении публикаций, касающихся проблем истории Финляндии и восточной политики Германии. Но эти изменения носили не столько качественный, сколько количественный характер.

В этот период приоритетными для исследователей темами стали: влияние Октябрьской революции на предоставление Финляндии независимости, революционное движение в Финляндии в 1917–1918 гг., германская восточная политика в годы Первой мировой войны, место Финляндии в планах Западных держав.⁵ При этом характерным являлось противопоставление «миролюбивой политики» России в отношении

⁴ *Кляйваряйнен И.И.* 1) Истоки германско-финского антисоветского блока // Ученые записки Карело-Финского гос. ун-та. Т. 3. Вып. 1. 1948. С. 41; 2) Финляндия накануне революции 1918 года // Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР. Вып. 1. Петрозаводск, 1949. С. 55–78; 3) О деятельности финских активистов в 1914–1916 гг. // Ученые записки Карело-Финского гос. ун-та. Т. 5. Вып. 1. Петрозаводск, 1955.

⁵ *Ихалайнен П.И.* Из истории советско-финляндских отношений. Предоставление Советским правительством независимости Финляндии // Ученые записки Карельского пединститута. 1959. Т. 9. Петрозаводск, 1960. С. 3–17; *Сюккяйнен И.И.* 1) Гельсингфорский сейм рабочих организаций в 1917–1918 гг. // Скандинавский сборник. Вып. V. Таллин. 1962. С. 115–134; 2) Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962; *Ахтамзян А.* От Бреста до Киева. М., 1963; Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974; *Петров В.* Финляндия в планах империалистических держав. Петрозаводск, 1961; *Соболев Г.Л.* Октябрьская революция и независимость Финляндии // Россия и Финляндия. 1700–1917. Л., 1980. С. 20–35; *Коропун М.М.* 1) Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969; 2) Дружба, рожденная Великим Октябрем. Л., 1978; 3) В.И. Ленин и Финляндия. Л., 1983; *Бартошев Т., Комиссаров Ю.* Тридцать лет добрососедства. М., 1976.

Финляндии «хищническим планам» германского империализма.

Все же принцип историзма обязывает нас судить о научных заслугах историков не по тому, что они не сделали по сравнению с современным состоянием науки, а по тому, что они дали нового в сопоставлении со своими предшественниками. В данной связи историки начали активно привлекать зарубежные, в частности немецкие и финские исследования, освоили, насколько это было возможно, значительные пласты материалов советских архивов.

Германская вооруженная интервенция в Финляндии была обстоятельно исследована в фундаментальном труде московского историка В.М. Холодковского.⁶ На основе обширной источниковой базы (материалов трех российских архивов, финской, шведской, немецкой и англо-американской исторической литературы) он подробно рассмотрел военно-стратегические, политические и экономические цели немецкой интервенции в Финляндии. При этом автор не упустил из вида влияние противоборства Германии и Антанты на финляндскую политику Берлина. Отличительная черта труда Холодковского — тщательный анализ различных концепций зарубежных историков, посвященных событиям в Финляндии. Правда, с учетом реалий своего времени, автор обращал внимание не на синтез всего положительного, а на разоблачение тех концепций, которые не вписывались в официальный канон советской историографии.

В 1975 г. была опубликована вторая крупная монография В.М. Холодковского.⁷ Центральной проблемой исследования стали российско-финляндские отношения в 1918–1920 гг. Тем не менее, определенное место в работе занимали такие сюжеты, как отношение Германии к планам Финляндии присоединить территорию восточной Карелии, посредничество Берлина в российско-финляндских взаимоотношениях.

Традиционно в историографии советского периода большое внимание уделялось проблемам экономического детер-

⁶ *Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция.* М., 1967.

⁷ *Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920.* М., 1975.

минимизма тех или иных событий. Отечественные историки успешно изучали такие аспекты, как усиление роли немецкого капитала в экономике Финляндии и конкурентная борьба между Россией и Германией на финском рынке накануне Первой мировой войны.⁸ К примеру, профессор И.М. Бобович рассмотрела российско-финляндские экономические противоречия в период, предшествовавший Октябрьской революции, и их влияние на развитие финляндского сепаратизма.⁹ Тем самым была выявлена экономическая подоплека упомянутого явления.

Юридические аспекты образования независимого Финляндского государства, а также система создания пролетарских органов власти в ходе революции 1918 г. были проанализированы в кандидатской диссертации Р.Н. Дусаева.¹⁰

Проблемы национального развития Финляндии в годы Первой мировой войны нашли отражение в обширном труде известного историка-скандинависта В.В. Похлебкина.¹¹ Сам подход к написанию работы был довольно нестандартным. В.В. Похлебкин выбрал наиболее острые, дискуссионные вопросы развития российско-финляндских отношений на протяжении 260 лет и на основе зарубежной литературы предложил оригинальные, но часто умозрительные концептуальные положения. Так, весьма своеобразным оказалось истолкование автором финляндской политики Временного правительства. В.В. Похлебкин в целом отрицал русификаторскую сущность финляндского курса самодержавия и считал, что Временное правительство успело стать более реальной и страшной угрозой для автономии, экономической и нацио-

⁸ *Бобович И.М.* Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968; *Китанина Т.М.* Русский хлебный экспорт и рынок Финляндии во второй половине XIX — нач. XX в. // Труды советско-финляндского симпозиума историков. Рига. 2-4 декабря 1985 г. Л., 1988. С. 76-814; *Корнилов Г.Д.* Из истории русско-финляндской хлебной торговли в годы первой мировой войны // Скандинавский сборник. Вып. 30. Таллин, 1986.

⁹ *Бобович И.М.* Русско-финляндские экономические отношения.

¹⁰ *Дусаев Р.Н.* История образования независимого Финляндского государства: Автореф. канд. дис. Л., 1975.

¹¹ *Похлебкин В.В.* СССР - Финляндия: 260 лет отношений. 1713-1973. М., 1975.

нальной обособленности Финляндии, чем самодержавие за всю историю русско-финляндских отношений.¹²

С опровержением подобных взглядов выступил известный историк-скандинавист А.С. Кан. Он привлек обширный документальный материал и аргументированно доказал слабость некоторых положений книги В.В. Похлебкина.¹³

Поскольку Похлебкина привлекала, прежде всего, «защита» финляндской политики Российской империи, позднее — СССР, то интересующие нас сюжеты германо-финляндских отношений занимают в работе довольно скромную часть. При этом в произведении В.В. Похлебкина Германия выглядела как страна — интриганка и главная виновница конфликтов между Россией и Финляндией.

Апология российской политики в отношении Финляндии вызвала острую критику финских историков. Так профессор О. Юссила не без иронии замечал: «Россия была неизменно подлинным и искренним другом финского народа. Конфликты, войны и другие неприятности — результат действия внешних сил, происков шведов и, в особенности, немцев».¹⁴

Изменение политической ситуации в стране в конце 1980-х — начале 1990-х годов сопровождалось предпринятым в отечественной историографии «походом против белых пятен истории», борьбой со стереотипами прошлого. Пересмотру некоторых концепций способствовало открытие ранее засекреченных фондов российских архивов. Исследователи получили также возможность ознакомиться с ранее недоступными мемуарами финских и немецких политиков и военных, с исследованиями зарубежных авторов, долгое время пылившихся за замками спецхранов. К сожалению, этот процесс не привел к существенным изменениям в области изучения германо-финляндских отношений. Традиционные для отечественной историографии темы, такие как Октябрьская революция и провозглашение независимости Финляндии, немец-

¹² Там же. С. 182, 184.

¹³ Кан А.С. Великое княжество Финляндское под властью царской России (о русском издании книги В.В. Похлебкина) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980. С. 104–132.

¹⁴ Цит. по: Барышников В.Н. От прокладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997. С. 42.

кая вооруженная интервенция в Финляндии были несколько откорректированы.¹⁵ Но полноценные исследования, посвященные роли Германии в обретении Финляндией независимости по-прежнему отсутствовали.

В какой-то мере пробел, существующий в указанной области исследований, попытался ликвидировать петрозаводский историк И.М. Соломещ.¹⁶ В частности, впервые в отечественной историографии на основе работ финских историков он затронул феномен егерского движения, представив его как качественно новую фазу финляндского «активизма». Бесспорным достоинством работы являлся анализ автором влияния информации о егерском движении на политику самодержавия в Финляндии. Для этого И.М. Соломещ привлек материалы двух российских архивов. Но поскольку главным объектом его исследования являлась финляндская политика самодержавия, то, разумеется, германо-финляндские отношения в период Первой мировой войны не получили подробного освещения.

С точки зрения усиления интереса российских историков к Первой мировой войне 1990-е годы во многом стали переломными.¹⁷ В 1994 г. ассоциация историков Первой мировой войны опубликовала сборник «Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории», охвативший международные отношения, дипломатию, общественные движе-

¹⁵ См., напр.: Черняев В.Ю. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27–45; Volobujev P.V. Suomen vuoden 1918 vallankumouksen paikka historiassa // XI Suomalais-Neuvostoliittolainen Historioitsijoiden Symposio. Helsinki, 1987. Hels., 1988. S. 57–71.

¹⁶ Соломещ И.М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 — февр. 1970). Петрозаводск, 1992.

¹⁷ Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 46–58; Падение империй и новая организация Европы после Первой мировой войны. Российско-финляндские гуманитарные чтения. Тезисы докладов. СПб., 1993; Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол» историков // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 109–132; Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории первой мировой войны // Там же. 1994. № 5. С. 62; WWI and the XX Century. Act of International Conference of Historians. Moscow, 24–26 may 1994. Moscow, 1995.

ния.¹⁸ В упомянутом труде предстала широкая, хотя и мозаичная панорама грандиозного вооруженного конфликта. Но внешнеполитические аспекты распада Российской империи, роль Германии в поддержке сепаратизма национальных меньшинств авторы по-прежнему не обсуждали. В какой-то мере этот пробел постарался ликвидировать Б.И. Греков. В своей статье он впервые на примере «Лиги нерусских народов России» убедительно показал роль национального аспекта во внешней политике Германии в годы Первой мировой войны.¹⁹ Однако, «финский сюжет» внешней политики Германии вновь, по понятным причинам, оказался вне контекста исследования.

В целом, можно заключить, что в отечественной историографии исследование роли Германии в процессе обретения Финляндией независимости за более чем 80-летний отрезок времени фактически не определилось даже как одно из направлений исследований. Предпринимались лишь попытки изучения отдельных аспектов проблемы, при этом в контексте российско-германских или российско-финляндских отношений. Естественно, что подобные попытки носили предельно общий характер и, прежде всего, касались событий 1917–1918 г.

В немецкой историографии долгое время преобладала традиция оправдания финляндской политики Германии и некоторое стремление к романтизации «бескорыстной» немецкой помощи молодому Финляндскому государству. Одним из родоначальников консервативной по своей сути концепции «благородной немецкой помощи в освобождении Финляндии от русского гнета» стал участник немецкой интервенции в Финляндии Франц Бейер. Спустя десять лет после указанного события (в 1928 году) он получил степень доктора права, защитив диссертацию на тему «Германское вторжение в Финляндию в 1918 г. как соответствовавшая международ-

¹⁸ Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории / Под ред. Ю.А. Писарева. М., 1994.

¹⁹ Греков Б.И. Национальный аспект внешней политики Германии в годы первой мировой войны (Лига нерусских народов России) // Первая мировая война: пролог XX века / Под ред. В.Л. Малькова. М., 1998. С. 419–482.

ному праву интервенция». ²⁰ Название труда говорило само за себя. Центральным в исследовании являлось обоснование с юридической точки зрения законности немецкой интервенции в Финляндию и доказательство незаконности вмешательства Советской России во внутренние дела Финляндии. Подбор источников осуществлялся согласно заданной схеме. Все же, несмотря на тенденциозность, работа Ф. Бейера, с фактологической точки зрения, представляет определенный интерес.

Традицию, заложенную Бейером, во многом продолжил и развил в середине 1950-х годов известный специалист по истории Скандинавии, профессор Геттингенского университета Вальтер Хубач. ²¹ Из одиннадцати глав обширного исследования германо-скандинавских отношений три главы он посвятил финляндской политике Германии. Финский рецензент труда В. Хубача Х. Импола справедливо отмечал недостаточную источниковую базу данного исследования. ²² Хубач прежде всего опирался на немецкоязычные источники и литературу, в частности, на вывезенные в Хельсинки акты финского посланника в Берлине Э. Ельта. Автор оказался в плену взглядов упомянутого политика и подменил подлинные цели Германии в отношении Финляндии тем, что думал по этому поводу Э. Ельт. Например, финляндский посланник в Берлине был убежден в том, что правительство большевиков признало независимость Финляндии только благодаря «давлению» Германии, и это убеждение в виде «концепции немецкого давления» без каких-либо изменений перекочевало на страницы труда В. Хубача. В итоге получилось так, что проблемы германо-финляндских отношений в целом свелись к взаимоотношениям Э. Ельта и немецкого Верховного командования.

Продолжателями консервативной традиции стали немецкие историки Д. Аспелмейер и К. Ронсдорф. ²³ При этом

²⁰ *Beyer F. Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtmässige Intervention. Braunschweig, 1928.*

²¹ *Hubatsch W. Unruhe des Nordens. Göttingen, 1956.*

²² *Impola H. Pohjola saksalaisesta näkökulmasta // Historiallinen Aika-kauskirja. 1957. № 1. S. 51-54.*

Д. Аспелмейер рассмотрел герmano-финляндские отношения в период двух мировых войн, вследствие чего сюжеты Первой мировой войны получили недостаточное освещение. К. Ронсдорфа привлекла личность командира финляндского егерского батальона немецкого офицера М. Байера. На основе немецких и финских источников, а также личных бесед с участниками егерского движения К. Ронсдорф вполне обоснованно показал заслуги Германии в создании ядра финской национальной армии. Новым для германской историографии элементом, представленным в работах Д. Аспелмейера и К. Ронсдорфа являлся анализ характера сотрудничества Берлина с финляндскими сепаратистами, а также выявление противоречий между двумя упомянутыми сторонами.

В конце 1950-х — начале 1970-х годов в германской историографии оформилось второе направление, критически пересматривающее роль Германии в процессе обретения Финляндией независимости. Пересмотр устоявшихся положений был связан с работами леволиберальной «школы» гамбургского профессора Ф. Фишера. Эта «школа» стала «частью германского национального покаяния, которое радикально изменило Германию после 1945г.»²⁴ На основе засекреченных ранее и с конца 1950-х годов поступивших в открытый доступ фондов немецких архивов Фриц Фишер исследовал проблему преемственности в немецкой истории. Опубликованная в 1961 г. фундаментальная монография Ф. Фишера «Рывок к мировому господству» произвела сенсацию и вызвала значительный общественный резонанс.²⁵ Автор рассмотрел рождение Первой мировой войны сквозь призму претензии кайзеровской Германии на мировое господство. Он убедительно показал, что Германия в 1914–1918 гг. вела своеобразную тотальную войну, в которой все средства, способствовавшие победе немецкого оружия, считались закон-

²³ *Aspelmeier D. Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege.* Hamburg, 1967; *Ronsdorf C. Maximilian Bayer. Ein Wegbereiter zu Finnlands Unabhängigkeit.* Helsinki, 1973.

²⁴ Цит. по: *Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм.* СПб., 1997. С. 140.

²⁵ *Fischer F. Griff nach der Weltmacht.* Düsseldorf, 1961.

ными и приемлемыми. В частности, Ф. Фишер проанализировал феномен немецкой «политики революционизирования», представив ее как средство внутреннего ослабления стран Антанты. Несмотря на то, что Финляндия не являлась объектом специального изучения автора, на ее примере Фишер в общих чертах продемонстрировал деятельность Берлина в рамках «политики революционизирования», а также применил в отношении Финляндии свою концепцию преемственности немецких военных целей в ходе Первой мировой войны.

Выход в свет труда Ф. Фишера вызвал острую полемику среди немецких историков и стимулировал появление множества работ, оспаривавших или, наоборот, защищавших основные положения книги гамбургского историка. В числе оппонентов Ф. Фишера выступили известные немецкие историки Г. Риттер, Г. Герцфельд, Э. Цехлин и др.²⁶

Ф. Фишер не делал особых различий между взглядами Вильгельма II, немецкого МИД или Верховного командования. С его точки зрения, между программами немецких военных и гражданского руководства существовали лишь тактические нюансы, но не альтернативные варианты. В рамках заложенной Фишером традиции выполнены также работы И. Гейса и Г. Бёме.²⁷ Так, Г. Бёме в своей статье конкретизировал военные цели Германии в 1918 г. в отношении Финляндии.²⁸

В противоположность приверженцам концепции Фишера, немецкий историк В. Баумгарт в своей работе о восточной политике Германии подверг сомнению положение о существовании единой аннексионистской программы немецких военных целей.²⁹ По его мнению, политика Германии раз-

²⁶ О дискуссии вокруг работ Ф. Фишера см.: *Виноградов К.Б.* Фриц Фишер и его труды // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 175–179; *Sywottek A.* Die Fischer-Kontroverse // Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1973. С. 19–47; *Volkman H-E.* Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litowsk und Compiègne. Köln; Wien, 1970. S. 1.

²⁷ *Geiss I.* Das Deutsche Reich und der Erste Weltkrieg. München-Vien, 1978; *Böme H.* Die deutsche Kriegzielpolitik und Finnland im Jahre 1918 // Deutschland in der Weltpolitik. S. 377–396.

²⁸ *Böme H.* Op. cit. S. 377–396.

вивалась под влиянием двух факторов: взглядов Верховного командования и Министерства иностранных дел. Взаимоотношение двух этих инстанций, борьба мнений рождали конкретные действия Берлина. В контексте восточной политики Германии и сквозь призму дуализма МИД и Верховного командования Баумгарт обратил внимание также на немецкую вооруженную интервенцию в Финляндии и германо-финляндские противоречия.

Концепцию непреодолимых противоречий между военным и политическим руководством Германии разделял также немецкий историк К.Д. Эрдман, опубликовавший в 1972 г. дневниковые записи Курта Ризлера, одного из ближайших советников рейхсканцлера Т. фон Бетман-Гольвега.³⁰ В предисловии и комментариях к данному изданию Эрдман, кроме того, высказал иной, по сравнению с Ф. Фишером, взгляд на политику «революционизирования» России. По его мнению, поддержка Германией сепаратистских движений народов Российской империи играла роль тактического средства для того, чтобы сделать царскую Россию более стоворчивой в случае ведения сепаратных переговоров. Поэтому все спекуляции на тему «разрушения России» были направлены, с точки зрения Эрдмана, на заключение с царским правительством сепаратного мира.³¹

Третье направление в немецкой историографии финляндской политики Германии представлено исследованиями профессора Манфреда Менгера.³² Его работы выполнены в рамках марксистской традиции. Бесспорной заслугой Менгера является привлечение обширного архивного материала: микрофильмированных документов немецкого МИД из Государственного архива Финляндии, актов военного архива в Хельсинки и документов Центрального государственного архива

²⁹ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Wien und München, 1966.

³⁰ Riezler K. Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Herausg. von K.D. Erdmann. Göttingen, 1972.

³¹ Ibid. S. 83.

³² Менгер М. Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны // Скандинавский сборник. Вып. 17. Таллин, 1972. С.110-127; Menger M. Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. 1917-1918. Berlin, 1974.

в Потсдаме. На их основе автор более детально, по сравнению со своими предшественниками, осветил финляндскую политику Германии в период 1917–1918 гг., в частности, практически неисследованные аспекты экономических интересов Германии в Финляндии. Если отбросить вполне объяснимые идеологические штампы того времени, труды М. Менгера остаются в германской историографии наиболее подробным и систематизированным изложением финляндской политики Германии в заключительный период Первой мировой войны.

В целом, говоря о германской историографии исследуемой в настоящей монографии проблемы, можно заключить, что немецкие историки внесли большой вклад в изучение финляндской политики Германии. Предложенные ими концепции роли Германии в Первой мировой войне оказали существенное влияние на формирование взглядов финских и шведских историков. Но «слабым звеном» германской историографии являлись незначительное использование финноязычных источников и литературы и практически полное отсутствие в работах материалов российских архивов, вследствие чего происходившие в финляндском обществе внутренние национальные процессы не получили должного освещения.

За исключением немецкой историографии, среди историков европейских стран германо-финляндская проблематика в большей мере интересовала шведских авторов. В данной связи можно выделить труды известных в Швеции историков Вильгельма Карлгрена и Ингера Шуберта.³³

В. Карлгрен сосредоточил свое внимание на усилиях Германии привлечь Швецию в коалицию Центральных держав. При этом он затронул также отношение Германии к финляндскому сепаратизму и сделал вывод о том, что Финляндия являлась разменной картой в процессе втягивания Швеции в войну. С точки зрения шведского историка, содействие Берлина финляндским «активистам» было продиктовано стремлением, с помощью организации в Финляндии беспорядков, вынудить Стокгольм решиться на интервенцию

³³ *Carlgren W. Neutralität oder Allianz. Deutschlands Beziehungen zu Schweden in der Anfangsjahren des Ersten Weltkrieges. Uppsala, 1962; Schubert J. Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. Bonn, 1981.*

в Финляндию, в результате чего Швеция оказалась бы в состоянии войны с Россией.

И. Шуберт интересовало, прежде всего, шведское «активистское» движение, сторонники которого выступали за включение Швеции в войну на стороне Центральных держав. Анализируя взгляды и деятельность шведских «активистов», автор не обошла стороной также и вопрос о взаимодействии приверженцев упомянутого движения с проживающими в Швеции финляндскими сепаратистами.

В целом, шведским авторам присущ критический подход в оценке финляндской политики Германии. Они также были склонны преуменьшать значение Финляндии в планах немецких стратегов.

Что касается англо-американской историографии, то германо-финляндская проблематика занимает в ней очень скромное место. Пожалуй, можно отметить лишь труды А. Мазур, Д. Вуоринена и С. Дж. Смита, где в контексте общих вопросов истории Финляндии частично затрагиваются также германо-финляндские отношения.³⁴

В финской историографии достижение и утверждение независимости страны являлось одной из центральных тем исторических исследований. При этом не удивительно, что авторы многих трудов так или иначе касались проблем финляндской политики Германии.

Еще в 1918 г. в Финляндии по инициативе главнокомандующего финской армией К.Г. Маннергейма был создан комитет для изучения и последующей подготовки многотомного издания, посвященного событиям гражданской войны. Возглавлял деятельность этого комитета ближайший помощник Маннергейма генерал-майор Х. Игнатиус. В 1921 г. вышел в свет первый том многотомной эпопеи, где наряду с военными событиями определенное место занимало развитие финской национальной идеи в годы Первой мировой войны.³⁵ Авторы этого издания придерживались концепции

³⁴ *Mazur A. Finland between East and West. Princeton, 1956; Smith C.J. Finland and the Russian Revolution. 1917-1922. University of Georgia Press, 1958; Wuorinen J.H. 1) Nationalism in Modern Finland. New York, 1931; 2) A History of Finland. New York; London, 1965.*

освободительного характера войны 1918 г., согласно которой Финляндия в 1918 г. вынуждена была с оружием в руках отстаивать недавно провозглашенную независимость от попыток России вновь завоевать страну. Германия же оказала неоценимую помощь Финляндии в защите ее суверенитета.

Концепция «благородной немецкой помощи в освобождении от русского гнета» была детализирована и конкретизирована в труде профессора Хельсинкского университета Германа Гуммеруса.³⁶ Автор являлся одним из лидеров финляндского «активистского движения». До провозглашения страной независимости он работал в Стокгольмском «активистском» комитете и тесно сотрудничал с немецким МИД. Гуммерус принадлежал к числу тех, кто разрабатывал планы финляндских сепаратистов. Поэтому его работа, основанная на личных воспоминаниях и наблюдениях, представляет для историков несомненный интерес. Но поскольку автор длительное время проживал в эмиграции, за пределами его досягаемости оказались внутренние процессы, происходившие в финляндском обществе. С другой стороны, Г. Гуммерусу были неизвестны подлинные мотивы поддержки Германией финляндского сепаратизма. Он лишь опирался на суждения немецких представителей, которые звучали во время встреч с финляндскими сепаратистами. Возможно, именно этим объясняется идеализация Гуммерусом «немецкого вклада» в обретение Финляндией независимости.

В начале 1930-х годов заметным явлением в финской историографии стало опубликование двухтомного сочинения одного из высокопоставленных чиновников, будущего начальника политического отдела МИД Финляндии Ааро Пакаслаhti.³⁷ Хотя его труд был посвящен, главным образом, истории Финляндии в годы Первой мировой войны, автор все же рассмотрел финские сюжеты в тесной связи с восточной политикой Германии. Бесспорным достоинством работы Пакаслаhti являлось введение в научный оборот фин-

³⁵ Suomen Vapaussota vuonna 1918. I. Helsinki, 1921.

³⁶ Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit. Porvoo, 1928.

³⁷ Pakaslahti A. Suomen politiikkaa maailmansodassa. I-II. Porvoo-Hels., 1933, 1934.

ских архивных материалов, привлечение обширной мемуарной литературы, а также стремление к максимальной степени объективности. На основе имеющихся в его распоряжении финских источников автор подробнейшим образом проследил формы немецкой поддержки финляндского сепаратистского движения, показал влияние военного положения Германии на взаимоотношения с «активистами». Но поскольку он не имел доступа к немецким архивным источникам, то несколько преувеличил значение «активистских» инициатив и роль военных мотивов в немецком содействии финляндскому сепаратизму. Несмотря на это, труд А. Пакаслаhti вплоть до 1960-х годов оставался единственным полноценным исследованием секретного сотрудничества Берлина с финляндскими сепаратистами. Остается сожалеть о том, что автор довел изложение событий лишь до 1917 г.

С конца 1950-х годов в финской историографии наметился пересмотр ранее устоявшихся положений. Толчком к этому послужило рассекречивание фондов немецких архивов. Романтическая картина герmano-финляндских отношений заметно потускнела под влиянием опубликованного в 1957 г. труда директора Государственного архива Финляндии Юрье Нурмио.³⁸ Основываясь на микрофильмированных материалах немецкого МИД, Нурмио критически проанализировал роль Германии в процессе провозглашения и становления финляндской независимости, в частности, он предоставил убедительное опровержение концепции немецкого давления на правительство большевиков с целью признания независимости Финляндии.

Если Ю. Нурмио исследовал, главным образом, герmano-финляндские отношения с момента Октябрьской революции в России, то другой финский историк — О. Апунен обратился к более раннему периоду — становлению герmano-финляндского сотрудничества в 1914–1915 гг. В своем труде автор доказал, что за поддержкой финляндского сепаратистского движения стояли не прямые интересы Германии в Финляндии, а комбинация международных факторов и желание Берлина улучшить свое военное и политиче-

³⁸ *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo;Hels., 1957.*

ское положение с помощью содействия финляндским националистам.³⁹

Параллельно с изучением финляндской политики Германии в начальный период Первой мировой войны осуществлялось также исследование егерского движения. Признанным специалистом в данной области является финский историк Матти Лаурема.⁴⁰

В конце 1960-х — начале 1970-х годов проблемы егерского движения оказались в центре полемики, разгоревшейся на страницах финского журнала «Хисториаллинен Айкакаскирья». Поводом для начала дискуссии послужили сенсационные работы известного в Финляндии историка Матти Клинге. Автор выдвинул гипотезу о «немецком толчке» егерского движения, согласно которой упомянутое движение было инспирировано Германией. М.Клинге также поставил под сомнение положение о том, что целью егерского движения являлось создание независимого Финляндского государства.⁴¹ Эту точку зрения, но в более осторожной форме поддержал также и О. Апунен.⁴²

Против предпринятого историками пересмотра трактовки целей егерского движения выступил очевидец тех событий К. Каллиала, лично знакомый со многими «активистами» и в годы Первой мировой войны являвшийся куратором одного из студенческих землячеств Гельсингфорсского университета. Он высказался в пользу традиционной точки зрения, согласно которой целью егерского движения являлась государственная независимость Финляндии, а инициатива по вопросу о военном обучении в Германии финляндских добровольцев

³⁹ Apunen O. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa. 1914–1915. Hels., 1968.

⁴⁰ Laerma M. 1) Aktivismi // Historian Aitta. XIV. Porvoo-Hels., 1969. S. 137–154; 2) Jääkäriliike // Historian Aitta. S. 215–235; 3) Suomalainen vapaustaistelija vaiko preussilainen jääkäri? // Historiallinen Aikakauskirja. 1963. № 2. S. 93–112; 4) Kuninkaallinen Preussin Jääkäripataljoona 27. Hels., 1966.

⁴¹ Klinge M. 1) Ylioppilaskunnan historia. 1872–1914. III. Porvoo, 1968; 2) Itsenäisyys — jääkäriliike — sortokausi // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. № 4. S. 309–319; 3) Vielä jääkäriliikkeen synnystä ja tavoitteita // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. № 4. S. 315–319.

⁴² Apunen O. Lisiä debattiin Kalliala vastaan Klinge // Historiallinen Aikakauskirja. № 1. S. 57–60.

принадлежала финской стороне.⁴³ Poleмика вокруг указанной проблемы не привела к победе какой-либо одной точки зрения. Вопрос о целях и инициаторах егерского движения по-прежнему остается открытым.

В то же время дискуссия в немецкой историографии вокруг трудов Ф. Фишера наложила свой отпечаток на работы финских историков. В 1978 г. было опубликовано исследование Сеппо Цеттерберга, в котором в контексте фишеровской концепции «политики революционизирования» была представлена деятельность эмигрантской организации — Лиги инородцев России. Особое внимание автор уделил сотрудничеству финляндских «активистов» в рамках упомянутой организации с представителями других национальных движений России.⁴⁴

В 1970 — 1980-е годы критический подход к финляндской политике Германии, заложенный еще Ф. Фишером и Ю. Нурмио, нашел свое воплощение в трудах Х. Рауткаллио, А. Хульдена, Й. Вахтола.⁴⁵ Так Х. Рауткаллио сосредоточил свое внимание на экономических целях Германии в Финляндии в период 1917–1918 гг. Андерс Хульден в течение пяти лет являлся главным консулом Финляндии в Гамбурге, впоследствии он подготовил интересное исследование об установлении в 1918 г. в Финляндии монархической формы правления. Разделяя взгляды Ф. Фишера в отношении финляндской политики кайзеровской Германии, он одновременно подверг резкой критике деятельность тогдашнего руководства Финляндии, которое «ради объявления о независимости, по мнению автора, было готово подчинить Финляндию Германии экономически, политически и в военном отношении».⁴⁶

⁴³ *Kalliola K.J.* 1) *Unsaktivismi Ylioppilaskunnan historiassa* // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1969. № 3. С. 239–244; 2) *Vielä unsaktivismista* // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1970. № 1. С. 60–68.

⁴⁴ *Zetterberg S.* *Die Liga der Fremdvölker Russlands. 1916–1918.* Hels., 1978.

⁴⁵ *Rautkallio H.* *Kaupantekoa Suomen itsenäisyydellä. Saksan sodan päämäärät Suomessa 1917–1918.* Rauma, 1977; *Hulden A.* *Kuningasseikkailu Suomessa 1918.* Hels., 1988; *Vahtola J.* *Saksan idänpolitiikan tavoitteet ja Suomen asema 1918.* Oulu, 1989.

⁴⁶ *Hulden A.* *Kuningasseikkailu Suomessa.* С. 26.

Из последних работ, посвященных герmano-финляндской проблематике в годы Первой мировой войны, можно отметить труд военного историка, генерал-лейтенанта Рейно Аримо.⁴⁷ Основанная прежде всего на немецких источниках и записях размещавшейся в Финляндии немецкой Балтийской дивизии монография Аримо стала первым подробным исследованием деятельности немецких военных кругов в Финляндии в 1918г. В отличие от острой критичности А. Хульдена, Р. Аримо объясняет многие просчеты финского руководства и излишнюю доверчивость по отношению к Берлину неопытностью тогдашних лидеров Финляндии в сфере внешней политики. Тем не менее, автор также признал, что «крах кайзеровской Германии в 1918 г. стал спасением для Финляндии».⁴⁸ На этом, пожалуй, ограничивается круг работ финских исследователей, непосредственно касающихся герmano-финляндских отношений периода Первой мировой войны.

Вместе с тем отдельные аспекты герmano-финляндской проблематики затрагиваются в специальных изданиях, посвященных более узким или, наоборот, общим сюжетам истории Финляндии. Например, для финской историографии характерно пристальное внимание к известным в стране государственным и военным деятелям. В данной связи особый интерес представляет знакомство с последними исследованиями, посвященными премьер-министру и президенту независимой Финляндии Ю. К. Паасикиви. Дело в том, что человек с именем которого связана целая эпоха становления Финляндии как самостоятельного государства, не оставил после себя опубликованных воспоминаний, касающихся периода Первой мировой войны. После смерти Паасикиви коллекция его документов была передана в Государственный архив Финляндии и в течение 25 лет была закрыта для исследователей. Изучение архива Паасикиви стало возможным только с середины 1980-х годов. Исследователь Киммо Иконен, а также коллектив авторов под руководством про-

⁴⁷ *Arimo R. Saksalaisten sotilaallinen toiminta Suomessa 1918. Rovaniemi, 1991.*

⁴⁸ *Ibid.* S. 199–200.

фессора Туомо Полвинена проделали огромную работу, чтобы реконструировать взгляды Паасикиви в период мировой войны и проанализировать его деятельность в качестве первого главы правительства после окончания в стране гражданской войны.⁴⁹ Как выяснилось, Паасикиви, считавшийся одним из архитекторов послевоенного курса лояльности по отношению к СССР, в 1914–1918 гг. исповедовал совершенно иные идеи. В тот период он являлся сторонником прогерманской ориентации страны, проявлял симпатии к егерскому движению и довольно враждебно относился к России. Авторы вышеуказанных изданий аргументировано объяснили причины подобных взглядов.

Оценивая вклад финской историографии в изучение германо-финских отношений нельзя не отметить фундаментальные труды таких исследователей, как Ю. Паасивирта, М. Яскеляйнен и П. Лунтинен.

Известный в Финляндии специалист в области международных отношений профессор Юхани Паасивирта еще в 1940–1950-е годы опубликовал свои исследования, посвященные проблемам финляндской независимости.⁵⁰ Позднее, в труде обобщающего характера «Финляндия и Европа. Ранние годы независимости. 1917–1939», автор проанализировал вопросы внутренней политики Финляндии, в том числе и проблемы независимости, с учетом позиций западных держав: Англии, Франции, Швеции и Германии.⁵¹ Такой широкий взгляд стал возможным благодаря использованию автором фондов не только финских, но и архивов Лондона, Парижа, Бонна и Стокгольма, а также привлечению периодической печати изучаемого времени.

В отличие от Ю. Паасивирта, профессор Мауно Яскеляйнен сосредоточил свое внимание на более узкой проблеме — развитии панфинских идей применительно к территории

⁴⁹ Polvinen T., Heikkilä H., Immonen H. J.K. Paasikivi. Valtiomiehen elämäntyö. I. 1870–1918. Porvoo-Hels.-Juvä, 1989; Jhonen K. J.K. Paasikiven poliittinen toiminta Suomen itsenäistymisen murrosvaiheessa. Hels., 1990.

⁵⁰ Paasivirta J. 1) Suomen itsenäisyyskysymys 1917. I–II. Porvoo-Hels., 1947, 1949; 2) Suomi vuonna 1918. Porvoo-Hels., 1957.

⁵¹ Paasivirta J. Suomi ja Euroopa 1914–1939. Hels., 1984 (пер. на англ. яз.: Finland and Europe. Hels., 1988).

восточной или русской Карелии. На страницах его работы были подробно рассмотрены панфинские идеи «активистов», а также проанализировано отношение Германии к попыткам финляндского руководства дипломатическим и военным путем присоединить территорию восточной Карелии.⁵²

В трудах не менее известного в Финляндии исследователя П. Лунтинена затрагиваются финляндская политика самодержавия и отношение российской администрации к финляндскому сепаратизму.⁵³ Определенное место в его работах занимают также сюжеты, связанные с военными целями Германии в Финляндии. Особенностью произведений Лунтинена является достаточно широкое привлечение фондов российских архивов. Причем, как ни парадоксально, но в изучении архивных материалов, посвященных вышеупомянутой проблематике, финский историк сделал, пожалуй, больше, чем его российские коллеги. Одно из исследований П. Лунтинена базируется также на немецких архивах и освещает действия германского флота на Балтийском море.⁵⁴

Завершая обзор трудов финских авторов, посвященных германо-финляндским отношениям в годы Первой мировой войны, можно отметить, что пока еще преждевременно выделять какие-либо концептуальные направления. На протяжении более чем восьмидесяти лет речь, главным образом, шла о заполнении пустот в рассматриваемой области исследований. При этом до конца 1950-х годов преобладала консервативная по своей сути тенденция преувеличения роли Германии в обретении Финляндией независимости. С начала 1960-х годов набирает силу критический подход к оценке роли Германии в упомянутом процессе.

Краткий историографический анализ отечественных и зарубежных исследований показывает, что проблема «немецкого вклада» в финляндскую независимость не стала еще предметом специального научного исследования. Наименее

⁵² Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage. Hels., 1965.

⁵³ Luntinen P. 1) Sotilasmiljoonat. Hels., 1984; 2) Venäläisten sotasuunnitelmat Suomen separatismia vastaan. Tampere, 1984; 3) F.A. Sein. 1862-1918. A political biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland. Hels., 1985.

⁵⁴ Luntinen P. Saksan keisarillinen laivasto Jtämereellä. Hels., 1987.

изученными оказались сюжеты, связанные с исследованием эволюции мотивов поддержки Германией финляндского сепаратизма в течение Первой мировой войны, идеология «активистского» движения, влияние известий о германо-финляндском тайном сотрудничестве на финляндскую политику России, а также особенности становления государственности независимой Финляндии.

Источники по теме предлагаемого исследования разнообразны. К примеру, в работе использованы материалы российской, немецкой и финской периодики. Однако ее возможности в предоставлении объективного материала для изучения весьма ограничены не только в силу специфики упомянутого источника. Вплоть до провозглашения Финляндией независимости взаимодействие Берлина и финляндских сепаратистов носило секретный характер и любые упоминания о фактах сотрудничества в финской и немецкой прессе были запрещены. Кроме того, финская печать была скована военной цензурой, поэтому с ее помощью практически невозможно выявить отношение жителей княжества к проблеме его государственного статуса, а также установить степень гермаофилизма финляндского общества.

В данной связи особое значение приобретают *архивные* источники. В исследуемый период Россия находилась в состоянии войны с Германией, поэтому одним из каналов поступления сведений о финляндской политике Германии являлись донесения дипломатических представителей России в нейтральных странах, прежде всего — в Швеции. Упомянутый вид источников содержится в фондах Архива внешней политики Российской империи. В годы Первой мировой войны при российском МИД был создан особый политический отдел во главе с Н. Приклонским, сотрудники которого изучали деятельность эмигрантов-националистов за границей, в том числе наблюдали и за деятельностью финляндских «активистов», готовили обзоры международной прессы по поводу проблемы финляндской самостоятельности. Поэтому знакомство с материалами фонда политического отдела МИД представляет безусловный интерес.

Другим, не менее важным каналом поступления информации, являлись донесения военного и военно-морского ат-

таше в Стокгольме, а также сводки разведки и отчеты командования расквартированных в Финляндии российских войск. Указанная группа источников находится в фондах Морского генерального штаба, штаба командующего Балтийским флотом Российского государственного архива Военно-морского флота и штаба Верховного главнокомандующего Российского военно-исторического архива. На основе агентурных сведений, содержащихся в фонде контрразведывательного отделения Балтийского флота, материалов фондов 42-го армейского корпуса и штаба 6-й армии можно проследить причины роста сепаратистских настроений в Великом княжестве Финляндском. В фондах упомянутых архивов имеются также профессионально выполненные обзоры иностранной прессы, где представлены различные мнения по поводу проблем национального развития Финляндии. Отдельные аспекты германо-финляндских противоречий проанализированы автором на основе использования документов Российского государственного военного архива.

Что касается внутриполитического положения Финляндии в годы Первой мировой войны, то несомненный интерес представляют фонды Совета Министров, Статс-секретариата Великого княжества Финляндского, канцелярии Министерства внутренних дел и Министерства юстиции Российского государственного исторического архива. Здесь содержатся донесения начальника финляндского жандармского управления А.М. Еремина, доклады Николаю II министра юстиции А. Хвостова, а также переписка между различными высшими военными и гражданскими инстанциями России по вопросу о подготовке в княжестве национального восстания.

Деятельность российской администрации в княжестве удалось проанализировать на основе фондов канцелярии финляндского генерал-губернатора и финляндского жандармского управления, содержащихся в Государственном архиве Российской Федерации. Определенный интерес представляют также отдельные фонды Российского государственного архива Санкт-Петербурга, где обнаружены практически неизвестные документы финляндской социал-демократической партии.

Поскольку в предлагаемой работе исследуется прежде всего отношение Германии к проблеме финляндской незави-

симости, то особое значение для автора должны были иметь материалы так называемого Особого архива (современное название — Центр хранения историко-документальных коллекций). Этот архив был создан в 1946 г. на основе трофейных документов, вывезенных Советской Армией из Германии, Чехословакии и Польши. К сожалению, среди документов германского МИД и Имперского архива в Потсдаме содержится весьма ограниченный пласт источников, касающихся германо-финляндских отношений периода Первой мировой войны. В то же время весьма любопытным для анализа внутренней ситуации в Германии, а также ее восточной политики является знакомство с посланиями П. Гинденбурга, рейхсканцлера Г. Гертлинга и с заметками одного из германских советников в финском Генштабе К. Редерна.

Характеризуя объем имеющихся в российских архивах материалов, можно сделать заключение об их достаточной весомости для анализа внутривосточной ситуации в Финляндии, финляндского национального движения и изучения такой формы германо-финляндского сотрудничества, как егерское движение.

Однако главная архивная база предложенного исследования находилась все же в Германии. Наиболее важные документы, касающиеся германо-финляндских отношений, сосредоточены в Политическом архиве МИД ФРГ. Именно здесь содержится рассекреченный после Второй мировой войны материал о немецкой «политике революционизирования», в том числе его наиболее объемная часть — 23 тома посвящены Финляндии. В фонде немецкой Главной квартиры содержится обширная коллекция меморандумов, отчетов финляндских сепаратистов, что позволяет на основе первоисточников проанализировать их взгляды и деятельность за границей. Здесь же находится переписка МИД с Верховным командованием по поводу провозглашения и признания независимости Финляндии. Несомненный интерес представляет также коллекция документов, посвященных становлению финляндской государственности в условиях германской вооруженной интервенции. В ней, в частности, сосредоточены донесения германского посланника в Хельсинки Августа фон Брюка.

Вторую группу источников образуют так называемые опубликованные источники — сборники документов, статьи, брошюры и речи современников, мемуары очевидцев. Характеризуя эту группу, следует заметить, что в российских изданиях документов широко представлены нормативные акты, касающиеся политики царского и Временного правительств по отношению в Финляндии.⁵⁵ Но они практически не содержат документов, в которых рассматриваются германо-финляндские отношения. Проблема финляндской независимости упоминается лишь в контексте германо-российских отношений.⁵⁶

Что касается изданных в Германии сборников документов, то подобранные в них источники в основном отражают наиболее общие проблемы германской истории. С точки зрения исследуемых в монографии сюжетов, определенный интерес представляет анализ меморандумов и программ различных германских кругов по вопросу о военных целях Германии.⁵⁷

Из финских изданий документов можно отметить подготовленный А. Пакаслаhti сборник, посвященный проблеме признания независимости Финляндии различными государствами, в том числе и Германией.⁵⁸

Явная недостаточность опубликованных в сборниках документов в какой-то мере компенсируется значительным количеством мемуарной литературы. В 1920-е годы в СССР, в связи с формированием вооруженных сил, были переведены воспоминания известных военных деятелей Германии Эриха

⁵⁵ См., напр.: Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Петроград, 1917; Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878-1917. Сер. III. Т. VII. М.; Л., 1935.

⁵⁶ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957; Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1-2. М., 1968, 1971.

⁵⁷ Geschichte in Quellen. München, 1961. Bd 5; Weltherrschaft im Visier. Berlin, 1975; Dokumente zur deutschen Geschichte 1914-1917. Berlin, 1976; Deutschland im Ersten Weltkrieg. München, 1982; Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges / Hrg. von W. Bihl. Darmstadt, 1991.

⁵⁸ Suomen itsenäisyyden tunnustaminen / Toim. A. Pakaslahti. Hels., 1937.

фон Фалькенгайна, Пауля фон Гинденбурга, Макса Гофмана и Эриха Людендорфа.⁵⁹ На страницах этих изданий нашли отражение общие вопросы восточной политики Германии, в контексте которых затрагивались также немецкие военные цели в отношении Финляндии.

Среди мемуаров немецких военных деятелей несомненный интерес представляют воспоминания командира Балтийской дивизии Рюдигера фон дер Гольца.⁶⁰ При этом из двух изданий его мемуаров наибольшей тенденциозностью и наименьшей информативностью отличается второе издание, опубликованное в 1936 г. Генерал стремился пробудить в немцах чувство гордости за участие Германии в «освобождении Финляндии от большевизма». На примере сотрудничества Берлина с правительством «белой Финляндии» в 1918 г. Р. фон дер Гольц пытался доказать необходимость союзнических отношений между Финляндией и Третьим рейхом. Несмотря на явную тенденциозность, мемуары немецкого генерала являются важным источником по вопросу становления финляндской независимости. Р. фон дер Гольц принадлежал к числу информированных людей, с которыми финское правительство предпочитало обсуждать наиболее острые проблемы внутренней и внешней политики молодого государства. С другой стороны, фон дер Гольц одновременно являлся проводником политики Верховного командования в Финляндии.

Взгляд финской стороны на роль Германии в обретении Финляндией независимости был представлен в воспоминаниях финского посланника в Берлине Эдварда Ельта.⁶¹ Он писал мемуары непосредственно «по горячим следам». У автора не было времени откорректировать свою позицию по тем или иным вопросам и сгладить острые углы. Будучи убежденным сторонником выхода Финляндии из состава Рос-

⁵⁹ *Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914–1916 гг. в важнейших решениях. М., 1923; *Гофман М.* Записки и дневники. 1914–1918. Л., 1929; *Гинденбург П.* Воспоминания. Л., 1922; *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. Т. 1–2. М., 1923, 1924.

⁶⁰ *Goltz R.* 1) *Meine Sendung in Finnland und im Baltikum.* Leipzig, 1920; 2) *Als politischer General im Osten.* Leipzig, 1936.

⁶¹ *Hjelt E.* *Vaiherikkailta vuosilta.* Muistelmia. II. Hels., 1919.

сийского государства, Э. Ельт предложил читателям концепцию, согласно которой без немецкой поддержки и помощи Финляндия не достигла бы своей независимости и не смогла бы ее сохранить.

Подобная точка зрения нашла свое отражение также на страницах восьмитомного финского издания воспоминаний участников борьбы за независимость Финляндии.⁶² Среди его авторов фигурировали уже упоминавшийся Э. Ельт, один из лидеров егерского движения в Финляндии Кай Доннер, глава финансового ведомства в правительстве П.Э. Свинхувуда Юхани Арайарви, а также начальник политического отдела немецкого Генштаба Эрнст фон Хюльзен, немецкие офицеры У. фон Колер и М. Бастиан, принимавшие участие в финской гражданской войне.

В 1950-е годы были опубликованы мемуары известных финляндских государственных деятелей К.Г. Маннергейма, К. Энкеля, В. Таннера и К.Г. Идмана.⁶³ При этом чиновника высшего ранга Энкеля и маршала Маннергейма объединял критический подход к финляндской политике Германии, а также к деятельности первых правительств независимой Финляндии. С точки зрения детализации егерского движения несомненную ценность представляют мемуары его участников, известного финского генерала П. Талвела и начальника отдела шюцкора в финском Генштабе А.Е. Мартола.⁶⁴

С другой стороны, в ФРГ были изданы дневники руководителя военно-морского кабинета Германии Г.А. Мюллера, обладавшего таким влиянием на кайзера Вильгельма, что его даже сравнивали с русским Г. Распутиным.⁶⁵ Автор встречался в годы Первой мировой войны с финскими сепаратистами, ему были известны их планы. Это позволяет

⁶² Suomen Vapaussota / Toim. K. Donner, T. Svedlin, H. Nurmio. Jyväskylä, 1921-1928.

⁶³ *Mannerheim G. Erinnerungen.* Zürich, 1952; *Idman K.G. Maamme itsenäistymisen vuosilta.* Porvoo-Hels., 1953; *Enckell C. Polittiset muistelmani.* I-II. Porvoo-Hels., 1956; *Tanner V. Kuinka se oikein tapahtui.* Hels., 1957.

⁶⁴ *Martola A.E. Sodassa ja rauhassa.* Hels., 1973; *Talvela P. Sotilaan elämä.* Muistelmat. I. Jyväskylä, 1976.

⁶⁵ *Müller G.A. Regierte der Kaiser?* Göttingen, 1959.

использовать его дневниковые записи для анализа отношения германских военных кругов к финляндскому сепаратизму.

В ходе исследования привлекались также мемуары влиятельного финансиста, выполнявшего в течение войны особо деликатные поручения немецкого МИД в Скандинавии Макса Варбурга, дневниковые записи редактора газеты «*Berliner Tageblatt*» Теодора Вольфа, военного министра Вильда фон Хоенборна и уже упоминавшегося Курта Рицлера.⁶⁶

Наконец, нельзя не упомянуть мемуары одного из творцов немецкой «политики революционизирования» Рудольфа Надольны.⁶⁷ Этот человек принадлежал к узкому кругу немецкой дипломатии, пережившей различные политические режимы и потрясения. В 1903–1907 гг. он работал в генеральном консульстве Германии в Петербурге, в годы Первой мировой войны возглавлял политической отдел германского Генштаба, затем в качестве специалиста по восточному вопросу работал в МИД. В 1919–1947 г. Р. Надольны не раз называли в числе кандидатов на пост министра иностранных дел. Его кредо выражено в словах — «Политика не может быть моральной». В своих мемуарах он без тени смущения обрисовал контуры «политики революционизирования», а также описал свой личный вклад в финляндскую независимость, рассказав о трех встречах с Э. Ельтом, предшествовавших провозглашению Финляндией независимости. Отношения между МИД и Верховным командованием автор называл «вечной грызней». Что касается событий 1918 г. в Финляндии, то там, по его мнению, никакой революции не было, просто русские солдаты предприняли попытку вновь завоевать Финляндию, но Германии удалось спасти финляндскую самостоятельность.

В целом, благодаря привлечению комплекса архивных и опубликованных источников появилась возможность проанализировать и проследить эволюцию финляндской политики

⁶⁶ *Warburg M.* Aus meinen Aufzeichnungen. New York, 1952; *Wolf T.* Tagebücher 1914–1919. Boppard am Rhein, 1984. Bd 1, 2; *W. von Hohenborn.* Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des preussischen Generals als Kriegminister und Truppenführer im Ersten Weltkrieg. Boppard am Rhein, 1986; *Riezler K.* Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. von K.D. Erdmann. Göttingen, 1972.

⁶⁷ *Nadolny R.* Mein Beitrag. Wiesbaden, 1955 (2 Auflage Köln, 1985).

Германии в течение Первой мировой войны, показать роль Германии в процессе обретения и становления финляндской независимости.

Книга содержит немало подробностей, которые поначалу способны отпугнуть читателя, но частности приоткрывают занавес и демонстрируют закулисные стороны принятия важнейших решений. Остается уповать на любознательность читателя, который запасется терпением и вместе с автором, страничка за страничкой, преодолет этот сложный путь.

* * *

Хотелось бы выразить глубочайшую признательность всем, с чьей помощью была написана данная книга. Если что-то в ней не удалось, то это вопреки их содействию. Автор искренне благодарит В.Н. Барышникова, ибо без его научного руководства трудно было бы представить написание диссертации, что позволило работать над предлагаемой книгой. Слова признательности автор адресует также К.Б. Виноградову, Т.М. Китаниной, О.Ю. Пленкову, С.Г. Веригину, В.Е. Морозову, В.И. Фокину, в разные периоды ознакомившихся с работой и давших полезные рекомендации. Не менее ценными оказались советы и поддержка коллег — сотрудников факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Слова благодарности автор адресует также преподавателям кафедры истории нового времени Санкт-Петербургского государственного университета, неизменно проявлявшим внимание и заинтересованность. Чрезвычайно важной была также помощь немецких коллег — профессора Берндта Бонвеча, госпожи Паулы Порбек, сотрудников Политического архива МИД и Бундесархива ФРГ. Автор выражает свою признательность руководителям и коллегам по российско-американскому семинару «Империя и регионы: российский вариант», общение с которыми неизменно оказывало стимулирующее воздействие на исследовательскую деятельность. Автор признателен также фондам, благодаря финансовой поддержке которых стало возможным изучение комплекса архивных материалов — фонду графини Марион Дёнхофф и Немецкой Службе академических обменов (DAAD).

Глава 1. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГЕРМАНО-ФИНЛЯНДСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (АВГУСТ 1914 — ФЕВРАЛЬ 1917 Г.)

1.1. «Финляндский вопрос» в германо-русских отношениях накануне Первой мировой войны

Присоединение Финляндии к Российской империи являлось следствием политики великих держав.¹ В 1807 г. на плоту посреди Немана, недалеко от Тильзита, состоялась встреча Наполеона Бонапарта и Александра I. В ходе этой встречи бывшие противники превратились в союзников и заключили мирный договор, согласно которому Россия взяла на себя обязательство оказать давление на Швецию с целью вынудить ее присоединиться к континентальной блокаде Англии. Политика санкций через год привела к русско-шведской войне, в течение которой территория Финляндии была завоевана русскими войсками.

17 сентября 1809 г. в финском приграничном городке Фридрихсгам (Хамина) был подписан мирный договор между Россией и Швецией. Швеция отказалась от своей отдаленной и «пренебрежительно заброшенной» восточной провинции в пользу Российского государства. При этом следует заметить, что значительная часть финляндского общества была духовно готова к смене государства-покровителя. В ходе успешных войн со Швецией Россия дважды в XVIII веке занимала территорию Финляндии. Поэтому среди, прежде всего, финляндской элиты укреплялись представления о том, что Швеция больше не в состоянии обеспечить безопасность жителей Финляндии. Растущее давление со стороны Стокгольма и разорявшие местное население русско-шведские войны способствовали росту регионального самосознания

¹ См. подр.: *Hovi K. Das Nationalitätsprinzip und die Entstehung der finnischen Selbständigkeit // Staatsgründungen und Nationalitätsprinzip. München; Vien, 1974. S. 58.*

финляндцев,² направленного против шведской короны. Современники тех событий поражались, как быстро и безболезненно произошел переход из власти одного государства под власть другого. «Дворянское сословие поменяло правителя с такой легкостью, с какой меняют рубашку»,³ — заметил позднее очевидец К.И. Валлен.

Положение Финляндии в составе Российской империи на протяжении более чем ста лет претерпело существенные изменения. Вплоть до конца XIX в. Финляндия, имевшая статус Великого княжества, развивалась как самостоятельная во внутренних делах, автономная общность, имевшая собственную денежно-кредитную, финансовую и таможенные системы, а также систему национального административного самоуправления.⁴

В политической системе княжества российская администрация позволила применить, с отдельными ограничениями, принцип разделения властей. Финляндия получила свой законодательный орган — сейм. Без одобрения сейма российский император, носивший в княжестве титул Великого князя, не мог проводить здесь свои законы и вводить налоги. Финляндия имела и собственную исполнительную власть — Императорский финляндский сенат, независимый во внутренних делах от Петербурга. Формально председателем сената являлся представитель России — генерал-губернатор. Однако его присутствие на заседаниях финляндского правительства было необязательным. Великим княжеством управляла местная бюрократия, которая оказалась способной объединить интересы края со своими собственными интересами. Органом, осуществляющим связь между Финляндией и российским императором, стал с 1826 г. Статс-секретариат Великого княжества Финляндского во главе с ми-

² Мы используем понятие «финляндцы» применительно ко всем жителям Финляндии, значительную часть которых составляли этнические шведы (11%).

³ Цит. по: Юссилла О., Хенттила С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998. С. 25.

⁴ См. подр.: Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Ленинград, 1968. С. 6.

нистром статс-секретарем.⁵ Эту должность занимали, в основном, финляндцы. Таким образом, согласно артуру дореволюционной «Истории Финляндии» М.М. Бородкину, «Россия целое столетие предпочитала смотреть на финляндские дела через финляндские очки».⁶

Княжество продолжало жить по законам, унаследованным со времен шведского правления. На Финляндию не распространялось и российское армейское устройство. Ее жители освобождались от воинской службы в империи, но могли служить в собственной, численно небольшой армии, которая, тем не менее, считалась символом особого статуса Великого княжества в составе Российского государства. Общими у Финляндии и империи к концу XIX в. оставались лишь глава государства — император, он же Великий князь, который на территории княжества являлся конституционным монархом, а также внешняя политика и оборона.

Привилегированное положение Великого княжества в составе Российской империи было обусловлено военно-стратегическими соображениями и расчетами. Александр I беспокоился о том, чтобы в случае новых войн Финляндия не поставила под угрозу безопасность российской столицы. Поэтому он постарался пробудить в финляндском обществе симпатии к российскому правлению. Заложенные Александром I основы финляндской автономии не только не оспаривались его преемниками,⁷ наоборот, ее рамки в течение XIX в. были значительно расширены. Согласно меткому замечанию финского историка Л. Крузиуса-Аренберга, Финляндия служила

⁵ См. подр.: *Белоглазов А.В.* Федерализм в «тюрюме народов»: Великое княжество Финляндское // *Федерализм: проблемы формирования.* Казань, 1994. С. 43; *Корнилов В.А.* К истории политического устройства Великого княжества Финляндского в 1809 г. // *Ученые записки МГПИ.* Т. 439. 1971. С. 180; *Новикова И.Н.* Великое княжество Финляндское в имперской политике России // *Имперский строй России в региональном измерении (XIX — нач. XX века).* М., 1997. С. 131.

⁶ *Бородкин М.* Итоги столетия. Харьков, 1909. С. 10.

⁷ Особое положение Финляндии сохранилось и при консерваторе Александре III, которому была «не по душе финляндская конституция», однако, как утверждал Александр III, «то, что дано Финляндии моими предками, для меня так же обязательно, как если бы это я сам дал». (Цит. по: *Полвинен Т.* Держава и окраина. СПб., 1997. С. 25).

«европейским фасадом России», который должен был показать общественному мнению западноевропейских стран, что вхождение в состав Российской империи есть благо для малого народа.⁸

Предоставление широкой автономии, невмешательство во внутренние дела княжества, кооперация с местной элитой и религиозная толерантность стали теми факторами, которые питали в течение почти столетия верноподданность финляндцев по отношению к российскому самодержавию.

Однако атмосфера прагматичного сотрудничества, которая отличала российско-финляндские отношения первой половины XIX в., в конце столетия безвозвратно ушла в прошлое. 3 (15) февраля 1899 г. Николай II подписал манифест, который предоставил российскому правительству право без одобрения финляндского сейма издавать для княжества законы, касающиеся общегосударственных потребностей. На основе февральского манифеста последовал ряд других важных законов, ущемляющих финляндскую автономию, например, закон о введении русского языка в делопроизводство в центральных учреждениях Финляндии, закон о воинской повинности, согласно которому финские войска отныне упряднялись, а жителям княжества предписывалось служить в российских войсках.⁹

В финской историографии предпринятое с конца XIX в. имперским руководством наступление на автономные привилегии Финляндии сначала характеризовалось как «угнетение» (при этом выделяли два этапа: 1899–1905 гг. — «первый период угнетения» и 1908–1917 гг. — «второй период угнетения»). Затем это явление получило название «русификации» и, наконец, в современных исследованиях часто употребляется понятие «унификация».¹⁰ Вопрос о причинах упомянутого явления продолжает оставаться дискуссионным.

⁸ *Krusius-Ahrenberg L. Finnischer Separatismus und Russischer Imperialismus im vorigen Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1959. Bd 187. H. 2. S. 278.*

⁹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1538. Оп. 1. Д. 2. Л. 206. Докладная записка В.К. Плеве Николаю II от 28.08.1902.

¹⁰ *Kaikkonen O. Aspekte zur Erforschung der deutsch-finnischen Beziehungen 1871–1914 // Zur Nordeuropa-Forschung. Greifswald, 1985. S. 43.*

На первое место среди причин изменения финляндской политики самодержавия на рубеже веков нередко выдвигается русский консервативный национализм,¹¹ процветавший уже при Александре III. Однако, при Николае II консервативные националисты обосновались не только в редакциях газет «Московские ведомости» или «Новое время».¹² Они были приближены ко двору и получили возможность влиять на процесс принятия важнейших государственных решений и, более того, с благословения молодого императора могли претворять свои идеи в жизнь, как это было в период губернаторства Н.И. Бобрíkова в Финляндии.¹³ Тем не менее, было бы ошибкой свести все многообразие факторов, влиявших на финляндский курс самодержавия, только лишь к идеологии консервативного национализма.

В конце XIX — начале XX в. Великое княжество Финляндское превратилось в один из объектов экономического соперничества Германии и России. Германия стала главным конкурентом России на финляндском рынке. Еще с начала 1890-х годов она заняла здесь ведущее положение в импорте промышленной продукции. Удельный вес Германии в финляндском импорте увеличился с 20% в 1880-е годы XIX столетия до 40% к 1906 г. и оставался на этой отметке вплоть до начала Первой мировой войны. В то же время доля России на финляндском рынке упала с 45% до 29%.¹⁴ Постепенно Германия оттеснила Россию и в традиционно российской области экспорта — в зерновом экспорте. В 1910 г. удельный вес российских зерновых культур в хлебном импорте Финляндии составил примерно 36%,

¹¹ Luntinen P. Venäläisten sotasuunnitelmat Suomen separatismia vastaan. Hels., 1984. S. 81.

¹² См. подр.: *Полвинен Т.* Держава и окраина. С. 31–36.

¹³ Политика Н.И. Бобрíkова в Финляндии находила самую теплую поддержку у Николая II. В одном из своих писем финляндскому генерал-губернатору российский император отмечал, что «вполне согласен с вашим (Н.И. Бобрíkова) взглядом и сожалею только, что он опоздал». — РГИА. Ф. 691. Оп. 1. Д. 9. Л. 1. Николай II Бобрíkову Н.И. от 26.03.1899.

¹⁴ Pihkala E. 1) Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860–1917. Hels., 1970. S. 136; 2) Der baltische Handel Finnlands. 1835–1944 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1975. № 23. S. 9.

удельный вес немецких зерновых культур — 58%.¹⁵ С 1907 г. Германия заняла первое место в общем товарообороте Финляндии.¹⁶

Высокие потребности финляндской индустрии в капиталовложениях способствовали развитию и укреплению связей между немецкими и финляндскими банками. Ограниченность российских денежных ресурсов, а также известные изоляционистские тенденции по отношению к метрополии толкали финляндских предпринимателей и банкиров в немецкие объятия. Германия являлась одним из крупнейших западноевропейских кредиторов Финляндии. Банкирский дом Ротшильда, Гамбургский банкирский дом «Галлер и сыновья», Дрезденский банк, банкирская фирма «Эрландер и сыновья», Коммерческий банк Любека активно участвовали в спонсировании экономической жизни Великого княжества. К концу 1911 г. общая сумма предоставленных Германией займов составила 261 млн финских марок. Задолженность финляндских акционерных банков немецким составляла 42% от общей суммы займов за границей.¹⁷

Немецкий финансовый капитал влиял на финляндскую экономику также путем прямых инвестиций, прежде всего, в электроэнергетику. В 1912 г. в Финляндии было основано акционерное общество «Иматра» по производству и распределению электроэнергии на основе эксплуатации водопадов малой Иматры. Германские банки занимали господствующее положение среди его учредителей. Им принадлежал контрольный пакет акций — 42%.¹⁸ Важную роль в разработке и использовании природных ресурсов края играли немецкие концерны Симменс-Шуккерт, АЭГ Маннесмана и

¹⁵ Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения. С. 95; О причинах упомянутой ситуации см. подр.: Китанина Т.М. Русский хлебный экспорт и рынок Финляндии во второй половине 19 — начале 20 в. // Труды советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1988. С. 79; Pihkala E. Suomen Venäjän kauppa. S. 138, 148–150.

¹⁶ Menger M. Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. 1917–1918. Berlin, 1974. S. 19.

¹⁷ Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения. С. 59, 138.

¹⁸ Там же.

др.¹⁹ Так финляндская окраина, прежде составлявшая неотъемлемую часть Российской империи, постепенно ускользала из-под влияния российского капитала.

Усиление экономического присутствия Германии в Финляндии настораживало российских предпринимателей и способствовало их натиску на имперское правительство с целью предоставления отечественному капиталу режима наибольшего благоприятствования. Поскольку вытеснить германского конкурента из российской сферы влияния чисто экономическими средствами российской буржуазии не удавалось, то в обращение вступили меры политического характера, призванные постепенно ликвидировать финляндскую автономию.²⁰

На рубеже веков, в обстановке усиливающейся конфронтации великих держав, большое влияние на взаимоотношения России и Финляндии начал оказывать также военно-стратегический фактор — обеспечение безопасности российской столицы. При этом военные круги России принимали во внимание прежде всего угрозу со стороны Германии.²¹ В 1898 г. германский рейхстаг по предложению адмирала А. Тирпица одобрил первую «Большую программу строительства военно-морского флота». Германия приступила к строительству своих военно-морских кораблей в гаванях Балтийского моря. Финляндия с ее вытянутым побережьем могла превратиться в потенциальный плацдарм для нападения. Многие российские военные также полагали, что в случае германо-российского конфликта подогреваемая реваншистскими настроениями Швеция выйдет из состояния нейтралитета, вступит в войну на стороне Германии и попытается вернуть себе Финляндию. Подобного мнения, в частности,

¹⁹ Менгер М. Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны // Скандинавский сборник. Вып. 17. Таллин, 1972. С. 113.

²⁰ О законодательных мерах правительства с целью ликвидации финляндской автономии см.: Кан А.С. Великое княжество Финляндское под властью царской России // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980. С. 122-124; Соломеч И.М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914-февр.1917). Петрозаводск, 1992. С. 7-9.

²¹ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 11. Оп. 4. Д. 19. Л. 2-17. Доклад Генерального штаба о развертывании вооруженных сил при войне с державами Тройственного союза, 25.07.1913.

придерживался командующий Балтийским флотом адмирал Н. Эссен.²² С точки зрения финских историков Т. Полвине-на, О. Сейткари и Р. Роппонена, военно-стратегический фактор являлся главной причиной «второго периода угнетения».²³ Безопасность Петербурга требовала интеграции Финляндии в общеимперскую систему обороны.

Среди причин изменения финляндского курса российского самодержавия определенное место занимает и фактор так называемого «финляндского примера». Российские правительственные круги опасались не столько финляндского сепаратизма, сколько влияния примера Финляндии на другие части империи, в частности на эстонское национальное движение.²⁴ Некоторые консервативно настроенные российские военные задавали вопрос: «Что если за «государством Финляндским» народятся княжества Эстонское и Ливонское, «крулевство» Польское, «гетманство» Украинское с особыми монетами, таможнями, почтами и финансами? ... Может быть, даже какие-нибудь потомки древлян, белорусы, захотят восстановить свою державу и возродить из пепла древний Искоростень? В каком положении будет тогда оборона России от внешнего врага?»²⁵ Поэтому они полагали, что «финляндский вопрос» — это «вопрос жизни и смерти России». Как писал по этому поводу Н. Каменский: «Какие бы тяжкие испытания и неудачи ни ожидали нас в ... Приамурье и даже в Сибири — от них судьба России, как державы никогда не будет зависеть. Россия останется Россией, даже если утратит пол Сибири, но Россия снова может превратиться в княжество Московское... если мы сдадим на Западе и позволим иностранцам подготовить почву к дележу наследства Царства».²⁶

²² Åselius G. «The Russian Menace» to Sweden. Stockholm, 1994. P. 4.

²³ Venäläisten sortokausi Suomessa. Porvoo-Hels., 1960. S. 19–23, 35; *Ropponen R.* Die russische Gefahr. Hels., 1976. S. 71.

²⁴ См. отчеты губернаторов Прибалтийских губерний в конце XIX — начале XX в. — РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 129; Оп. 12. Д. 284–286; Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 102. Записки Ф. Зейна за 1913–1914 г.

²⁵ Цит. по: *Каменский Н.* Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства. СПб., 1908. С. 62.

²⁶ Там же. С. 63.

При этом российская и финляндская стороны вкладывали разное содержание в понятие «сепаратизм». Финляндцы не требовали расширения автономных привилегий. Они защищали то, что приобрели в течение XIX в. в силу, может быть, и излишней уступчивости, а порой и бездействия российских властей. Применяя терминологию американских исследователей А. Орриджа и К. Вильямса, в Финляндии в рассматриваемый период имел место «автономистский национализм».²⁷ Российская же сторона истолковывала это явление как стремление к выходу из состава империи.

Однако частично сами финляндцы были виновны в возникновении того понимания сепаратизма, которое бытовало в общественном мнении России. Финляндский народ представлял собой молодую национальную идентичность со свойственным подобным общностям дистанцированием от культуры государствообразующей нации. Превосходный знаток Финляндии В.П. Семенов-Тянь-Шанский обратил внимание на особенность финляндского мироощущения на рубеже веков, заметив, что у молодой финляндской нации инстинкт самосохранения своих традиций и культуры был доведен «до болезненных форм». «Типичным примером психологии малого народа может служить «очень легкий переход законной гордости за свои традиции и культуру в националистическое самомнение и нежелание соблюдать умеренность в отношениях с империей»,²⁸ — писал по этому В.П. Семенов-Тянь-Шанский.

Например, русские путешественники и представители власти с недоумением знакомились с финляндскими учебниками и прессой. Излагая прошлое Финляндии, в учебниках истории события освещались со шведской точки зрения. Их авторы сожалели о неудачах Швеции и радовались ее успехам. Россию же всегда представляли в невыгодном свете. Успехи русских объяснялись или случаем или подкупом.²⁹ В феврале 1891 г. российские подданные, кроме евреев,

²⁷ *Orridge A., Williams C. Autonomist Nationalism: A Theoretical Framework for Spatial Variations in it's Genesis and Development // Political Geography Quarterly 1. (1982). P. 24, 29,32.*

²⁸ *Семенов-Тянь-Шанский В.П. Финляндия. СПб., 1918. С. 57.*

²⁹ *Каменский Н. Современное положение Финляндии. С. 26–27.*

получили право свободно приобретать в Финляндии недвижимое имущество и владеть им. В основном они приобретали дачные участки в Выборгской губернии. Российские дачники, среди которых были и влиятельные особы, сталкивались с препятствиями, которые устраивала на их пути финляндская администрация. Финляндские газеты печатали в этот период статьи с призывом беречь свою землю как «основу национальной самобытности, не продавать ее выходцам с востока, людям чужого, пришлого народа». ³⁰

«Националистическое чванство, — как справедливо заметил известный финский историк Т. Полвинен, — отнюдь не является привилегией одних только великих держав». ³¹ В усердии доказать свое право на самоуправление, в публичных проявлениях антирусских настроений, в утверждениях о «превосходстве» своей культуры жители княжества переходили разумную грань, давая оружие против себя в руки тем имперским кругам, которых явно не устраивало особое положение Финляндии. ³²

Отсутствие умеренности в высказываниях лидеров финляндского национального движения, нарочитый акцент на особой финляндской государственности давали повод российским чиновникам интерпретировать естественное стремление малого народа к обособлению и желание сохранить свои особые права и привилегии как преступный сепаратизм. Не случайно, в конце XIX — начале XX в. среди политической элиты империи все яснее стало звучать требование «вторичного завоевания» Финляндии, включавшее в себя и постепенную ликвидацию автономных привилегий княжества, а также присоединение к России Выборгской губернии. ³³

Наконец, нельзя не отметить особенности международной обстановки в этот период. В конце XIX — начале XX в. шло становление военно-политических группировок великих держав. По мере обострения между ними противоречий кри-

³⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499. Л. 41–43. «О положении православного населения Карельского перешейка в Финляндии».

³¹ Полвинен Т. Держава и окраина. С. 252.

³² Там же.

³³ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 241. Л. 8–12. Записка А.И. Гучкова, без даты.

зисы в большой политике следовали один за другим. Как отмечал Т. Полвинен, «развитое до крайности чувство национального достоинства, а также недоверие к намерениям противоположной стороны затрудняли мирное решение кризисов, ибо повсюду были предрасположены видеть оскорбление своей нации и ее достоинства. Политическое напряжение... отражалось на военной области нарастанием гонки вооружений, что в свою очередь опять-таки усиливало политическое напряжение».³⁴

Образовался заколдованный круг, который и был разорван Первой мировой войной. В обстановке сменяющих друг друга с калейдоскопической быстротой кризисов государство для достижения успеха должно было быть крепким и единым. Победы в будущих сражениях определялись не только состоянием экономики, армии, но и степенью государственной консолидации. Поэтому тенденция к централизации управления накануне войны была присуща практически всем великим державам. Правители того времени считали неизбежной политику унификации и централизации, ибо к иным, не силовым рецептам решения проблем они испытывали мало доверия.³⁵ Русификация в западной части Российской империи от Польши до Финляндии, германизация в Познани и Шлезвиге, вероятно, являлись звеньями одной цепи.

Безусловно, для широких кругов финляндского общества наибольшее значение имели не размышления о побудительных мотивах натиска на «законный порядок», а его непосредственное осуществление. Политика ущемления ранее приобретенных привилегий вызвала соответствующее усиление националистического, противоимперского движения в финляндском народе. На почве наступления российского правительства на автономные права финляндцев, с одной стороны, и сопротивления населения княжества указанным мероприятиям — с другой, обострился так называемый «финляндский вопрос».

В начале XX в. в финляндском обществе зародилось две традиции борьбы с унификаторскими начинаниями централь-

³⁴ Цит. по: Полвинен Т. Держава и окраина. С. 247.

³⁵ Paasivirta J. Pienet valtiot Euroopassa. Helsingi, 1987. S. 350.

ной власти: «пассивное» и «активное» сопротивление. Выразителем первой традиции стал основанный в 1901 г. на широкой межпартийной основе блок «кагал», члены которого являлись принципиальными противниками насилия. Они призывали финляндцев строго придерживаться конституционных методов борьбы; выступали против введения в учебные заведения русского языка в качестве обязательного, составляли петиции Николаю II, организовывали «цветочные кампании» и демонстрации около памятника Александру II в Гельсингфорсе, а также агитировали жителей княжества эмигрировать в Северную Америку и Австралию, чтобы на неосвоенных территориях основать «Новую Финляндию». ³⁶

Приверженцы второй традиции отдавали предпочтение «активным» способам борьбы, в том числе, террористическим актам против российских чиновников и даже говорили о подготовке вооруженного восстания в княжестве. ³⁷ Основанная в 1904 г. партия Активного сопротивления по методам борьбы напоминала российских эсеров. ³⁸ В годы русско-японской войны «активисты» пытались заручиться поддержкой Японии, провозгласив лозунг: «Враг России — друг Финляндии». В 1907 г. они внесли в программу своего движения требование достижения полной государственной независимости Финляндии. ³⁹

Таким образом, постепенно внутри империи пролегла невидимая линия фронта, по одну сторону которой оказались интересы национального развития Финляндии, а по другую — закономерности имперского развития России, подкрепленные ее военно-стратегическими и экономическими потребностями.

³⁶ РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 69. Л. 2–3.; Д. 71. Л. 9.; Д. 73. Л. 1–1об. Сводки сведений о деятельности некоторых финляндских политиков. 1902 г.; Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 59. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–11. «Краткий обзор противоправного движения в Финляндии».

³⁷ ГАРФ. Ф. 494. Оп. 2. Д. 13. Л. 28–28 об. Программа партии Активного сопротивления.

³⁸ Kujala A. Venäjän sosialistivallankumouksellinen puolue ja Suomen aktivismin synty // Historiallinen Aikakauskirja. 1987. N 2. S. 92.

³⁹ Kujala A. Japanin, Englannin ja Ruotsin yhteydet Suomen perustuslailliseen oppositioon Venäjän-Japanin sodan aikana // Historiallinen Aikakauskirja. 1988. № 1. S. 4.

Какую позицию занимала Германия по отношению к разгоравшемуся российско-финляндскому конфликту? Прежде всего, следует иметь в виду, что даже образованные слои немецкого населения имели весьма смутное представление о Финляндии, как о территории, которая находится «так же далеко, как Болгария или Португалия, хотя географически Гельсингфорс расположен значительно ближе к Данцигу или Любеку, чем Гамбург или Кёльн к Софии». ⁴⁰

Немецкая общественность «открыла» для себя Финляндию в период обострения российско-финляндского конфликта. Февральский манифест Николая II вызвал к жизни появление в Западной Европе огромного количества брошюр, памфлетов, статей, посвященных Финляндии. В течение весны 1899 г. Николаю II были направлены тринадцать различных обращений в защиту прав Финляндии из Скандинавских стран, Великобритании, Франции, Германии и других европейских государств. Обращения к российскому императору подписали 1050 деятелей науки, литературы и искусства. ⁴¹ В подготовке обращения приняли участие выдающиеся немецкие историки Теодор Моммзен и Ханс Дельбрюк, знаменитый естествоиспытатель, один из основателей Прогрессивной партии Рудольф Вирхов. В Германии было собрано наибольшее количество подписей в защиту финляндской автономии. ⁴²

С 1901 г. известное немецкое издательство «Дункер и Хумблот» приступило к изданию журнала «Финляндише рундшау» («Finnländische Rundschau»). Редактором его стал молодой филолог и переводчик Эрнст Браузеветтер. Тон издания был проникнут теплыми чувствами по отношению к «защищающему свою высокую культуру маленькому финляндскому народу, мужественно сражающемуся против русского угнетения». ⁴³ Сотрудники «Финляндского обозрения» прилагали много усилий для того, чтобы познакомить не-

⁴⁰ Hagen Manfred. Die «Entdeckung» Finnlands in der deutschen Öffentlichkeit seit 1899 // Finnland-Studien. Wiesbaden, 1990. S. 152.

⁴¹ Материалы по финляндскому вопросу. Берлин, 1901. С. 84.

⁴² Там же.

⁴³ Hagen M. Die «Entdeckung» Finnlands in der deutschen Öffentlichkeit S. 155.

мецких читателей с финской культурой и искусством. На страницах этого журнала современники могли прочесть переводы произведений классиков финской литературы Ю. Ахо, А. Киви, Э. Топелиуса.

Следующий этап участия немецкой общественности в российско-финляндском конфликте был связан с финляндской политикой П.А. Столыпина, направленной на постепенную интеграцию Великого княжества в общеимперскую систему государственного управления.⁴⁴ Осенью 1909 г. финская сторона предприняла попытку привлечь к участию в кампании защиты автономных прав княжества общественное мнение Европы. С этой целью в страны Западной Европы были отправлены финские эмиссары. В Германии они нашли теплый прием у немецкой либеральной интеллигенции. Влиятельная немецкая газета «Франкфуртер цайтунг» в декабре 1909 г. опубликовала статью известного немецкого философа из Йены, лауреата Нобелевской премии по литературе Рудольфа Ойкена, который обратил внимание немецкой общественности на судьбу отстаивающего свои права малого народа.⁴⁵ Голос Ойкена был услышан в кругах немецкой интеллигенции, и уже 25 января 1910 г. самые читаемые издания Германии опубликовали обращение «За Финляндию», подписанное более чем семьдесятю крупными представителями немецкой науки и культуры.⁴⁶ В этой акции приняли участие такие известные историки, как К. Лампрехт, Д. Шэфер, Г. Дельбрюк, философы и социологи Г. Зиммель, Е. Трельч, уже упоминавшийся Р. Ойкен, юристы К.Л. фон Бар, О. Гирке и Г. Йеллинек, Нобелевский лауреат химик В. Оствальд и др. Обращение к российским властям было выдержано в предельно корректной и вежливой форме. Авторы, по их признанию, «не хотели вмешиваться во внут-

⁴⁴ *Тейстре У. В.* Вопрос об общегосударственном законодательстве и наступление царизма на финляндскую автономию в 1907–1910 гг. // Скандинавский сборник. Вып. 17. Таллин, 1972. С. 94–96.

⁴⁵ *Hagen M.* Die «Entdeckung» Finnlands in der deutschen Öffentlichkeit. S. 159.

⁴⁶ «Für Finnland» — Обращение известных немецких профессоров в защиту финляндской автономии от 25. 01. 1910 // Вестник Европы. 1910. №. 2. С. 390–402.

ренные дела России». Они выступали «против разрушения или причинения ущерба политической самостоятельности Финляндии», сожалели, что в ходе осуществления мероприятий правительства П.А. Столыпина могла пострадать самобытная финская культура.⁴⁷

Примечательно, что среди подписавших обращение «За Финляндию» мы не обнаруживаем фамилий трех очень влиятельных в Германии представителей немецкой русофобии; выходцев из Прибалтийских провинций Российской империи Т. Шимана, И. Халлера и П. Рорбаха. Первые два являлись известными историками, третий — ведущим политическим публицистом Германии. Все трое считали Российскую империю искусственным образованием, представляющим собой конгломерат несовместимых между собой рас и народов, которых лишь царский деспотизм удерживал столь длительное время вместе.⁴⁸ Первый серьезный удар, считал профессор Русской истории Теодор Шиман, должен сломать Российскую империю и привести ее к распаду. Шиман написал множество брошюр и памфлетов. Он обладал значительным влиянием при дворе, более того, считался доверенным лицом кайзера Вильгельма II. Немецкий профессор выступал за примирение с Великобританией, чтобы иметь свободу рук на Востоке, ибо на Западе у Германии не было возможностей приобрести крупные военные трофеи в случае войны, тогда как перспективы экспансии на Востоке представлялись ему безбрежными. Шиман пренебрежительно трактовал русскую культуру, но его оголтелая русофобия привела к тому, что,

⁴⁷ Заявление европейских и финляндских ученых о финляндском вопросе. СПб., 1910. С. 5-7.

⁴⁸ Немецкая русофобия накануне мировой войны представляла собой сложное явление, мы обнаруживаем ее и в «правом лагере» и в «левом» — у немецких социал-демократов. Большой вклад в формирование негативного образа России внесли прибалтийские немцы. В немецкой историографии существует тезис, согласно которому прибалтийские немцы-эмигранты, распространяя враждебные России настроения, оказали негативное воздействие на внешнюю политику Германии, что привело к существенному ухудшению германо-русских отношений. — См. подр.: *Lenz W. Baltische Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Broschürenliteratur über die Ostseeprovinzen Rußlands // Die baltischen Provinzen Rußlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917.* Köln; Wien, 1982. S. 187-190.

будучи главным обозревателем газеты «Крейццайтунг», он потерял контакт с читателями, и его сменил на этом посту более умеренный сотрудник.⁴⁹

Предметом занятий профессора Йоханнеса Халлера были средние века, но это не мешало ему активно рассуждать о «русской угрозе» европейской цивилизации. Из его работ вытекали два основных положения: Германия должна расширяться в естественном направлении — на Восток, и что Россия исторически находится вне семьи европейских народов, их культурной и политической традиции.⁵⁰

Что касается Пауля Рорбаха, то он безусловно принадлежал к числу фаворитов немецкой читающей публики. Накануне войны Рорбах утверждал, что «русский колосс» должен быть рассечен на его естественные исторические и национальные составляющие — из состава Российского государства, как он полагал, «выпадали» Финляндия, Польша, Бессарабия, Прибалтийские провинции, Украина, Кавказ и Туркестан. Россию, по Рорбаху, можно разделить на части, подобно апельсину — без разреза и ран, в то время как Германия или Франция не способны пережить подобной операции. Однако Рорбах не был расистом или членом Пангерманского союза. Он указывал на преследования евреев в России, притеснения инокродцев как на свидетельство жестокости самодержавия и российской отсталости. Он вел неустанную борьбу с пангерманистами, в чьих претензиях, по его мнению, отсутствовало чувство умеренности и реальности, что принесло неизмеримый ущерб репутации Германии во всем мире. «Империализм» Рорбаха был основан на чувстве культурного превосходства Германии над Россией.⁵¹

⁴⁹ См. подр.: *Ropponen R. Die russische Gefahr. Das Verhalten der öffentlichen Meinung Deutschlands und Österreich-Ungarns gegenüber der Außenpolitik Rußlands in der Zeit zwischen dem Frieden von Portsmouth und dem Ausbruch des Ersten Weltkrieges.* Hels., 1976. S. 23; *Meyer K. Th. Schiemann als politischer Publizist.* Frankfurt am Mein.; Hamburg, 1956.

⁵⁰ *Лакер У. Россия и Германия наставники Гитлера.* Вашингтон, 1991. С. 64.

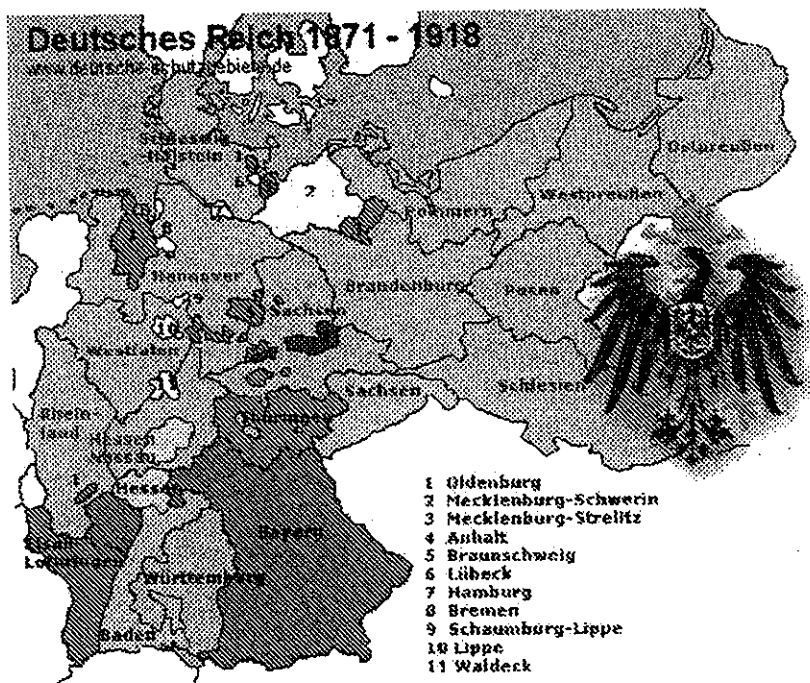
⁵¹ *Lenz W. Baltische Propaganda im Ersten Weltkrieg. S. 191–192; Hagen M. Die «Entdeckung» Finnlands in der deutschen Öffentlichkeit. S. 164; Bieber H. Paul Rohrbach. Ein konservativer Publizist und Kritiker der Weimarer Republik.* München, 1972.

Принимая во внимание русофобию Шимана, Халлера и Рорбаха, логично было бы предположить, что они, как никто другой, были заинтересованы по идейным соображениям встать на защиту финляндцев и принять участие в акциях немецкой либеральной интеллигенции. Однако, между взглядами выходцев из Прибалтики и участников движения «За Финляндию» имелись существенные различия — немецкая интеллигенция, подписавшая обращение от 25 января 1910 г. не страдала навязчивой русофобией и не требовала расчленения России. Она выступала за сохранение статус-кво, как территориального, так и в отношениях между Финляндией и Россией. С другой стороны, оголтелые русофобы накануне мировой войны не могли раскрыть все свои таланты. Они заговорили в полный голос с началом боевых действий, когда немецкой правящей элите экстренно потребовалась их помощь в формировании «образа врага» в лице Российской империи.

Что касается немецкой либеральной интеллигенции, то ее акции в защиту финляндской автономии, издание брошюр, посвященных «финляндскому вопросу», а также публикации статей способствовали тому, что немецкая общественность в начале XX в. все же «открыла» для себя Финляндию и прониклась уважением к борьбе финляндцев за свои права. В российско-финляндском конфликте немецкая либеральная интеллигенция стала на сторону Финляндии и пыталась морально поддержать ее народ.

В отличие от немецкой читающей публики, «открывшей» Финляндию благодаря прессе, сотрудники немецкого посольства в Петербурге и консульства в Гельсингфорсе имели возможность собственными глазами следить за развитием российско-финляндского противостояния. В касающихся Финляндии донесениях дипломаты акцентировали внимание немецкого руководства на двух проблемах: оценке «политики русификации» с точки зрения интересов Германии в княжестве и возможности вооруженного восстания в Финляндии.⁵²

⁵² Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее — PAAA). Russland 63. Bd 11.

Германская империя 1871–1918 гг.

Большинство немецких дипломатов критически оценивало «политику русификации» и проявляло явные симпатии по отношению к финляндскому «пассивному» сопротивлению. Что касается перспектив вооруженного восстания в княжестве, то среди дипломатов, в основном, преобладали пессимистичные прогнозы. Консулы в Гельсингфорсе Карл Винкель и Альберт Гольдбек-Леве убеждали в своих донесениях, что возможности финляндцев подняться на борьбу являются «продуктом воображения». ⁵³ Они безусловно знали о существовании в княжестве партии Активного сопротивления, взявшей курс на подготовку вооруженного восстания, но и эти сведения не поколебали пессимистичных настроений относительно возможностей финляндских «активистов». ⁵⁴

Исключением из столь неутешительных прогнозов являлись рапорты сотрудников немецкого МИД Вильгельма фон Шёна и Рудольфа Надольны. Последний, основываясь на информации анонимного русского журналиста, сообщал, что у финляндцев будто бы готова 300-тысячная армия, которая собирается защищать автономию княжества. ⁵⁵ Это было явно неправдоподобное сообщение, однако оно попало на стол кайзера Вильгельма.

Донесения, подобные рапорту Р. Надольны, заронили в сердца некоторых сотрудников с Вильгельмштрассе ⁵⁶ мысль о возможности использования финляндского сепаратизма в случае конфликта между Россией и Финляндией. Предполагалось, что в подобной обстановке финляндская оппозиция самодержавию стала бы «естественным союзником Германии». ⁵⁷

Что касается имперского руководства Германии, то оно не проявляло особого желания вмешиваться в российско-

⁵³ Ibid. L 079715. Goldbeck-Löwe an Bülow B. vom 26.02.1908; Winckel C. an Bethmann Hollweg T. vom 5.12.1909.

⁵⁴ Ibid. Bd 11. L 079715. Goldbeck-Löwe an Bülow vom 26.02.1908.

⁵⁵ *Arunen O.* Suomi keisarillisen Saksan politiikassa. S. 56, 58.

⁵⁶ Улица, на которой находилось здание Статс-секретариата по иностранным делам.

⁵⁷ PAAA. Russland 63. Bd 11. L 079743. Winckel an Bülow vom 27.07.1908; L 079851. Bericht von Hauptmann Klette vom 29.01.1910.

финляндские противоречия.⁵⁸ В период быстро сменяющихся друг за другом международных кризисов 1900–1914 гг. ожесточенная борьба велась вокруг таких территорий, в которых не утвердилось еще окончательно влияние великих держав. Болезненными точками соприкосновения между Германией и Россией являлись Балканы и Турция, но не европейский северо-восток. В Балтийском регионе с начала XX в. преобладала тенденция к сохранению статус-кво.⁵⁹ Осмо Апунен, один из ведущих специалистов в области германо-финляндских отношений исследуемого периода пришел, в частности, к заключению, что в германском Генштабе накануне Первой мировой войны не существовало военных планов захвата Великого княжества Финляндского.⁶⁰ Финляндия являлась для Германии периферийным регионом.

В предвоенный период интересы Германии в Финляндии ограничивались в основном экономической активностью — завоеванием дополнительного рынка сбыта продукции и источника ресурсов. То обстоятельство, что Финляндия все-таки сумеет достичь государственной независимости, накануне мировой войны даже трудно было предположить. Впрочем, об этом немецкие политические деятели не особенно задумывались. В международных отношениях того периода великая держава видела перед собой, прежде всего, другие великие державы. Малые же страны, в силу слабости их ресурсов, считались «смехотворным явлением».⁶¹ Суверенитет многих из них был творением великих держав и зависел от волеизъявления последних.

1.2 «Политика революционизирования» Финляндии

Мировая война заставила изменить отношение правящих кругов Германии к «финляндскому вопросу». Спустя не-

⁵⁸ *Apunen O. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa. S. 57.*

⁵⁹ *Hovi O. The Baltic Area in British policy, 1918–1920. Vol. 1. Hels., 1980. P. 28.*

⁶⁰ *Apunen O. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa. S. 61.*

⁶¹ *Paasivirta J. Pienet valtiot Europassa. S. 350.*

сколько дней после ее начала, 6 августа 1914 г. немецкий посол в Стокгольме Франц фон Райхенау получил указание от рейхсканцлера Теобальда фон Бетман-Гольвега вступить в контакт с влиятельными политическими деятелями Финляндии с целью создания благоприятного для Германии настроения, пообещав финнам, в случае успешного исхода войны, «создание автономной буферной республики Финляндии». ⁶²

Этот внезапно вспыхнувший интерес немецкого руководства к национальным проблемам финляндцев был обусловлен комплексом великодержавных противоречий, в фокусе которых находилась Российская империя.

9 сентября 1914 г., в разгар сражения при Марне, когда разгром Франции казался предрешенным, Т. фон Бетман-Гольвег отправил статс-секретарю по внутренним делам К. Дельбрюку текст программы военных целей Германии, в соответствии с которой Франция должна была потерять статус великой державы, Бельгия деградировала до страны-вассала Германии, европейские государства объединялись под эгидой Германии в «Срединную Европу», а на Востоке провозглашалось требование «по возможности отеснить Россию от немецкой границы и разрушить ее господство над нерусскими народами — вассалами». ⁶³ «Отодвинуть Россию от немецких границ» предполагалось путем создания буферных государств из западных провинций Российской империи. «Сентябрьская программа» Бетман-Гольвега сочинялась в об-

⁶² PAAA. Weltkrieg 11c.Bd 1.Erlas № 48. Reichskanzler an Reichenau vom 6.8.1914; *Arunen O. Suomi keisarillisen Saksan politiikkassa*. S.303.

⁶³ Цит. по: Deutschland im Ersten Weltkrieg. Texte und Dokumente. München, 1982, S. 181–182. В исторической литературе существуют различные оценки «сентябрьской программы» Бетман-Гольвега. Например, немецкие историки Г. Риттер и Г. Херцфельд представляют программу как сугубо личное мнение рейхсканцлера, которое затем пресса превратила в «общественное мнение» страны. — См.: Ritter G. Staatkunst und Kriegshandwerk. München, 1964. Bd III. S. 21; Herzfeld H. Zur deutschen Politik im Ersten Weltkrieg // *Historische Zeitschrift*, 1960. Bd 191. S. 67–82. Напротив, гамбургский историк Ф. Фишер подчеркивал значение программы в том, что в ней были изложены не изолированные требования Т.Бетман-Гольвега, а отразились идеи ведущих представителей экономики, политики, вооруженных сил. — См.: Fischer F. 1) Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1994. S.95; 2) Weltmacht oder Niedergang. S. 63.

становке эйфории, обусловленной первыми победами немецкого оружия. Тем не менее, она стала основой для последующих документов, определяющих немецкие военные цели, и претерпела незначительные изменения вплоть до конца войны.

В «сентябрьской программе» рейхсканцлера нашли отражение два проводившихся имперским руководством Германии в течение войны положения: во-первых, был взят курс на расчленение Российской империи, с помощью отделения от нее окраинных областей (так называемая *Deckungspositionspolitik*); во-вторых, с целью прикрытия этой уязвимой для критики политики, а также для мобилизации населения под вдохновляющим сердца лозунгом, привлечения на свою сторону оппозиционных самодержавию сил внутри России в программе рейхсканцлера наметились контуры концепции особой миссии Германии как «освободительницы и защитницы малых наций».

«Личности, руководившие Германией в 1914 г., — по словам немецкого историка Э. Цехлина, — не стояли в авангарде поборников права наций на самоопределение... Но они хотели через соответствующее подстрекательство к возмущению ослабить военную силу противника».⁶⁴

Один из влиятельнейших немецких генералов Эрих Людендорф, обозначив среди задач войны «ведение борьбы на внутреннем неприятельском фронте», при этом недвусмысленно вопрошал: «Неужели Германия не должна была прибегнуть к этому могучему средству... Неужели не надо было подтачивать моральные устои неприятельских народов?»⁶⁵

Политическая и военная элита Второго рейха, несмотря на ряд импровизаций, с первых дней войны взяла на вооружение принцип ослабления Российской империи. Так, еще 3 августа 1914 г. помощник статс-секретаря по иностранным делам Артур Циммерман рекомендовал немецкому посольству в Константинополе начать работу с целью подъема

⁶⁴ *Zechlin E. Friedensbestrebungen und Revolutionierungsversuche // Aus Politik und Zeitgeschichte. Beilage zur Zeitung «Das Parlament». Bonn. 17.05.1961.*

⁶⁵ Цит. по: *Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918. Т. 1. М., 1923. С. 9.*

Рейхсканцлер Т. фон Бетман-Гольвег.

населения Кавказа против империи. 5 августа 1914 г. глава Внешнеполитического ведомства Готлиб фон Ягов сообщил немецкому послу в Вене Г. фон Чиршски: «Наши войска несут в своих сумках прокламации об освобождении Польши».⁶⁶ 6 августа этого же года Ф. Райхенау получил уже упоминавшиеся инструкции относительно Финляндии. 30 августа член Верхней палаты рейхстага профессор Рейнке в письме А. Циммерману подчеркнул: «Для нас было бы несомненно важно раздуть в этой стране (Финляндии. — И.Н.) предстоящие волнения, что достигалось бы, вероятно, с помощью отправки туда агентов, которые сообщали бы правду о наших победах».⁶⁷

С другой стороны, официальная немецкая пропаганда активно развивала тезис, согласно которому «немецкий меч должен был проложить дорогу свободе в России». По этому поводу, с сарказмом заметила Р. Люксембург: «Гинденбург превратился в исполнителя завещания Маркса и Энгельса».⁶⁸

В начале Первой мировой войны публичное обсуждение целей Германии в войне было запрещено. Тем не менее, фактически с первых дней войны различные немецкие группировки от пангерманистов, крупных немецких промышленников, государственных деятелей до университетских профессоров были охвачены лихорадкой предстоящей скорой победы и незамедлительно приступили к разработке меморандумов о немецких военных целях. Казалось, что война закончится к Рождеству. Поэтому необходимо было спешить с определением немецких военных целей. Содержание многих документов, поступавших на стол высшего германского руководства, стало достоянием общественности лишь после Второй мировой войны.⁶⁹

⁶⁶ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. S.117; Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Russlands. 1916 — 1918. Hels., 1978. S. 44.

⁶⁷ PAAA. Der Weltkrieg 11 c. (далее — Wk. 11 c). Geheime Akten. Bd 1. Reinke an Zimmermann vom 30.08.1914.

⁶⁸ Цит. по: Menger M. Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. S. 25.

⁶⁹ Тексты меморандумов о военных целях Германии представлены в: Geschichte in Quellen. V. S. 38–40; Basler W. Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum. Berlin, 1962. S. 369–380.

Вследствие цензуры и преувеличенно радужных сводок о победах немецкого оружия в немецком обществе углублялся отрыв от действительности. Имперское руководство в интересах укрепления военного духа систематически приукрашивало истинное положение дел.⁷⁰ Это привело к тому, что среди немецкой общественности в высшей степени проявлялись ожидания победителей. Уже 2 сентября 1914 г., одним из первых, отправил свой меморандум военному и политическому руководству Германии лидер католической партии Центра Маттиас Эрцбергер. Он требовал «разрушения русского колосса и создания цепи буферных государств от Балтики до Черного моря».⁷¹

П. Рорбах, тесно сотрудничавший в то время с немецким МИД, обнаружил в результате своих изысканий три необходимые для «безопасности Германии и европейской культуры» предпосылки: отделение от Российской империи Украины, воссоздание Польши, потеря Россией северо-западных провинций.⁷²

Пангерманский Союз призвал к «походу на Восток», в результате которого Россия «вернулась бы к допетровским границам».⁷³ «Натиск на Восток» поддержали также либеральная газета «Берлинер Тагеблатт» и социал-демократическая «Форверст». Конечно, их взгляды были умереннее пангерманистов и базировались на искреннем сочувствии подвергавшимся национальному угнетению малым народам Российской империи, но военная истерия наложила отпечаток и на упомянутые издания.

Что касается Финляндии, то требование отделения ее от России и включения в немецкую сферу влияния выдвигалось лишь наиболее радикальными сторонниками «разрушения русского колосса»: руководителем Пангерманского Союза Генрихом Классом, редактором журнала «Новая Германия» Адольфом Грабовски, а также прибалтийскими немцами Хал-

⁷⁰ *Loth W. Das Kaiserreich. Obrigkeitstaat und politische Mobilisierung. München, 1997. S. 145.*

⁷¹ *Ibid; Zetterberg. S. Die Liga der Fremdvölker Russlands. S. 44.*

⁷² *Rohrbach P. Russisches. Berlin, 1915.*

⁷³ *Weltherrschaft im Visier. S. 93-94.*

лером, Шиманом и Рорбахом.⁷⁴ При этом в вопросе о будущем статусе княжества Класс и Рорбах, несмотря на существенное различие их взглядов, в начале войны склонялись в пользу присоединения Финляндии к Швеции. Позднее Рорбах признал в своих работах возможность создания независимой Финляндии.⁷⁵

В наиболее четкой форме идея достижения Финляндией политической самостоятельности при помощи Германии была изложена немецким предпринимателем из Бранденбурга (женатым на финке) Г. Хольцапфелем. В письме члену Верхней палаты рейхстага профессору Рейнке он, в частности, предлагал: «Если положение дел действительно так далеко зайдет, что мы сможем «сделать Россию маленькой», то в интересах будущего мира было бы желательно, чтобы наше правительство, как Польше, так и Финляндии смогло предоставить самостоятельность».⁷⁶ По мнению Хольцапфеля, Финляндия имеет право на «собственную национальную жизнь». При этом автор исходил из экономической необходимости такого шага, понимая, что Финляндия — маленькая страна со слабой и довольно односторонне развивающейся экономикой. В соответствующих условиях она могла бы стать «эльдорадо для немецких коммерсантов».⁷⁷

Записка Хольцапфеля любопытна, поскольку, во-первых, она является, пожалуй, единственным в начальный период войны обоснованием необходимости отделения княжества Финляндского на основе экономических факторов. Во-вторых, автор впервые с начала войны подверг серьезной критике широко распространенное в немецкой прессе мнение о возможности присоединения Финляндии к Швеции. Наконец, записка Хольцапфеля является, вероятно, первым немецким документом, где применительно к Финляндии встре-

⁷⁴ РГА ВМФ.Ф. 479. Оп. 1. Д.448. Л. 4 — Обзор иностранной прессы за 1914 — 1915 гг.; *Weltherrschaft im Visier*. S. 93-94; *Rohrbach P. Der Krieg und die deutsche Politik*. Weimar, 1915. S. 172.

⁷⁵ *Rohrbach P. Russisches*. S. 51.

⁷⁶ PAAA. Wk.11 c. Bd 1. Holzappel G. an Reinke vom 25.08.1914.

⁷⁷ Ibid.

чается само понятие «самостоятельность» (die Selbständigkeit).

Все же следует заметить, что число вышедших в свет статей, брошюр, записок, касающихся военных целей Германии в отношении Финляндии явно уступает количеству соответствующих документов и изданий, касающихся Польши, Прибалтийских провинций и Украины. Даже среди пангерманистов находились противники отделения Финляндии от России. Так, пангерманист Альберт Риттер предложил план обширной перекройки всей Европы, но в то же время выступил против отделения от России Финляндии. В брошюре «Органическое построение Европы» он, «органически перекроил» в пользу Германии практически всю Европу, однако, оставил Финляндию в покое: «Пытаться отделить Финляндию от России — это значит не понимать условий ее существования. Россия нуждается в финляндской надстройке на северо-западе... и будет вести войну до тех пор, пока не вернет ее»,⁷⁸ — заявил Риттер.

Незначительное количество меморандумов, посвященных Финляндии, также подтверждает предположение, согласно которому княжество, с точки зрения немецкого руководства, являлось периферией военных событий. В 1914–1916 гг. Верховное командование Германии не планировало военных действий на его территории, тем более его захват.⁷⁹

Первоначально интерес к Великому княжеству Финляндскому был продиктован мотивом политического характера — стремлением к внутреннему ослаблению восточного противника Германии. В данном отношении Финляндия могла играть роль «удобного средства». Во-первых, в силу своего географического и стратегического положения княжество выполняло функцию прикрытия российской столицы. Здесь размещалась главная база Балтийского флота. Любые проявления недовольства со стороны местного населения ощу-

⁷⁸ Цит. по: РГА ВМФ. Ф. 479 Оп. 1. Д. 669. Л. 25 — Обзор шведской печати.

⁷⁹ *Arunen O. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa.* S. 61; В этом были убеждены также российские военные, см., напр.: РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 10. Л. 2, 2об — Доклад Командующего Балтийским флотом В.А. Канина от 25.03. 1916.

тимо отражались бы на метрополии, способствуя отвлечению вооруженных сил с Восточного фронта.⁸⁰

Во-вторых, сепаратизм финляндцев, по сравнению с другими национальными меньшинствами империи, за исключением, пожалуй, поляков, имел более прочные формы и глубокие основания. Великое княжество Финляндское обладало сильными традициями самостоятельности, было географически единым и в национальном отношении более целостным, чем Прибалтийские провинции. В начале XX в. Финляндия также приобрела первый опыт борьбы с унификационной политикой имперского правительства.

Наконец, в Германии, Швеции и в других европейских странах проживало значительное количество финляндских эмигрантов, вынужденных в «периоды угнетения» покинуть родину. Причем, среди этих экс-политиков имелась внушительная «активистская» прослойка. Враждебность финляндской эмиграции по отношению к самодержавию, мечты об образовании независимого государства при опоре на державу — противника Российской империи создавали предпосылки для сотрудничества с германскими властями. Поэтому германское руководство решило превратить Финляндию в один из полигонов для проведения так называемой «политики революционизирования». Причем, не исключено, что эту мысль подсказали немецкому руководству журналисты.

В секретных материалах МИД Германии за август 1914 г. содержится любопытный документ — вырезка из немецкой газеты, испещренная пометками высших чиновников с Вильгельмштрассе, будущих творцов «политики революционизирования». Автором этой статьи являлся главный редактор и издатель немецкой газеты «Мир в понедельник» («Die Welt am Montag») Гельмут фон Герлах. Его статья с громким

⁸⁰ Указанное обстоятельство прекрасно осознавало также российское военное руководство. Так, Главнокомандующий войсками Северного фронта Н.В. Рузский писал Командующему 6-ой армией: «Наш первый успех или первая неудача в Финляндии будут иметь весьма важное значение для развития дальнейших событий в Финляндии, и если действия окажутся неискренними, противник получит возможность угрожать Петрограду». — Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. 2126. Оп. 1. Д. 30. Л. 229—230. Н.В. Рузский Командующему 6-ой армией от 7.11.1915.

названием «Нужда не знает принципов» вышла в свет 17 августа 1914 г.⁸¹ С точки зрения немецкого публициста и общественного деятеля — слова «нужда не знает принципов» — должны были стать лейтмотивом военного времени. «Военная мораль — не есть мораль мирного времени. Сейчас цель оправдывает все средства», — констатировал Герлах. Он считал, что из всех противников Германии Россия является самым «хрупким» государством. Жестокое и основанное на насилии самодержавие повсюду создало, по мнению автора, себе врагов, не в меньшей степени это касается и собственной страны. «Враги наших врагов — есть наши друзья», — убеждал своих читателей журналист.⁸² Русских революционеров Герлах пока в расчет не принимал, поскольку не имел представления об их силе и возможности организовать в России беспорядки, но вот четыре «внутренних врага» царизма его явно привлекали — это поляки, финны, украинцы и мусульмане. Поляков он считал самыми способными по части организации беспорядков. Однако основное внимание в своей статье Герлах все же уделил Финляндии. Причем, анализ возможностей Финляндии он начал с довольно пессимистичного прогноза: «На Финляндию, вероятно, не слишком надо рассчитывать, в том случае, если шведы не вступят в войну с Россией. Эта редко населенная страна расположена на периферии империи, отрезана от морских коммуникаций русским флотом и русскими военно-морскими укреплениями, малое количество крупных городов, которые держат в постоянном страхе сильные русские гарнизоны, далекий нереальный тыл без влияния на главные театры военных действий».⁸³

Что же привлекало, тем не менее, автора в этой «далекой и редко населенной стране»? Ее население, накопившее, с точки зрения немецкого публициста, «слишком обоснованную ненависть к России», которая и должна была заинтересовать немецкое руководство. Ненависть финляндцев сле-

⁸¹ PAAA. Der Weltkrieg 11. Bd 1. Allgemeines. Hellmut von Gerlach "Not kennt kein Gebot". 17.08.1914.

⁸² Ibid.

⁸³ Ibid.

довало, по Герлаху, направить в благоприятное для Германии русло, в русло организации в княжестве волнений и беспорядков. «Революционизирование России! Это то великое, что можно сейчас создать», — восклицал автор. Причём, Герлах нашел и исторические обоснования «политики революционизирования». Оказывается, никто иной, как Бисмарк «не только теоретически рекомендовал революционизирование Польши против России... В 1866 г. он практически инсценировал революционизирование Венгрии», позволив генералу Клапке создать венгерский батальон, который должен был внести знамя восставших в Венгрию. Но быстрое заключение мира между Пруссией и Австрией помешало реализации указанного предприятия. Для Герлаха же самым важным являлось то, что Бисмарк показывал пример, как следует действовать: в случае крайней нужды разрешается «брататься и с дьяволом, и с его бабушкой». Такой исторический момент, с точки зрения автора, наконец-то наступил. «Царизм надо доконать. В этом заключается *культурное содержание* (курсив наш. — И.Н.) этой ужасной войны»,⁸⁴ — к подобному выводу пришел в августе 1914 г. убежденный макиавеллист, а в будущем антифашист и один из ведущих представителей немецкого пацифизма Г. Герлах.

Статья Герлаха вызвала большой резонанс не только в немецких верхах, но и в обществе в целом. Спустя два дня после упомянутой публикации, 19 августа 1914 г. возглавляемый Гансом Маннхеймом «Союз немецких торговых служащих» Лейпцига отправил в немецкий МИД письмо.⁸⁵ В нем говорилось о том, что «руководящие государственные деятели должны подхватить данную мысль — **революционизирование России** (выделено авторами письма. — И.Н.) — и всеми имеющимися в распоряжении средствами проводить ее в жизнь».⁸⁶

В отличие от Герлаха, который делал ставку на национальные меньшинства Российской империи, авторы из Лейп-

⁸⁴ Ibid.

⁸⁵ PAAA. Der Weltkrieg 11. Bd 1. Allgemeines. Verband Deutscher Handlungsgehilfen zu Leipzig an AA vom 19.08.1914.

⁸⁶ Ibid.

цига предлагали привлечь на сторону Германии и российских революционеров. «Каждый, что вступал в связь с русскими революционными кругами, знает, что они только и ждут мгновения, чтобы восстать. Это восстание уничтожило бы Россию изнутри и облегчило бы военную кампанию Германии»,⁸⁷ — утверждали они. Кроме того, торговые служащие из Лейпцига предлагали немецкому правительству создать специальную организацию, которая занималась бы «планомерной подготовкой восстаний всех враждебных Великобритании и России народов». Но и этого было, по мнению авторов, мало. В нейтральных странах предлагалось использовать агентов, которые были бы хорошо знакомы с конкретной страной и ее людьми, и задачей которых являлся бы не только сбор информации, но и формирование благоприятного для Германии общественного мнения.⁸⁸ Забегая вперед, можно сказать, что все указанные предложения нашли не только понимание в немецком МИДе, но и стали теми доминантами, которые реализовывались во время войны.

Проводившаяся Германией в течение войны «политика революционизирования» имела две оси в системе координат — вертикальную (разжигание социальной напряженности во враждебных странах, противопоставление «низов» «верхам», для чего необходима была помощь революционеров) и горизонтальную (стимулирование межнациональных конфликтов, что требовало взаимодействия с радикалами-националистами).

Немецкий дипломат Р. Надольны в своих воспоминаниях утверждал, что «политика революционизирования» являлась средством борьбы как против Британской, Французской колониальных империй, так и против России.⁸⁹ В отношении России, по мнению гамбургского историка Ф.Фишера, она была призвана решить две задачи: «стать средством освобождения немецких вооруженных сил на Востоке и содей-

⁸⁷ Ibid.

⁸⁸ Ibid.

⁸⁹ *Nadolny R. Mein Beitrag. S. 86; Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Russlands. S. 43.*

ствовать осуществлению одной из целей войны — оттеснению России как можно дальше от границ Германии».⁹⁰ Составным элементом этой политики стала поддержка сепаратизма национальных меньшинств, в том числе и финляндского сепаратизма.

Проекты «революционизирования» Финляндии разрабатывались и осуществлялись Министерством иностранных дел Германии совместно с Политическим отделом Генерального Штаба. Руководящая роль в этом принадлежала помощнику статс-секретаря по иностранным делам, с ноября 1916 г. по август 1917 г. главе немецкого МИД А. Циммерману. С началом мировой войны даже в высших эшелонах немецкой бюрократии в моду вошел грубоватый стиль военных. В отличие от лоска старой школы дипломатов, к которой принадлежал и статс-секретарь Г. фон Ягов, фамильярное поведение и прямота в выражении своих мыслей сделали Циммермана любимцем кайзера. Его борцовский характер явно контрастировал с «вялой» осторожностью Ягова.⁹¹ К тому же Ягов довольствовался ролью лояльного исполнителя поручений рейхсканцлера и с началом войны большую часть времени проводил в Ставке, фактически предоставив своему помощнику полную свободу.⁹² Циммермана считали «своим человеком» военные круги и пангерманисты. Он искусно поддерживал контакты с депутатами рейхстага самых различных политических пристрастий, с прессой и с высшим обществом Берлина. Большинство считало не Ягова, а Циммермана центральной фигурой на Вильгельмштрассе.⁹³

С другой стороны, А. Циммерман часто переоценивал свои силы и возможности, а иногда просто действовал как авантюрист. Но организацию такого предприятия, как «революционизирование» государств-противников Германии, трудно представить без известной доли авантюризма. В годы

⁹⁰ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. S. 117.

⁹¹ *Hürter J.* Die Staatssekretäre des Auswärtigen Amtes in Ersten Weltkrieg // *Der Erste Weltkrieg. Wirkung. Wahrnehmung. Analyse* / Hrg. Wolfgang Mi-chalka. München; Zürich, 1994. S. 224–225.

⁹² *Ibid.* S. 223.

⁹³ *Ibid.* S. 225.

Первой мировой войны Циммерман активно занимался северо-восточным направлением немецкой внешней политики вообще и «финляндским вопросом» в частности. У него сложились доверительные отношения с финляндскими сепаратистами.⁹⁴

Партнером А. Циммермана являлся 39-летний дипломат, позднее руководитель Политического отдела Генштаба Рудольф Надольны. В июле 1916 г. он уступит свои полномочия капитану Эрнсту фон Хюльзену.⁹⁵ В области налаживания контактов с финляндскими эмигрантами большая роль принадлежала сотрудникам МИД Отто Гюнтеру Везендонку и Отто Веберу, немецким посланникам в Стокгольме Францу Райхенау и сменившему его в январе 1915 г. Гельмуту Люциусу фон Штедтену, а также немецкому посланнику в Копенгагене Ульриху Брокдорф-Рантцау.⁹⁶

Наряду с «чиновниками с Вильгельмштрассе» и ответственными лицами Политического отдела германского Генштаба, в начале войны «финляндским вопросом» также активно занимались лидер партии католического центра Маттиас Эрцбергер, профессор Берлинского университета Эрнст Йак и политический обозреватель П. Рорбах. В октябре 1914г. им удалось объединить разрозненные Бюро немецкой пропаганды за границей в единый орган — Центр для заграничной службы.⁹⁷

Первые контакты представителей Германии с финляндскими эмигрантами начались еще в августе 1914 г., когда известный в Финляндии «ветеран активизма» Конни Циллиакус встретился в Стокгольме с Ф. Райхенау для обсуждения вопроса о перспективах сотрудничества. Было решено организовать прогерманскую пропаганду в Швеции, а также наладить разведывательную работу в Финляндии. Кроме того, из беседы с Циллиакусом Райхенау узнал, что население княжества было бы очень разочаровано, если бы «не-

⁹⁴ *Carligen W. Neutralität oder Allianz. Uppsala, 1962. S. 109.*

⁹⁵ *Nadolny R. Mein Beitrag. S. 90.*

⁹⁶ Материалы Политического архива МИД ФРГ. PAAA. Weltkrieg 11 c.

⁹⁷ *Schubert I. Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. Bonn, 1981. S. 22-23.*

мецкий флот, вопреки ожиданиям финнов, не предпринял бы наступления... в Финском заливе».⁹⁸ Поэтому немецкий посланник в Стокгольме предложил устроить так, чтобы «флот все-таки показывался в северной части Балтийского моря, поддерживая страх (России. — И.Н.) перед немецким десантом».⁹⁹

25 августа 1914 г., в ходе очередной встречи с К. Циллиаксом, Ф. Райхенау поставил вопрос о возможности восстания в Финляндии. Прогноз финляндского «активиста» оказался неутешительным. В ходе беседы немецкий посол пришел к выводу, что «попытка революционизирования Финляндии в настоящее время не только безнадежна, но и была бы вредна, т.к. отсутствуют организация, вожди, единство действий, оружие, снаряжение, поэтому любой путч сразу же будет задушен силой».¹⁰⁰ Однако такие пессимистичные перспективы не остановили Райхенау, ибо в будущем он не исключал возможности повстанческих действий в крае, например, в случае крупного поражения России или шведского десанта в Финляндию. Именно поэтому Райхенау рекомендовал приступить к подготовке восстания. С этой целью следовало сначала «открыть финляндцам глаза на современное военное положение». Немецкий посланник, наряду со своими прямыми обязанностями, решил одновременно заняться распространением на финскую территорию информации о победах Германии.¹⁰¹

Наряду с собственно немецкими инициативами, сами финляндские эмигранты, а также немцы, каким-либо образом связанные с Финляндией, предлагали свои услуги дипломатическим органам Германии. В первые месяцы войны статс-секретариат по иностранным делам получил множество подобных посланий.¹⁰²

⁹⁸ PAAA. Wk 11 c. Bd 1. A 16522. Reichenau an Jagow G. vom 8.08.1914; Reichenau an AA vom 20.08.1914.

⁹⁹ Ibid. Г. фон Ягов отклонил предложения Ф. Райхенау из-за недостатка вооруженных сил.

¹⁰⁰ Ibid. Bd 1. A 19493. Reichenau an Zimmermann vom 25.08.1914.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² См. напр.: Ibid. A 19235. Leonard A. an AA vom 27.08.1914; Westfall H. an AA vom 29.08.1914; Holzapfel G. an AA vom 25.08.1914.

В начале сентября 1914 г. один из руководителей партии младофиннов Ионас Кастрен, высланный из княжества за свои антирусские выступления, вступил в контакт с прусским посланником в Мюнхене В. фон Шёном. Немецкий дипломат считал Кастрена «заслуживающим доверия человеком» и отправил к нему в Тироль своего представителя Воленберга. В ходе беседы с Воленбергом этот 68-летний «старец с огнем в глазах» высказал твердую уверенность в победе Германии и сразу же перешел к вопросу: «Что же будет потом?». По мнению Кастрена, «самую большую угрозу для мирного развития Европы представляет Россия...». Поэтому главный интерес Германии заключается в том, чтобы «сделать Россию маленькой». Осуществление подобной задачи финляндский эмигрант видел в том, чтобы «Балтийское море стало немецким», «Великая Польша воссоединилась с Волинью и Подолией», Прибалтийские провинции получили бы автономию и, наконец, Финляндия стала бы самостоятельным княжеством во главе с одним из представителей династии Гогенцоллернов, желательно, с принцем Оскаром Прусским.¹⁰³ В. Шён, познакомившись с докладом своего представителя о встрече с И. Кастреном, заметил с раздражением, что финляндский политик «полагается исключительно на немецкое и австро-венгерское оружие». В то же время он нашел план Кастрена создать в Стокгольме центральный штаб для подготовки финского повстанческого движения заслуживающим внимания.¹⁰⁴

В ходе контактов представителей Германии с финляндскими эмигрантами прояснялись конкретные пути «революционирования» Финляндии. Так, уже упоминавшийся М. Эрцбергер 25 сентября 1914 г. представил А. Циммерману «Меморандум о Финляндии», в котором предложил направить усилия на пробуждение в финляндцах симпатий по отношению к Германии. Для этого автор настаивал на необходимости всячески подчеркивать в своих действиях особое положение княжества: освобождать военнопленных-

¹⁰³ PAAA.Wk 11 c. Bd 1. A 20067. Schoen W. an AA vom 2.09.1014; Aufzeichnung Wohlenbergs vom 2.09.1914.

¹⁰⁴ Ibid.

финляндцев, компенсировать финляндским предпринимателям убытки от захвата их судов в немецких гаванях, предоставить возможность обучающимся в высших школах Германии финляндским студентам, в противоположность русским, продолжать обучение.¹⁰⁵

Для оказания помощи оставшимся в Германии гражданам Финляндии был учрежден специальный Комитет поддержки во главе с А. Леонардом. Но вся корреспонденция, адресованная Комитету проходила через Эрцбергера его помощника доктора Х. Далема.¹⁰⁶

Осенью 1914 г. выкристаллизовалось еще одно важное направление в деятельности Берлина по «революционизированию» Финляндии — привлечение к осуществлению упомянутой задачи финляндской социал-демократии. Важную роль в этом сыграла встреча в октябре 1914 г. Ф. Райхенау с известным финляндским политиком А. Тернгреном. Тернгрэн объяснил немецкому посланнику, что национальное восстание в Финляндии осуществимо только при содействии социал-демократов, сильнейшей партии страны, имевшей 40% голосов избирателей, тогда как остальные 60% были разделены между тремя другими крупными партиями.¹⁰⁷ Поэтому он предлагал направить все усилия на привлечение социал-демократов княжества к сотрудничеству в рамках «политики революционизирования».¹⁰⁸

Данное предложение представлялось правительственным кругам Германии настолько важным, что вопрос о его реализации не снимался с повестки дня вплоть до провозглашения Финляндией независимости.

Контакты немецких дипломатов с финляндскими политиками в первые месяцы войны не были лишены элемента

¹⁰⁵ Ibid. A 24298. Erzberger M. an Zimmermann vom 25.09.1914. В отношении освобождения военнопленных-финляндцев и возвращении захваченных финских судов их владельцам военно-морское руководство Германии отказалось выполнить просьбу М. Эрцбергера. — Ibid. Bd 3. Capelle an AA vom 17.10.1914.

¹⁰⁶ Ibid. Erzberger M. an Zimmermann vom 26.09.1914.

¹⁰⁷ Ibid. Bd. 2. A25972. Reichenau an Bethmann Hollweg vom 3.10.1914, 13.10.1914. Heikkilä J. Kansallista luokkapoliittikkaa. Hels., 1993. S. 327.

¹⁰⁸ PAAA. Wk 11 c. Bd. 2. A25972. См. подп.: Heikkilä J. Kansallista luokkapoliittikkaa. S. 327.

импровизации, но все же в этот период Берлину удалось привлечь к сотрудничеству весьма авторитетных и наиболее радикальных представителей финляндской эмиграции. Ф. Райхенау следующим образом характеризовал некоторых из них: «Кастрен — темпераментный, идеалистичный, Тернгрэн — холодный и практичный, Циллиакус — критичный... Но все трое нужны нам». ¹⁰⁹

Осенью 1914 г. к сотрудничеству с немецкими дипломатическими кругами был привлечен еще один видный представитель финляндской эмиграции, член партии Активного сопротивления Герман Гуммерус. Он прибыл в Берлин по приглашению МИД и встретился там с О. Вебером. При этом Гуммерус отмечал поразительное неведение германского руководства насчет внутреннего положения в княжестве. Например, первый вопрос Вебера звучал следующим образом: «Готовят ли в Финляндии восстание?» Для уточнения и последующего изучения общественного мнения в крае МИД Германии командировал в Финляндию Гуммеруса, предварительно снабдив его денежными средствами и фальшивым паспортом на имя «господина Эверга». ¹¹⁰

В Гельсингфорсе «господин Эверг» встретился с представителем «кагала» Адольфом фон Бонсдорфом, со своим другом, близким к «активистским» кругам Арвидом Мерне, редактором социал-демократической газеты «Кансан Тахто» Юрье Мякелином. Особенно любопытным оказалось предложение Мерне об отправке в Германию или в Швецию одной или двух сотен финляндских студентов с целью получения ими военного образования, чтобы использовать эту группу в качестве инструкторов на случай вооруженного восстания в крае. Тогда, в октябре 1914 г., Гуммерус скептически отнесся к указанной идее, полагая, что «общее настроение в стране не готово к таким решительным действиям». ¹¹¹

В результате своей поездки финляндский эмигрант вновь встретился с сотрудником МИД Отто Вебером, который об-

¹⁰⁹Ibid. Reichenau F. an Bethman Hollweg vom 3.10.1914.

¹¹⁰Ibid. Bd 2. A 27096. Reichenau an Bethmann Hollweg vom 16.10.1914; Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit. S. 16.

¹¹¹Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit. S. 22.

ратил внимание Гуммеруса на то, что позиции Германии значительно улучшились бы, если бы в Финляндии началось народное восстание. Это вынудило бы Россию перебросить в княжество 2–3 армейских корпуса.¹¹² Но выводы бывшего «активиста» оказались неутешительными: оппозиционные самодержавию, партии придерживались выжидательной позиции, о вооруженном восстании не приходилось и думать, поскольку его необходимо было тщательно готовить и без немецкого десанта в княжество оно, пожалуй, не могло произойти.¹¹³

Доклад Гуммеруса был передан Циммерману в начале ноября 1914 г. Немецкое руководство оказалось перед суровой дилеммой: продолжать ли сотрудничество с финскими «активистами» и, соответственно, развернуть усиленную подготовку вооруженного восстания в крае или же отказаться от этого замысла как бесперспективного? В итоге жарких обсуждений победила первая альтернатива.

В ноябре — декабре 1914 г. отчетливо проявилась еще одна важная грань Финляндии. Вследствие «закрытия» Германией «северных Дарданелл» — датских проливов Зунд и Бельт и немецкого военно-морского превосходства в западной части Балтики морские коммуникации между Россией и Западными державами через Балтийское море оказались перерезанными. Россия лишилась своей балтийской торговли, на которую до мировой войны приходилось 37,5% общего товарооборота с европейскими странами.¹¹⁴ Надвигалась зима, что неизбежно привело бы к ухудшению связей между Россией и странами Антанты через северные гавани — Мурманск и Архангельск. В данной ситуации Финляндия приобрела особое значение, как чрезвычайно важный мост между Россией и Западными державами, благодаря которому Россия могла получать военную помощь союзников, с другой стороны — Антанта вывозила сырье и аграрную продукцию русского рынка.

¹¹² Ibid. S. 25.

¹¹³ PAAA.Wk. 11 c. Bd 2. Jäckh E. an Zimmermann A. vom 2.11.1914; Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit. S. 25.

¹¹⁴ Hovi. O. The Baltic Area in British policy. P. 24, 29.

В Скандинавии наметились три главных направления грузооборота: в северной части — по линии Нарвик — Оулу; в средней — по линии Тронхейм — Сундвалль — Ваза; в южной — по линии Кристиансен — Евле — Раума.¹¹⁵

Железнодорожное строительство в северной Финляндии¹¹⁶ и слухи о русско-шведских переговорах насчет сооружения моста через Торниойоки вызвали в Берлине неподдельную озабоченность.¹¹⁷ В этой ситуации, интерес к Финляндии получил вполне понятные и осозаемые очертания — при помощи повстанческого движения организовать акты саботажа и диверсий в княжестве с целью нарушения транзитной торговли между Россией и ее союзниками. Не случайно в ходе очередной встречи Г. Гуммеруса и Ф. Райхенау немецкий посланник в Стокгольме указал на то, что «было бы очень важно прямо сейчас перерезать через Финляндию необходимый подвоз в Россию военных материалов».¹¹⁸ Гуммерус признал, что такая ситуация возможна, «если взрывать на финской территории мосты, разрушать железнодорожные коммуникации, заниматься определенного рода пропагандой».¹¹⁹

В контексте разрыва через Финляндию связи «Россия — Западные державы» немецкие мотивы поддержки финляндских сепаратистов приобрели также определенное военное значение. Не удивительно, что Верховное командование Германии, весьма прохладно реагировавшее до ноября 1914 г. на усилия МИД в рамках «политики революционизирования» Финляндии, стало уделять этому вопросу большее внимание. Более того, в своей телеграмме в МИД от 3 января 1915 г.

¹¹⁵Menger M. Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. S. 31. Южное направление грузооборота также оказалось вскоре блокированным германским флотом — РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 51. Л. 71—72.

¹¹⁶Решение о строительстве железной дороги «Карунги-Торнео» было принято на заседании Совета Министров от 14.10.1914, постройка ее поручалась Управлению финляндских железных дорог. — РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 51. Л. 71—72, 82. Протокол заседания от 14.10.1914.

¹¹⁷РААА. Wk 11 c. Bd 2. Bl. 115—124. Lucius an Bethmann Hollweg vom 1.11.1914.

¹¹⁸Ibid. A 35702. Reichenau an Bethmann Hollweg vom 18.12.1914.

¹¹⁹Ibid.

начальник Генерального штаба Г. Мольтке признал «возбуждение восстания в Финляндии желательным» и просил Военное министерство содействовать работе МИД в указанном направлении.¹²⁰

Преемник Мольтке генерал Эрих фон Фалькенгайн также проявлял симпатии к деятельности сотрудников с Вильгельмштрассе в сфере поддержки финляндского сепаратизма. Фалькенгайн являлся сторонником «стратегии изнурения», согласно которой «поставить Россию на колени только при помощи оружия» не представлялось возможным. С его точки зрения, необходимо было искать опору во внутренних российских неурядицах, под воздействием которых Россия была бы вынуждена заключить с Германией сепаратный мир.¹²¹ Повстанческое движение в Финляндии, организация актов саботажа и диверсий в непосредственной близости от российской столицы могли подтолкнуть царское правительство к такому решению.

В конце 1914 г. немецкая дипломатия и военные круги приступили к прямой подготовке вооруженных беспорядков в княжестве. В качестве базы для подобных акций была выбрана Швеция, страна нейтральная и пограничная с Финляндией. После переговоров О.Вебера с представителями Военного министерства в Швецию был командирован капитан Г. Фестенберг, получивший приказ закупить оружие и снаряжение «для возбуждения восстания в Финляндии». На средства немецкого Военного ведомства планировалось приобрести 40 тыс. винтовок.¹²² К январю 1915 г. Фестенберг закупил уже 10 тыс. винтовок с боеприпасами. Оружие размещалось в различных местах шведского побережья, чтобы в случае необходимости можно было быстро переправить его в Финляндию.¹²³

Усилия Германии в отношении Финляндии подтверждаются также и российскими источниками. Например, морской

¹²⁰ Ibid. Bd 3. Moltke H. an AA vom 3.01.1915.

¹²¹ Фалькенгайн Э. Верховное командование 1914–1916 г. в его важнейших решениях. М., 1923. С. 60, 200.

¹²² PAAA. Wk 11c. Bd 4. A 1368. Weber O. an AA vom 12.01.1915; Kriegsministerium an AA vom 18.01.1915.

¹²³ Ibid.

министр И.К. Григорович в декабре 1914 г. сообщал в МИД России о неоднократных предложениях финляндским уроженцам от немецких дипломатических органов воздействовать на общественное мнение в княжестве, чтобы склонить его жителей к активному выступлению против России.¹²⁴

Для того, чтобы представить мотивы перехода немецкого руководства к конкретным акциям в области возбуждения повстанческого движения в Финляндии, необходимо учитывать не только желание Германии ослабить своего восточного противника и разрушить через территорию Финляндии канал связи между Россией и ее союзниками. Следует также представить собственно финляндские инициативы, а именно — деятельность финляндских сепаратистов за границей и возрождение активистской традиции» внутри княжества.

1.3 «Новый активизм»: формирование курса «государственной измены»

Мировая война поставила перед финляндцами проблему выбора пути будущего государственного развития княжества. «Каким образом следует использовать военную обстановку для того, чтобы добиться улучшения государственно-правового положения Финляндии?» — этот вопрос занимал центральное место в дискуссиях между представителями различных политических течений.

Большинство населения княжества поддерживало политику лояльности по отношению к империи. Командование войск, расположенных в Финляндии, благодарило администрацию и местных жителей за содействие в проведении мероприятий военного времени и выражение дружественных чувств. Около 500 финляндцев поступили добровольцами в русскую армию. Многие участники «пассивного сопротивления» демонстративно обменивались рукопожатиями с русскими чиновниками и обещали забыть былые разногласия.¹²⁵

¹²⁴ Архив Внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 184. Оп. 473. Д.41. Л.20. Телеграмма И.К. Григоровича в МИД от 18.12.1914.

¹²⁵ Соломеч И.М. Финляндская политика царизма. С. 24; Luntinen P. Venäläisten sotasuunnitelmat Suomen separatismia vastaan. S. 130–133.

На средства, собранные финляндскими промышленниками, были оборудованы два полевых госпиталя. Финляндия приютила у себя беженцев. Фактически вся пресса, за исключением отдельных изданий, солидаризировалась в обвинении Германии как поджигательницы войны. Особенно неблагоприятное впечатление на жителей этой небольшой страны оказало нарушение Германией нейтралитета Бельгии.¹²⁶ Репортажи о военных победах Второго рейха в районе Танненберга и Мазурских озер пестрели такими выражениями, как «Германия потерпела неудачу в своих попытках окружить и разбить русские части», «русская армия окончательно остановила продвижение германских войск в Восточной Пруссии».¹²⁷ Разумеется, в условиях военного времени печать подвергалась цензурным ограничениям, но в начале войны они не были еще достаточно жесткими и распространялись, главным образом, на откровенно германофильские издания, когда, к примеру, на первой газетной полосе почти на всю страницу помещался портрет П. фон Гинденбурга с лаконичной надписью «победитель русских».

Проявления лояльности обуславливались надеждой населения края на изменение финляндского курса российского правительства. Финляндцы ожидали, что имперское руководство сумеет по достоинству оценить их усилия, откажется от унификаторской политики в княжестве и вернет ему былые автономные привилегии. Один из лидеров партии старофиннов, президент Национального акционерного банка Ю.К. Паасикиви высказал в тот период мысль, что финляндцам следовало стремиться к такой автономии, которая «была бы не во вред, а на благо Российского государства».¹²⁸ В финской прессе распространялись слухи о том, что в Петрограде якобы готовится манифест, отменяющий наиболее одиозные законы «периодов угнетения». Но в ответ премьер-министр И.Л. Горемыкин направил письмо финляндскому

¹²⁶ PAAA. Wk 11 s. Bd 2. Jäckh E. an Zimmermann A. vom 2.11.1914.

¹²⁷ Paasivirta Y. Finland and Europe. P. 19-23.

¹²⁸ Цит. по: *Ikonen K. Paasikiven poliittinen toiminta Suomen itsenäistymisen murrosvaiheessa. Helsingi, 1990. S. 48.*

генерал-губернатору Ф.А. Зейну с требованием пресечь «неуместные суждения». 129

Наряду со сторонниками сотрудничества с Россией, в Финляндии имелась группировка политиков, мечтавшая о достижении прочной автономии княжества с помощью содействия Западных держав. К ней, в частности, принадлежали лидеры младофинской партии Карл Столберг и Рудольф Холсти, превратившие крупнейшую финляндскую газету «Хельсингин Саномат» в рупор своих идей. Англофилы по мировоззрению, они преклонялись перед идеалами западной демократии и либерализма, верили в победу Антанты и считали, что Англия и Франция, будучи союзниками России, вынудят последнюю пойти на изменение своей политики в пользу широкой автономии Финляндии, может быть, даже в пользу независимости. 130

В начале Первой мировой войны «проантантовская» группировка предпринимала всевозможные попытки получить от Великобритании, Франции и США официальные гарантии поддержки стремления финляндцев к прочной автономии, а также заинтересовать эти страны в необходимости окончательного решения «финляндского вопроса» на послевоенном конгрессе великих держав. Упомянутым задачам служили миссии известных финляндских политических деятелей К. Игнатиуса, Ю. Рейтера, Л. Килмана в США и Великобританию, предпринятые в ноябре-январе 1915 г. 131 Но эти попытки добиться поддержки Западных держав оказались нежизнеспособными. Как писал анонимный финляндский автор: «В результате всей этой беготни по европейским лестницам мы получили только сострадание (в культурных кругах). От политиков вообще ничего не добились. Их точка зрения: «финляндский вопрос есть внутренний вопрос России, который нас не касается». 132

129 Соломещ И.М. Финляндская политика царизма. С. 25-26.

130 Holsti K.J. Suomen ulkopolitiikka suuntaansa etsimässä vuosina 1918-1922. Hels., 1963. S. 13; Polvinen T., Heikkilä H., Immonen H. J.K. Paasikivi. Valtiomiehen elämäntyö. I. Porvoo; Hels.; Juvä, 1989. S. 267-268.

131 Suomen Vapausota vuonna 1918. Hels., 1921. S. 132; Paasivirta J. Finland and Europe. P. 34.

132 РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 447. Л. 27, 28. «Афтонбладет». 17.10.1915.

Разочарование в «пассивных» методах борьбы за финляндскую автономию способствовало формированию, прежде всего среди университетской молодежи убеждения, что сражаться надо «не параграфами и адресами», а силой. Такое представление привело к постепенному возрождению «активистской» традиции борьбы.

Введение в крае военного положения и сопровождавшие его меры: прекращение деятельности сейма, военная цензура, наложение штрафов и закрытие газет вызывали объяснимое недовольство в среде демократично настроенной интеллигенции.¹³³ Финляндское общество с возмущением встречало известия о высылке во внутренние районы империи оппозиционно настроенных самодержавию политических деятелей. 13 ноября 1914 г. в Томскую губернию был сослан авторитетный юрист, председатель финского сейма П.Э. Свинхувуд. Подобная участь постигла адвоката В. Нюландера, редактора газеты «Хямееен войма» Х. Вялисалми и др. Всего к марту 1917 г. из княжества было выслано 123 человека, при этом, по распоряжению военных властей 41 человек, а по распоряжению гражданской администрации — 82 человека.¹³⁴

Среди причин возрождения «активистской» традиции лидеры этого направления Г. Гуммерус, Э. Ельт, К. Доннер особо подчеркивали в своих воспоминаниях «выдающуюся роль русского правительства».¹³⁵ Речь шла о публикации в ноябре 1914 г. «Программы законодательных предложений и мер по Великому княжеству Финляндскому». Программа предусматривала проведение ряда мероприятий, направленных на укрепление центральной власти в Финляндии, обеспечение интересов государственной обороны, достижение по-

¹³³ В это период была приостановлена деятельность трех изданий, на различные газеты наложен штраф в 70 000 марок. — *Евгений И.Н.* Финляндия во время войны. Гельсингфорс, 1915. С. 27; РГВИА. Ф. 2126. Оп. 1. Д. 578. 314 л. Отчеты военно-цензурной комиссии.

¹³⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 499. Оп. 1. Д. 12. Л. 7, 43. Справки о людях, высланных за пределы Великого княжества Финляндского, август 1914 — февраль 1917.

¹³⁵ *Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit. S. 28; Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta. Muistelmia. II. Helsinki, 1919. S. 43; Donner K. Jääkäriliikkeen synty ja kehitys Venäjän vallankumoukseen asti 1917 // Suomen Vapausota. I. Jyväskylä, 1921. S. 79.*

литического и экономического сближения княжества с империей. В ней говорилось о таможенном объединении, обеспечении за русскими товарами преобладающего положения на финляндском рынке, об объединении денежных систем, подготовке в России чиновников для замещения должностей в управлении краем.¹³⁶

Вице-канцлер Гельсингфорского университета Эдвард Ельт так оценивал упомянутый документ: «Моральная обязанность по отношению к России и монарху нас более не связывала после того, как император одобрил... программу, уничтожающую последние остатки нашей автономии».¹³⁷ Это высказывание принадлежало человеку, крайне негативно настроенному к российским властям, но в его словах отразился взгляд многих представителей интеллигенции и деловых кругов, воспринимавших публикацию программы как конец автономии княжества. После публикации ноябрьской программы Ю.К. Паасикиви, например, сделал в своем дневнике следующую запись: «Россия была и остается врагом Финляндии. Ослабление России являлось для нас условием нашего выживания».¹³⁸

В финской историографии ноябрьская программа получила название «Большой программы русификации» (*Suuri Venäläistämishjelma*). Ее публикацией финские историки датируют начало «новоактивистского» движения в Финляндии.¹³⁹ А. Мартола, один из представителей упомянутого течения, выделил 17 ноября 1914 г. — дату появления программы в финляндских газетах — в качестве рубежа, после которого «студенческие круги перешли от слов к делу».¹⁴⁰

Все же, вероятно, ноябрьская программа не являлась непосредственной причиной возрождения «активистского» те-

¹³⁶ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 41. Л. 4-8. Программа законодательных мер и предложений по Великому княжеству Финляндскому. 14.11.1914.

¹³⁷ Цит. по: *Hjelt E. Vaherikkailta vuosilta*. S. 43.

¹³⁸ Цит. по: *Polvinen T., Heikkilä H., Jmmonen H. J.K. Paasikivi*. S. 269.

¹³⁹ *Lauerma M. Jaäkäriliike // Historian Aitta*. XIV. Porvoo; Hels., 1969. S. 215-235.

¹⁴⁰ *Marola A.E. Sodassa ja rauhassa. Muistelmia*. Hels., 1973. S. 9.

чения, поскольку сепаратизм в академической среде проявлялся и до издания названного документа.¹⁴¹ Значение «программы русификации» в том, что она подготовила благодатную почву для усиления сепаратистских настроений в крае, подтолкнула некоторых стоявших на распутье политиков к противоимперским действиям. Публикация этого документа произвела также негативное впечатление на общественное мнение нейтральной Швеции и предоставила дополнительные аргументы для немецкой агитации в пользу вступления ее в войну против России, во имя «спасения соплеменников по другую сторону границы».¹⁴²

Парадокс воздействия ноябрьской программы заключался в том, что в финляндском обществе она рассматривалась как начало нового этапа в российской кампании против финляндской автономии, между тем как Россия не предпринимала попыток для ее реализации. Отвечая на тревожные донесения российского посланника в Стокгольме А.В. Неклюдова, министр иностранных дел С.Д. Сазонов подчеркивал, что «все внимание империи сосредоточено на военных действиях, приступать к осуществлению означенной программы не предполагается».¹⁴³ Для многих российских и финляндских политиков мотивы издания ноябрьской программы казались загадочными, ибо в обстановке войны для имперского правительства было бы естественнее пообещать Финляндии какие-либо привилегии после ее окончания.¹⁴⁴ Но российское правительство предпочло разъяснению молчание.

Недальновидность имперского руководства в национальном вопросе, а также первые неудачи российской армии на фронте, известия о которых, несмотря на цензуру, все-таки проникали в княжество, способствовали созданию благопри-

¹⁴¹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 88. Л. 6 — Камнев П. Из истории «нового активизма» в Финляндии, без даты; *Rasila V., Jutikkala E. Suomen politinen historia. 1905–1975.* Porvoo; Hels.; Juvä, 1980. S. 59.

¹⁴² АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 41. Л. 12. Телеграмма А.В. Неклюдова С.Д. Сазонову от 9.12.1914.

¹⁴³ Там же. Л. 18об, 19. Телеграмма С.Д. Сазонова А.В. Неклюдову от 10.12.1914.

¹⁴⁴ *Martola A.E. Sodassa ja rauhassa.* S. 10; о версиях в связи с публикацией программы см. подр.: *Соломещ И.М. Финляндская политика царизма.* С. 27.

ятного микроклимата для появления сепаратистского по характеру и радикального по методам борьбы движения «нового активизма».

Все же следует заметить, что было бы неправильным преувеличивать масштабы сепаратизма основной массы населения Финляндии. Княжество сотни лет находилось в составе крупных государств — сначала Швеции, затем — Российской империи, что способствовало выработке представления о неизбежности существующего миропорядка. Донесения российских представителей в крае убеждают в том, что финляндская политическая элита придерживалась выжидательной позиции.¹⁴⁵ Она связывала свои надежды с послевоенным конгрессом великих держав, который перекроил бы карту Европы в интересах малых народов или вернул бы утерянные ранее автономные привилегии.

Предпринимателям сотрудничество с Петроградом давало новые заказы и рост прибыли, рабочим — дополнительные возможности для заработка, что сужало базу для сепаратистских настроений. Военное время, по мнению финского историка П. Лунтинена, было для Финляндии «временем оживленным и бодрым».¹⁴⁶ Разрыв связей с Германией компенсировался переориентацией на российский рынок. Финляндская индустрия поставила армии военные материалы в 1915 г. на сумму 150 млн марок, в 1916 г. — на сумму в 300 млн марок. Общий товарооборот с Россией вырос с 589 млн в 1915 г. до 1087 млн марок в 1916 г.¹⁴⁷ В 1916 г. одна только фирма «Кюммене» обслуживала 167 русских издательств и более 70 различных учреждений, начиная от Морского министерства в Петрограде и кончая Киевской конторой Государственного банка и штабом Туркестанского военного округа.¹⁴⁸ Ежемесячные «зарботки» финляндской промышленности на российских заказах составляли в среднем около 8 млн марок в месяц, что в 2 раза превышало

¹⁴⁵ См. напр.: РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 117. Л. 10об. Донесение начальника Финляндского жандармского управления А.М. Еремина в МВД от 27.11.1915.

¹⁴⁶ Luntinen P. Sotilasmiljoonat. Helsingi, 1984. S. 147.

¹⁴⁷ Ibid.

¹⁴⁸ Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения. С. 158.

сумму таможенного дохода страны в мирное время.¹⁴⁹ Поэтому ориентацию на Россию не могли в одно мгновение изменить ни «ноябрьская программа», ни другие подобные мероприятия.

Основной средой распространения второй волны «активизма» являлись эмигрировавшие из княжества после поражения революции 1905 — 1907 гг. члены партии Активного сопротивления, а также интеллигенция и студенчество.¹⁵⁰ «Финляндская молодежь, — по словам современника тех событий финляндского ученого и общественного деятеля Карла Тиандера, — не имела уже того романтического пиетета, что испытывали ее отцы по отношению к «самодержавной паре» Александру III и его супруге датской принцессе Дагмар (российской императрице Марии Федоровне. — *И.Н.*). Не находилось и в ее сердцах места для любви и уважения, которые были характерны для ее дедов в отношении к Александру II».¹⁵¹ Молодое поколение видело перед собой фигуру «обрусителя» Н.И. Бобрикова, действия российских военных и чиновников в княжестве, читало постановления Третьей Государственной Думы. И все это вместе взятое часто вызывало в молодежной среде чувство негодования.

С ноября 1914 г., изолированно друг от друга, началось формирование трех главных «активистских» центров. Первый центр образовался в Финляндии, где 20 ноября 1914 г. представители университетских землячеств создали так называемый «Временный студенческий комитет», провозгласивший в качестве цели движения полное отделение Финляндии от России и взявший курс на подготовку вооруженного восстания в княжестве.¹⁵²

Второй центр оформился в Берлине. Здесь германофильски настроенные финляндские эмигранты 27 ноября 1914 г.

¹⁴⁹ Экономическое положение Финляндии в годы войны. Петроград, 1915. С. 15.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 35. Л. 10об. Записка Ф. Зейна Б.В. Штурмеру от 24.01.1916.

¹⁵¹ *Tiander K.* Das Erwachen Osteuropas. Die Nationalitätenbewegung in Rußland und in der Weltkrieg. Erinnerungen und Ausblicke. Wien; Leipzig, 1934. S. 86.

¹⁵² *Lauerma M.* Jääkäriliike. S. 220.

основали Финляндскую канцелярию во главе с бывшим профессором университета в Турку И. Зюндваллем и адвокатом Ф. Веттерхофом. Последний во многих отношениях представлял собой неординарную личность. Вынужденный покинуть родину в связи с обвинением в уголовном преступлении, Фридрих Веттерхоф стал душой «новоактивистского» движения за границу. Соратников поражали его неутомимая энергия, талант очаровывать, умение в самые сложные моменты добиться поддержки влиятельных государственных деятелей Германии.

Берлинская канцелярия Веттерхофа вскоре установила связь с третьим центром движения, во главе которого стояли проживающие в Стокгольме эмигранты Гуммерус и Циллиакус. Позднее к ним присоединились и взяли инициативу в свои руки авторитетные члены «кагала» сенатор А. Грипенберг и бывший ректор Шведского реального училища в Гельсингфорсе барон А. фон Бонсдорф.¹⁵³

В качестве главной цели движения «новые активисты» провозгласили полную политическую независимость Финляндии.¹⁵⁴ Но в практической деятельности они сидели на трех стульях одновременно, разрабатывая три теоретически возможные альтернативы: гарантируемая великими державами автономия в рамках Российской империи, немецкий или шведский протекторат, выход из состава Российской империи в виде самостоятельного государства.

Последняя альтернатива была предпочтительнее прочих. Но при анализе выступлений «новых активистов» в немецкой и шведской печати, их докладах немецким правительственным кругам возникает ощущение, что сам термин «независимость» рассматривалось «активистами» не столько в смысле понятия «суверенитет» в современном его значении, сколько в смысле отделения от России. Осуществление этого лозунга предполагало не только образование суверенного, но и возможность создания зависимого от какой-либо державы государства.

¹⁵³ Характеристика российскими властями деятельности упомянутых политиков представлена: РГИА. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 69. Л. 2-3об; Д. 70.

¹⁵⁴ *Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit. S. 34.*

В данном отношении показательны меморандумы Ф. Веттерхофа. В докладе для германского Генштаба от 9 апреля 1915 г. автор говорил об отрыве Финляндии от Российской империи (die Lossreisung Finnlands) как «жизненном условии существования Швеции».¹⁵⁵ В августе 1915 г. он отправил письмо П. фон Гинденбургу, в котором при условии, что Германия поддержит Финляндию в завоевании российской Карелии, Финляндия могла бы быть включенной в Германский Союз государств.¹⁵⁶ В докладе А.Циммерману от 6 октября 1915 г. Веттерхоф назвал конечной целью движения «новых активистов» «освобождение Финляндии и образование самостоятельного государства». Здесь же он не отрицал возможности прочного союза со Швецией вплоть до протектората, а также образование в последующем Северной империи по немецкому образцу.¹⁵⁷ Импровизации с программными установками движения допускали и другие лидеры «нового активизма».¹⁵⁸ Все зависело от обстоятельств, при которых делались те или иные заявления и от объектов, к которым указанные заявления отправлялись.

В отличие от «активистов» 1904–1907 годов, являвшихся республиканцами по убеждению, «новые активисты» с самого начала были сторонниками монархической формы правления. Они считали, что в случае рождения молодого независимого государства монархия в большей степени, способна гарантировать его самостоятельность и защиту от внешней опасности.¹⁵⁹

Наряду с монархизмом, лидеры «второй волны активизма» являлись приверженцами идеи «Великой Финляндии». В своих публикациях и докладах они объявили восточную Карелию и часть Кольского полуострова «финской ирредентой». Согласно точке зрения «новых активистов», государ-

¹⁵⁵РААА. Wk 11 c. Bd 7. A 18456. Wetterhoff F. an Moltke vom 9.04.1915.

¹⁵⁶Smith C. J. Finland and the Russian Revolution. 1917–1922. Univ. of Georgia Press, 1958. P. 96.

¹⁵⁷РААА. Sweden 56:1. Bd 3. H 055177. Wetterhoff F. an A. Zimmermann vom 17.05.1915.

¹⁵⁸РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3144. Л. 7; Д. 3146. Л.61. Обзоры иностранной прессы за 1915 г.; Hjelt E. Vaiherrickailta vuosilta. S. 67.

¹⁵⁹См., напр.: Wetterhoff F. Finland im Lichte des Weltkrieges. Berlin, 1916.

ство в экономическом, географическом, национальном отношении должно образовывать единое целое. Без присоединения восточной Карелии у Финляндии оставалось меньше шансов утвердиться в качестве суверенного государства, поскольку восточную границу, в виду ее большой протяженности, было бы труднее защитить. В то же время, присоединение упомянутых территорий укрепило бы страну не только экономически, но и в военно-стратегическом отношении.¹⁶⁰

Панфинская идея воодушевляла Веттерхофа, Ельта, Г. Стенберга и др.¹⁶¹ Один из представителей студенческого «активизма» Ф. Якобсон в своей речи патетически произнес: «По Онежскому озеру и устью Двины стоят наши священные пограничные столбы, определенные природой и единством нации, мы не имеем права изменить зову природы».¹⁶²

В целом, идеальная «новоактивистская модель» будущего Финляндии выглядела следующим образом: вышедшее из состава Российской империи монархическое государство, объединившее под своим крылом карельские и кольские земли.

Достижение такого положения собственными усилиями для малой страны казалось задачей непосильной. По мнению «новых активистов», следовало, искать опору извне, в лице какой-либо сильной державы.

В первые месяцы войны среди шведоязычного студенчества получили распространение идеи союза со Швецией вплоть до возвращения Финляндии в ее состав. Лидерами скандинавского течения в «активизме» считались магистр Исаак Альфтан и юрист Георг Грипенберг. Они обратились к шведским властям с просьбой организовать военное обучение финляндских добровольцев, но получили отрицательный ответ. Руководство Швеции не желало поддерживать финляндский сепаратизм. Известны слова министра иностранных дел Швеции Кнута Валленберга, который просто

¹⁶⁰ PAAA. Grosses Hauptquartier (GrHq). Finnland. Bd 1. L 084141. Finnlandische Kanzlei an GrHq, ohne Datum; *Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta*. S. 81; *Stenberg H. Die ugrofinnischen Völkerschaften // Deutsche Rundschau*. 1917. Bd 173. S. 300-301.

¹⁶¹ *Ibid.*

¹⁶² Цит. по: *Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage*. Hels., 1965. S. 36.

и категорично заявил: «Если бы нам на подносе преподнесли Финляндию, я бы поспешил отказаться от подобного подарка, и громадное большинство шведов мыслит также». ¹⁶³

Неудача в скандинавском направлении стимулировала поиск более надежного союзника. Лозунг «ранних активистов» — «враг России — друг Финляндии» — вновь обрел своих последователей. Участники студенческих собраний конца ноября 1914 г. провозгласили в качестве способа борьбы за независимость метод «государственной измены» (*valtiopetoksen tie*). ¹⁶⁴ Если студенты пришли к такому решению после определенных колебаний, то проживающие за границей финляндские уроженцы уже продвигались по этому пути, сотрудничая с представителями Германии.

Кайзеровская Германия была выбрана в качестве союзника для реализации «новоактивистских» планов не случайно. Германская империя являлась главным противником России. Ее представители с начала войны высказывали симпатии борьбе финляндцев за независимость. Как свидетельствуют материалы Министерства внутренних дел России, уже в начале ноября 1914 г. в княжестве появились немецкие прокламации «К финскому народу». В них население края призывали к «свержению со своей шеи русского ига при помощи Германии, которая твердо решила вернуть Финляндии политическую свободу и самостоятельность». ¹⁶⁵

С другой стороны, лидеры «нового активизма» являлись германофилами по мировоззрению. Многие из них, подобно профессору химии Гельсингфорского университета Э. Ельту, были искренними поклонниками Германской империи, полученное ими академическое образование основывалось на немецкой традиции. Большинство финляндских студентов и преподавателей, связавших свою судьбу с «активизмом», также обучались в Германии или находились под сильным влиянием немецкой культуры и науки у себя на родине.

¹⁶³ Цит. по: АВПРИ. Ф. 118. Оп. 470. Д. 345. Л. 4 — Доклад А. В. Неклюдова в МИД, 1914 г.

¹⁶⁴ Donner K. Jääkäriliikkeen synty ja kehitys Venäjän vallankumoukseen asti. S. 36.

¹⁶⁵ РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 67. Л. 30об. — Записка МВД В. А. Каминну от 16.05.1916.

Некоторые просто занимали прагматичную позицию и действовали согласно «политике реализма» эстонского социалиста Александра Кескюлы, утверждавшего, что «маленькому сражающемуся за свою свободу народу необходимо трезво взвесить, на стороне какой державы больше шансов получить помощь, что не исключало бы разрыва в будущем». ¹⁶⁶ Военные успехи Германии позволяли надеяться, что в союзе с ней шансы на поддержку максимальны.

Трудно с уверенностью сказать, какая сторона — немецкая или финляндская — являлась инициатором создания в Германии ядра финляндской повстанческой армии. В мемуарах «активистов», а также в большинстве исследований, посвященных германо-финляндским отношениям периода Первой мировой войны, утверждается, что инициатива исходила со стороны Финляндии. ¹⁶⁷ В работах финских историков М. Клинге и П. Лунтинена выдвигается предположение, согласно которому инициатива шла от немецких органов, т. е. создание так называемого «финского легиона» ¹⁶⁸ было инспирировано Германией. ¹⁶⁹ Данная точка зрения пока не обоснована документально, и некоторые ее положения являются довольно уязвимыми. ¹⁷⁰

Разумеется, Германия мечтала доставить своему главному восточному противнику как можно больше неприятностей, и финляндские сепаратисты могли сослужить в этом неплохую службу. Но создание на немецкой территории

¹⁶⁶ *Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit*. S. 225.

¹⁶⁷ *Ibid.* S. 22; *Donner K. Jääkäriliikkeen synty ja kehitys Venäjän vallankumoukseen asti*. S. 79; *Lauerma M. Jääkäriliike*. S. 215–235.

¹⁶⁸ «Финский легион» — так нередко называло германское руководство боевую единицу финляндских сепаратистов, по аналогии с «польскими легионами» Ю. Пилсудского.

¹⁶⁹ *Klinge M. Vielä jääkäriliikkeen synnystä ja tavoitteista // Historiallinen Aikakauskirja*. 1970. № 4. S. 315–319; *Luntinen P. F.A.Seyn*. Helsinki, 1985. P. 250.

¹⁷⁰ Например, версия М. Клинге о том, что идея формирования боевой единицы финляндских сепаратистов на немецкой территории была передана финляндским «активистам» через Г. Гуммеруса осенью 1914 г., во время его поездки в княжество, противоречит воспоминаниям последнего, его отчетам, отправляемым в немецкий МИД, а также отчетам немецкого представительства в Стокгольме, где вообще игнорировался вопрос о военной подготовке финляндских добровольцев. — PAAA. Wk 11 s. Bd 2.

«финляндского легиона» предполагало не только материальные издержки, но и возлагало на немецкие власти определенные обязательства. К такому сотрудничеству осенью 1914 г. Германия не была еще готова. Поэтому, скорее всего, инициатива в создании на немецкой территории финляндского военного формирования принадлежала финляндским «активистам».

В конце ноября 1914 г. члены Студенческого комитета в Гельсингфорсе приняли решение о налаживании контактов с Германией. С этой целью в Стокгольм прибыли два их представителя — технолог Вертель Паулиг и студент Вальтер Хорн. Здесь через посредничество Карла Маннергейма, старшего брата генерала российской армии, в будущем маршала независимой Финляндии Густава Маннергейма, они встретились с Г. Гуммерусом и составили послание, адресованное германским правительственным кругам. 11 декабря 1914 г. немецкий посол в Стокгольме Г. Люциус фон Штеттен передал его рейхсканцлеру.¹⁷¹ В своем письме студенты обратились с просьбой принять финляндских добровольцев на специальные курсы для военного обучения и помочь в приобретении оружия.¹⁷²

Это просьба не являлась неожиданной для Берлина. Нечто подобное предлагал в сентябре 1914 г. Ф. Веттерхоф. Но теперь немецкое руководство отреагировало на нее иначе. Не исключено, что два обстоятельства: стремление с помощью Финляндии нарушить сообщение между Россией и Западными державами, а также сам факт обращения с просьбой о содействии не эмигрантов, а молодых жителей княжества убедили немецких политиков и военных в необходимости более существенной поддержки финляндского сепаратизма.

¹⁷¹ PAAA. Wk 11 c. Bd 3. Bl. 40 — 41. Lucius an Bethmann Hollweg vom 11.12.1915.

¹⁷² Ibid.

1.4. Взлеты и падения егерского движения

26 января 1915 г. в Берлине состоялось совещание представителей Военного министерства, Генерального штаба и МИД, на котором было принято решение об открытии недалеко от Гамбурга, в местечке Локштедт, 4-х недельных курсов военной подготовки для двухсот финляндских добровольцев. Как указывалось в протоколе Берлинского совещания, обучение имело целью «показать симпатии Германии по отношению к Финляндии, приобщить финнов к высокой германской культуре и военному духу и в дальнейшем, в случае вторжения Швеции или финляндского восстания, сделать их способными к выполнению непосредственных военных задач на территории княжества». ¹⁷³ Берлинское совещание стало начальной точкой развития егерского движения. Под понятием «егерское движение» подразумевается германо-финляндское секретное сотрудничество в области создания на немецкой территории военного подразделения финляндских сепаратистов — Королевского Прусского егерского батальона № 27.

Результаты Берлинского совещания не совсем удовлетворили «активистов», т. к. морской десант Германии в княжество, о котором они мечтали, откладывался на неопределенное время. Немецкая сторона отказалась предоставить какие-либо официальные гарантии поддержки финляндского движения за независимость. Участникам Локштедтских курсов, после их окончания, не разрешалось оставаться на территории Германии. Им рекомендовали выехать в нейтральную Швецию, чтобы находиться поблизости от эпицентра предполагаемого финляндского мятежа. ¹⁷⁴

Вместе с тем, решение об открытии Локштедтских курсов «активисты» приняли за отправную точку тайного сотрудничества с Берлином. ¹⁷⁵ Прежде всего, необходимо было произвести набор двухсот владеющих немецким языком

¹⁷³ Ibid. Bd 4. Bl 45-47. Ergebnis des Besprechung bez. Ausbildung von jungen Finnländer im Deutschland vom 26.01.1915.

¹⁷⁴ Ibid.; Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit. S. 61-63.

¹⁷⁵ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 88. Л. 17.

добровольцев. Представители «активистов» отправились в высшие школы Гамбурга, Любека, Висмара и Дрездена, чтобы привлечь обучающихся там финляндских студентов к военной подготовке в Локштедте. Ограниченная вербовка проводилась также на территории Финляндии, преимущественно в среде интеллигенции. Немецкий военный атташе Германии в Стокгольме отвечал за переправку добровольцев небольшими группами из Швеции в Берлин.¹⁷⁶

Спустя месяц, 25 февраля 1915 г. началось функционирование Локштедтских курсов (в переписке между различными инстанциями курсы обозначаются как «Лола»). Для обучения военному делу прибыло 182 финляндца, из них 39 проживали уже в Германии. 145 добровольцев являлись студентами (76%), 34 из них получили академическое образование, 64% участников считали родным шведский язык.¹⁷⁷

В программу курсов входили: общая пехотная подготовка, подготовка саперов-подрывников, обучение методам партизанской войны. Для обеспечения секретности предприятия финляндские добровольцы должны были носить униформу пфадфиндеров — немецких бойскаутов, в которой они чувствовали себя, мягко говоря, не уютно. Первая партия добровольцев состояла в основном из дипломированных специалистов от 20 до 41 года: врачи, инженеры, учителя, философы, деятели культуры. Одежда пятнадцатилетних немецких подростков была им явно не по душе, однако, с этим приходилось смириться. Руководил обучением финляндских добровольцев потомственный военный, участник подавления восстания племени гереро в немецких африканских владениях, майор германской армии Максимилиан Байер.

Байер имел репутацию немецкого «Баден-Пауэлла», т. к. по праву считался основателем и руководителем движения пфадфиндеров. Он был известен в Германии также благодаря своему литературному таланту, опубликовав в предвоенное время множество материалов о немецких колониях в Африке

¹⁷⁶ PAAA. Wk 11c. Bd 4. Bl.114-115. Kriegsministerium an AA vom 8.02. 1915.

¹⁷⁷ Suomen jääkärien elämäkerrasto. Helsinki, 1975. S. 17; Согласно сведениям, которые привел М. Лаурема, в Германии проживало 36 человек. — *Lauerma M. Jääkärihistoria*. S. 222-223.

и даже книжки для детей.¹⁷⁸ Новое назначение Байера явно утраивало. В письме к своей сестре Мари он, в частности, сообщал: «Моя деятельность носит секретный характер. Я не могу ее выдавать. Но она очень интересна и по душе мне... Я практически полностью независим, ... что дает мне свободу рук».¹⁷⁹

Как показывают материалы архива МИД ФРГ, финансирование Локштедтских курсов взяла на себя немецкая сторона. Для агитации среди финляндцев, организации военной разведки в княжестве, а также обустройства упомянутых курсов по распоряжению Т. Бетман-Гольвега имперское казначейство в начале февраля 1915 г. выделило сумму в размере 1 млн марок.¹⁸⁰ 25 тыс. марок были переведены в Стокгольмское представительство Германии, чтобы обеспечить поездку финляндцев в Локштедт.¹⁸¹ Происхождение средств тщательно скрывалось от рядовых участников движения. Лидеры «нового активизма» вообще умалчивали факты спонсирования их движения со стороны Берлина.

Известия о начале функционирования Локштедтских курсов стимулировали деятельность «новоактивистских» группировок внутри княжества. В феврале 1915 г. по инициативе сторонников «активизма» В. Сивена и Я. Фабрициуса состоялось совещание, целью которого являлось объединение различных политических партий в поддержку егерского движения. На нем присутствовали представители «кагала», старофиннов, бывшие члены «активистского» военизированного союза «Войма», всего 16 человек.¹⁸²

Единый центр поддержки «студенческого активизма» на широкой межпартийной основе все же не удалось сформировать. Большинство присутствующих считало необходимым сначала получить от Германии официальные обещания в

¹⁷⁸ См. подр.: *Ronsdorf C. Maximilian Bayer. Ein Wegbereiter zu Finnlands Unabhängigkeit.* Hels., 1973. S. 43-63.

¹⁷⁹ Цит. по: *Ibid.* S. 75.

¹⁸⁰ PAAA. Wk 11c. Bd 4. Bl 90. Der Staatssekretär des Reichsschatzamt's an Jagow G. vom 5.02.1915.

¹⁸¹ *Ibid.* Kriegsministerium an Militärattasche Stockholm vom 5.02.1915.

¹⁸² *Ajunen O. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa.* S. 153; *Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit.* S. 78.

отношении будущего статуса княжества. При этом минимальным требованием являлась гарантия поддержки Германией на послевоенном конгрессе великих держав прочной автономии Финляндии в рамках Российской империи. Достижение Финляндией полной государственной независимости считалось желательным, но в осуществление этого верилось с трудом. Отношение к открытию Локштедтских курсов также было неоднозначным. Например, А. Тернгрэн оценил их как «школу саботажа, выпускники которой способны разрушать мосты, железные дороги, но не более того». ¹⁸³

Участники собрания предпочли занимать выжидательную позицию, но это не помешало Я. Фабрициусу представить это собрание как основание «партии независимости». При этом он прекрасно понимал, что такое название являлось лишь «вывеской для заграницы». ¹⁸⁴ Но соблазн заинтересовать Берлин в важности содействия егерскому движению перевешивал рассуждения об объективности и здравом смысле.

От имени «партии независимости» был составлен план вооруженного восстания, согласно которому в случае высадки немецкого морского десанта в княжестве весной 1915 г. финляндские сепаратисты готовы были мобилизовать там 50 тыс. человек. По мере продвижения войск вглубь Финляндии ожидалось присоединение к восставшим еще 100–150 тыс. человек. ¹⁸⁵

Между тем, подходил срок окончания функционирования Локштедтских курсов. 30 марта 1915 г. представители МИД Германии, Военного министерства, Генерального штаба и Военно-морского ведомства вновь собрались в Берлине, чтобы обсудить перспективы финляндского освободительного движения. По мнению сотрудника МИД О. Вебера, цели «активистов» продолжали оставаться «расплывчатыми» и базировались на одном требовании немецкого десанта в княжество. ¹⁸⁶ Представители военного и военно-морского руковод-

¹⁸³ *Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit.* S. 78.

¹⁸⁴ *Arunen O. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa.* S. 153–156.

¹⁸⁵ *Ibid.*

¹⁸⁶ PAAA. Wk 11 c. Bd 6. Bl. 39–42. Chef des Stellvertretenden Generalstabes der Armee an Bethmann Hollweg vom 4.04.1915.

ства отвергли его возможность как в ближайшее время, так и в перспективе. Они еще в большей степени, чем МИД были разочарованы деятельностью финляндских сепаратистов и выступили с предложением о закрытии Локштедтских курсов.¹⁸⁷

Последовательным защитником «финляндского эксперимента» оказался майор М. Байер, который дал не только высокую оценку своим подопечным, но и предложил подумать о продолжении курсов, их расширении и доведении численности обучающихся до 1000 человек и более.¹⁸⁸ Байер прекрасно понимал, что за четыре недели из добровольца можно сделать рядового солдата, но не квалифицированного военного специалиста.¹⁸⁹

В результате обсуждения, несмотря на сопротивление военного министерства, все же было принято решение о продлении срока обучения финляндских добровольцев до 5 мая 1915 г.¹⁹⁰ В письме к сестре М. Байер, в частности, сообщал: «Мой доклад (о продолжении курсов. — И.Н.), кажется, вызвал сочувствие в Ставке...Надеюсь, не остановят. Но кто знает подводные течения? В Берлине я — единственный представитель оптимистического направления. Все «Органы», напротив, встречают словами «безнадежно», «нецелесообразно».¹⁹¹ Тем не менее, вопрос о дальнейшей судьбе «финского легиона» оставался открытым.

Берлинское совещание продемонстрировало охлаждение военного руководства Германии к поддержке финляндского сепаратизма. С этого момента содействие «активистскому» движению стало прерогативой МИД, где помощник статс-секретаря Циммерман продолжал верить если не в полномасштабное «революционизирование» Финляндии, то в возможность с помощью финляндских сепаратистов причинить Российской империи ощутимый ущерб.¹⁹²

¹⁸⁷ Ibid.

¹⁸⁸ Ibid.

¹⁸⁹ Ronsdorf C. Maximilian Bayer. S. 79.

¹⁹⁰ PAAA. Wk 11 c. Bd 6. Bl. 39-42.

¹⁹¹ Цит. по: Ronsdorf C. Maximilian Bayer. S. 82.

¹⁹² PAAA. Wk 11 c. Bd 6. Bl. 39-42.

Апрель-май 1915 г. стал для «активистов» сложным периодом. Они предпринимали усиленные попытки добиться продолжения Локштедтских курсов и расширения числа их участников. Ф. Веттерхоф подготовил подробнейшие отчеты о деятельности «активистских» организаций, где нарисовал впечатляющую картину размаха освободительного движения в Финляндии, а также акцентировал внимание на конечной его цели — отделении княжества от империи.¹⁹³ Несмотря на то, что описания Веттерхофа были полны преувеличений, ему удалось внушить, прежде всего, дипломатическим кругам значимость финляндского сепаратистского движения, его полезность для Германии. В частности, Веттерхоф выразил готовность «активистскими» силами организовать массированную атаку на общественное мнение Швеции с целью втягивания этой страны в войну против России.¹⁹⁴

Для Германии Швеция имела важное стратегическое и экономическое значение. Из Швеции доставлялись столь необходимая для немецкой военной промышленности железная руда, а также некоторые продукты питания. За счет вступления ее в коалицию Центральных держав и последующей шведской интервенции в Финляндию берлинские сторонники сепаратного мира с Россией мечтали вынудить последнюю сесть за стол переговоров с Германией.¹⁹⁵ Вильгельм II, как отмечал в своем дневнике адмирал Г.А. Мюллер, не раз подчеркивал важность тесного взаимодействия со Швецией.¹⁹⁶

Но в течение первых пяти военных месяцев 1914 г. отношения между Берлином и Стокгольмом значительно ухудшились. В Берлине выражали нескрываемое недовольство по поводу отказа Швеции минировать со своей стороны пролив Зунд, что давало возможность английским подводным лодкам появляться в Балтийском море. Швеция слишком рано, по мнению германских стратегов, демобилизовала свои вооруженные силы, благодаря чему Россия перебросила 1/3

¹⁹³ Ibid. Bd 7. Wetterhoff an Moltke vom 9.04.1915.

¹⁹⁴ Ibid.

¹⁹⁵ Carlgren W. Neutralität oder Allianz. S. 66-67, 83.

¹⁹⁶ Müller G.A. Regierte der Kaiser? Göttingen, 1959. S. 60.

своей VI-й армии, защищавшей подступы к Петрограду, в окрестности Варшавы. Германию раздражала также осуществлявшаяся через территорию Швеции транзитная торговля Западных стран с Россией.¹⁹⁷ Война затягивалась, поэтому в Берлине стали пристальнее присматриваться к возможности выхода Швеции из состояния нейтралитета. В этой обстановке предложение финляндских «активистов» содействовать подобной задаче не могло не заинтересовать немецких экспертов.

Естественным союзником Германии и финляндских сепаратистов оказались шведские «активисты» — сторонники вступления своей страны в войну на стороне Германии. Социальной базой упомянутого движения являлись «живущие воспоминаниями о временах Карла XII и Густава III консервативное дворянство и офицерство, лютеранское духовенство, университетский мир в лице отдельных представителей шведской профессуры».¹⁹⁸ Шведские «активисты» находились в плену великодержавных мечтаний, верили в победу Германии и боялись опоздать к дележу «победного пирога». В числе задач вступления Швеции в войну они выдвинули отделение Финляндии от России, образование буферного Финляндского государства и возвращение населенных в основном шведами Аландских островов — стратегически важного архипелага в южной части Ботнического залива.¹⁹⁹

Несмотря на то, что влияние упомянутого движения внутри страны было незначительным,²⁰⁰ к его приверженцам прислушивались за границей, прежде всего, в Германии. Здесь представители «активизма»: шведский посланник в Берлине граф Арвид Таубе, престарелый шведский маршал Ф. Дуглас, 35-летний ультраконсерватор Адриан Молин, профессор Густав Штеффен находили сочувствие и понимание. Они всячески старались убедить германское руководство в

¹⁹⁷ *Schubert J. Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. S. 18-20.*

¹⁹⁸ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. Д. 844. Л. 12. А.В. Неклюдов с германо-финляндских отношениях, 1914 г.

¹⁹⁹ *Schubert J. Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. S. 31-32.*

²⁰⁰ *Ibid; Carligen W. Neutralität oder Allianz. S. 115.*

том, что Швеция практически готова к войне с Россией, необходим лишь ощутимый толчок. Таким толчком, по их мнению, могли стать высадка немецкого десанта в Финляндию и повстанческое движение там. Причем, уверенность в результативности «финляндского эксперимента» являлась для шведских «активистов» не поддающейся сомнению. На вопрос П. Рорбаха: «Отдают ли они отчет в том, какая судьба ожидает финляндцев, если Германия отправит в княжество войска, его жители восстанут, но затем Германия будет вынуждена уйти из Финляндии, Швеция же останется спокойной?» — последовал однозначный ответ: «Если Финляндия вспыхнет, Швеция не сможет остаться спокойной».²⁰¹

Поскольку цели шведских и финляндских «активистов» имели общие точки соприкосновения, между двумя этими направлениями наметилось сотрудничество. Территориальные претензии шведов в отношении Аландов в тот период не особенно смущали финляндских сепаратистов, поскольку для них главным делом являлось отделение Финляндии от России, достичь которого через союз «Германия-Швеция» казалось наилучшим вариантом.²⁰²

Наряду со шведскими «активистами», финляндские сепаратисты весной 1915 г. обрели еще одного союзника — российских революционеров-эмигрантов. Особенно важной для егерского движения стала деятельность социалистов А. Кескюлы (псевдоним А. Штейн) и А. Гельфанда-Парвуса. В ходе беседы с представителем немецкого МИД в Константинополе Парвус заявил: «Российская демократия может достичь своей цели только через полное поражение царизма и распад России на маленькие государства. С другой стороны, Германия не достигнет полного успеха, если ей не удастся разжечь революцию в России».²⁰³ Вследствие этого, по мнению Парвуса, «интересы немецкого правительства были идентичны интересам российских революционеров».²⁰⁴

²⁰¹ PAAA. Schweden 56:1. Bd 2. H 055136. Rohrbach P. an A.Zimmermann vom 19.10.1915.

²⁰² Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit. S. 110.

²⁰³ PAAA. Wk 11 c. Bd 3. Bl. 96. Wangheim an AA vom 8.01.1915.

²⁰⁴ Ibid.

Идеи А. Парвуса о расчленении и ослаблении России соответствовали «сентябрьской программе» Бетман-Гольвега. Новым моментом являлось объединение национальных движений с социальной революцией в России. Взгляды Парвуса привлекли внимание влиятельных фигур немецкого руководства. Рейхсканцлер поручил своему доверенному лицу Курту Рицлеру установить с ним связь.²⁰⁵ В марте 1915 г. Парвус представил в МИД меморандум, где впервые восстание в Финляндии рассматривалось в тесном взаимодействии с революцией в России и шведской интервенцией в княжество. Русская революция послужила бы, по мнению Парвуса, сигналом для восстания в Финляндии. В это же время шведская армия будет вынуждена перейти границу, чтобы защитить финляндскую независимость.²⁰⁶

Практически идентичный план предложил эстонский социалист Александр Кескюла. Различие лишь заключалось в том, что последний, в отличие от Парвуса, надеявшегося привлечь к подготовке революции меньшевиков, с самого начала советовал немецкому руководству сделать ставку на леворадикальное крыло российской эмиграции во главе с В.И. Лениным.²⁰⁷

Разработки Парвуса и Кескюлы стали, пожалуй, первым детальным изложением задач и возможностей финляндского восстания. Ни шведские, ни финляндские «активисты» весной 1915 г. ничего подобного не имели. Взаимодействие Берлина со шведскими «активистами» и российскими революционерами привело к тому, что в «финляндском вопросе» открылись новые перспективы: вступление Швеции в войну и социальная революция в России. Финляндское сепаратистское движение обрело дополнительную поддержку в лице шведских «активистов» и российских эмигрантов-революционеров.

Правда, если с первыми наблюдалось сотрудничество вплоть до провозглашения Финляндией независимости, то со

²⁰⁵ Ibid. Bd 4. A 1451. Grosses Hauptquartier (далее — GrHq) an Jagow G. vom 13.01.1915.

²⁰⁶ См. подр.: *Aunon O. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa*. S. 146–147.

²⁰⁷ PAAA. Wk 11 c. Bd 5. A 8629. Kesküla A. an AA vom 25.05.1915.

вторыми в последующем отношения не сложились. Взаимодействующий с финляндскими «активистами» А. Кескюла вскоре потерял у них доверие. Финляндец отпугивал его революционный радикализм, а также контакты с большевиками. Некоторые считали его провокатором, работавшим на российскую охранку.²⁰⁸ К тому же «новые активисты» являлись прежде всего буржуазными националистами, а не революционерами. Тем не менее, весной 1915 г. поддержка революционной российской эмиграцией идеи финляндского восстания способствовала тому, что в Берлине решили продолжать содействие финляндскому сепаратистскому движению.

24 мая 1915 г. Ф. Веттерхоф встретился с А. Циммерманом, который заверил лидера «нового активизма» в том, что «немецкое правительство приложит все усилия для отделения Финляндии от Российской империи».²⁰⁹

25 мая 1915 г. на совещании в Генеральном штабе Э. Фалькенгайн предложил отказаться от дальнейших проволочек в финских делах».²¹⁰ Руководитель отделения «Иностранные вооруженные силы» полковник Циммерман выступил за расширение состава участников Локштедтских курсов, мотивируя это решение тем, что Германия слишком далеко зашла в поддержке финского движения, сейчас уже поздно отступать. Лучше продолжать содействие, чтобы использовать финнов в нужный момент. Кроме того, по его мнению, «роспуск финского легиона обескуражил бы не только финнов, но и представителей других сепаратистских движений России и пробудил бы недоверие к Германии».²¹¹ Таким образом, германское руководство оказалось заложником собственной «политики революционизирования».

16 июня 1915 г. в Берлине было принято решение о продолжении формирования «финского легиона», преобразовав Локштедтские курсы в учебную группу Локштедт и

²⁰⁸ *Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit* S. 226.

²⁰⁹ PAAA. Wk 11 c. Bd 7. A 18456. Wetterhoff an Wesendonk G. vom 4.06.1915.

²¹⁰ *Ibid.* Wk 11 c. Bd 7. A 16981. GrHq an AA vom 25.05.1915.

²¹¹ *Ibid.*

расширив ее численность до 1200 человек. Для финансирования проекта создавался фонд в 100 тыс. марок. На обустройство вербовочных бюро в Берлине, Стокгольме и северной Швеции выделялось по 5 тыс. марок ежемесячно.²¹²

Но многое из предложенного осталось на бумаге. Военное министерство во главе с В. фон Хоенборном отказалось от поддержки в создании подразделения финляндских сепаратистов. Рейхсканцлер Бетман-Гольвег получал в это время полные скептицизма по отношению к финляндскому «активизму» донесения Г. Люциуса.²¹³ Не менее критичную позицию по отношению к финским сепаратистам занял немецкий военный атташе в Стокгольме Карл фон Авейден. В одном из своих писем Люциусу он не без раздражения отмечал: «Господину Веттерхофу кажется, что вооруженная борьба Германии должна служить, в первую очередь, тому, чтобы принять финские теории и идеи к осуществлению... Если финны серьезно борются за дело своего Отечества, то они должны сами перейти в наступление против русских угнетателей, а не выжидать, но страх сидит у них в утробе».²¹⁴ Представителям великой державы было трудно понять психологию малой страны, представители же последней оказались не в состоянии осознать интересы великой державы.

Внутри «активистского» движения также не наблюдалось единства. Личные амбиции разъединяли Стокгольмский центр и Финляндскую канцелярию Ф. Веттерхофа. С точки зрения конечной цели движения «новый активизм» оказался расколотым на два течения: «вооруженный» и «дипломатический активизм». Сторонники первого направления выступали за выход Финляндии из состава Российской империи путем вооруженного восстания и при немецкой военной поддержке. Сторонники второго боролись за прочную автономию княжества в рамках Российской империи, что, по их мнению, было достижимо с помощью содействия Германии восстановлению автономии княжества на послевоенном кон-

²¹² Ibid.

²¹³ Ibid. Bl. 140-141. Lucius an Bethmann Hollweg vom 30.06.1915.

²¹⁴ Ibid. Wk 11 c. Bd 7. A 20535. Aweyden K. an Lucius vom 28.06.1915.

грессе великих держав.²¹⁵ Поскольку представители обоих течений взаимодействовали с одними и теми же немецкими инстанциями, то последним зачастую нелегко было понять, чего в действительности добиваются финляндцы.

В итоге, 7 июля 1915 г. А. Циммерман одобрил осторожную политику Г. Люциуса по отношению к финляндскому «активизму». Е. Ельт в своих мемуарах высказал удивление по поводу того, почему немецкий МИД все же не потребовал в тот период закрытия Локштедтских курсов.²¹⁶ Поскольку ясного объяснения поддержки Берлином формирования «финского легиона» не находилось, большинство «активистов» и вслед за ними первые исследователи германо-финляндских отношений, включая Ааро Пакаслаhti, были склонны приписывать чрезвычайно важную роль в этом деятельности Веттерхофа. Действительно, руководитель Финляндской канцелярии проявил в критическое для «активизма» время недюжинные способности и развил невероятную энергию. Ему удалось привлечь в поддержку создания «финского легиона» принца Макса Баденского, герцога Адольфа Фридриха Мекленбургского, главу военно-морского кабинета Г.А. Мюллера.²¹⁷ Но было бы не совсем правильно сводить формирование военного подразделения финляндских сепаратистов к усилиям одного человека. Не меньшую активность, как показывает исследование К. Ронсдорфа, проявлял также майор М. Байер.²¹⁸

Кроме того, в Берлине не решились разорвать отношения с финляндскими «активистами», по заявлению А. Циммермана, вследствие политических причин.²¹⁹ Что имел в виду под «политическими причинами» помощник статс-секретаря по иностранным делам? Как показывают фонды Политического архива МИД ФРГ, речь шла о возможности с помощью

²¹⁵ *Ibid.* Bl. 156–157; *Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta.* S. 50; *Schubert J. Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg.* S. 43.

²¹⁶ *Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta.* S. 51; *Schubert J. Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg.* S. 43.

²¹⁷ *Müller G.A. Regierte der Kaiser?* S. 124.

²¹⁸ *Ronsdosf C. Maximilian Bayer.* S. 83–85.

²¹⁹ *Carlgrén W. Neutralität oder Allianz.* S. 105; *Schubert J. Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg.* S. 44.

финляндских сепаратистов вынудить Швецию к войне против России. Летом-осенью 1915 г. МИД Германии предпринял, пожалуй, наиболее мощный за весь период войны натиск на шведский нейтралитет.

Особую роль в этом играли миссии гамбургского банкира Макса Варбурга в Стокгольме летом — осенью 1915 г. В Стокгольме проживал его младший брат Фриц, который являлся неофициальным советником немецкого МИД по Скандинавским странам.²²⁰ Сам Макс Варбург был в дружеских отношениях с министром иностранных дел Швеции Кнутом Валленбергом. Это обстоятельство предложил, в частности, использовать лидер национал-либералов в немецком рейхстаге Г. Штреземан.²²¹ Через Варбурга можно было попытаться повлиять на Валленберга в благоприятном для Германии смысле. Варбург получил соответствующие инструкции от А. Циммермана для ведения секретных переговоров о вступлении Швеции в войну против России. В случае присоединения к Центральным державам и военного выступления против России Швеции обещали немецкое содействие в распространении шведского влияния на малые страны Балтийского региона, возвращение Аландских островов и создание буферного с Россией Финляндского государства. Циммерман настаивал также на том, чтобы напомнить шведам о «полной незащитности Стокгольма перед надвигающейся «русской угрозой».²²²

В ходе июльской миссии Варбурга Валленберг отклонил предложения Берлина, но в то же время выразил готовность от имени Швеции взять на себя роль «маклера мира» между Германией и Россией.²²³ При этом Валленберг подчеркнул, что Германия не должна требовать от России слишком многого, чтобы избежать создания «новой Эльзас-Лотарингии», на этот раз на Востоке.²²⁴

²²⁰ Warburg M. Aus meinen Aufzeichnungen. New York, 1952. S. 8.

²²¹ Ibid. S. 38.

²²² PAAA. Schweden 56:1. Bd 1. H 054904. Zimmermann an Botschaft Stockholm vom 30.05.1915.

²²³ Ibid. H 054931/35. Warburg an Zimmermann vom 6.07.1915, 15.07.1915.

²²⁴ Warburg M. Aus meinen Aufzeichnungen. S. 40.

Несмотря на неудачную попытку вынудить Швецию вступить в войну против России, германское руководство не рассталось с подобной мыслью.²²⁵ Перспективы немецко-шведского сотрудничества являлись слишком заманчивыми для Берлина.²²⁶

7 августа 1915 г. немецкий посол в Стокгольме Г. Люциус отправил в Берлин доклад военно-морского атташе Германии в Швеции Р. Фишера-Лоссайнена.²²⁷ Автор доклада исходил из того, что для шведского вмешательства в войну нужно «организовать» внешний толчок. Этим толчком мог стать немецкий морской десант на Аландские острова. В данной связи, военно-морской атташе предлагал использовать участников Локштедтских курсов. Вся акция должна быть представлена в виде национально-освободительной борьбы финляндского народа. Немецкий десант стимулировал бы подъем населения княжества на восстание, а также оказал бы давление на общественное мнение Швеции в пользу вмешательства в войну под предлогом защиты финляндской независимости. Для захвата Аландских островов, по мнению капитана Фишера-Лоссайнена, необходимо было всего 4–5 тыс. человек.²²⁸ Позднее немецкий контингент покинул бы архипелаг, оставив здесь отряд финляндцев. Подобная операция ставила под угрозу Гельсингфорс и Петроград, что связало бы значительные силы русских войск.

С помощью этого предприятия, с точки зрения военно-морского атташе, сразу решились бы все основные проблемы балтийской политики Германии. При этом дальнейшая судьба Финляндии Фишера-Лоссайнена не особенно волновала.

²²⁵ Упомянутому вопросу была посвящена следующая поездка М. Варбурга в Стокгольм в сентябре 1915 г. Немецкое давление на Швецию достигло своего апогея в ноябре 1915 г., когда в ходе миссии князя М. Баденского в Швецию был предложен текст военной конвенции. — PAAA. Schweden 56:1. Bd 2. H 055103/104. Warburg an Zimmermann vom 30.09.1915; Bd 3. H 055192/99. Bericht von Hammerstein vom 22.11.1915.

²²⁶ Ibid. Bd 1. H 055005/08. Aweyden an Oberste Heeresleitung (OHL) vom 27.07.1915.

²²⁷ Ibid. Schweden 56:1. Bd 1. H 055019/27. Bericht des Marine-Attasches von Fischer-Lossainen vom 7.08.1915.

²²⁸ Ibid.

Он не верил в возможность существования малого суверенного государства, расположенного на стыке противоречий великих держав. 10 августа 1915 г. с меморандумом военно-морского атташе в Швеции ознакомился рейхсканцлер Бетман-Гольвег.

В июле-августе 1915 г. на германское правительство усилили свой натиск шведские «активисты». Причем, в ходе своих визитов в Берлин они в один голос утверждали, что «путь к участию шведского оружия в войне лежит через Финляндию».²²⁹ Шведский посланник в Берлине Таубе неоднократно встречался с адмиралом Г.А. Мюллером и настаивал на захвате Германней Аландских островов и на поддержке финляндского освободительного движения. В начале августа 1915 г. он представил развернутый доклад рейхсканцлеру, в котором упомянутые идеи нашли свое воплощение.²³⁰

В то же время в Берлине были получены первые известия об успехе летнего наступления в Польше и взятии Варшавы, а также поступили сведения о провале немецкого зондажа в России, с помощью датчан и с целью заключения сепаратного мира.²³¹

В этих условиях 11 августа 1915 г. Бетман-Гольвег представил доклад кайзеру о перспективах восточной политики Германии.²³² Рейхсканцлер пришел к выводу, что с Россией вряд ли удастся заключить сепаратный мир. Остается лишь один путь — путь окончательного военного разгрома. В надежде на ускорение внутренней катастрофы в России Бетман-Гольвег предложил использовать для этого Швецию и Финляндию. Разделяя мнение Таубе и Фишера-Лоссайнена, рейхсканцлер, в частности, писал: «Восстание в Финляндии, пожалуй, вспыхнуло бы, как скоро финляндцам будет известно, что они могут положиться на нашу поддержку...

²²⁹ Ibid. Bd 2. Molin an Lucius, August 1915; *Schubert J. Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg*. S. 49.

²³⁰ Müller G.A. *Regierte der Kaiser?* S. 103, 145.

²³¹ О миссии Г.А. Андерсена см. подр.: *Евдокимова Н.П. Между Востоком и Западом*. Л., 1985. С. 63.

²³² PAAA. Schweden 56:1. Bd 1. H 055038/41. Reichskanzler an Kaiser vom 11.08.1915.

Борьба Финляндии за свое освобождение, поддерживаемая наступлением Швеции, конечно, значительно способствовала бы нашим целям. Возможна ли... экспедиция на Аландские острова с военной точки зрения, я не рискну судить, но с политической точки зрения могу ее только приветствовать». ²³³ Итак, вновь немецкое руководство демонстрировало свой интерес к Финляндии, продиктованный не столько военно-стратегическими, сколько политическими мотивами.

Доклад рейхсканцлера от 11 августа 1915 г. ознаменовал переход его на позицию А. Циммермана, Э. Людендорфа и других сторонников «стратегии сокрушения» России. Это была заметная уступка требованиям консерваторов и приверженцев обширных аннексий на Востоке. После 11 августа Т. Бетман-Гольвег отошел от политики заключения с Россией «дешевого мира», и встал на путь отделения от нее окраинных территорий, т. е. вернулся к своей излишне эмоциональной «сентябрьской программе» 1914 г. Немецкий историк Ф. Фишер и шведский историк В. Карлгрен считают августовский доклад рейхсканцлера поворотным в восточной политике Германии в годы Первой мировой войны. ²³⁴

24 августа 1915 г. в немецкой Ставке Э. Фалькенгайн принял Ф. Веттерхофа. ²³⁵ Глава Берлинского «активистского» центра представил план военной операции в Финляндии. Исходной точкой военной части плана Веттерхофа являлся немецкий десант на Аланды с последующим продвижением немецких войск к западному побережью княжества. К вооруженным силам Германии присоединяются также участники Локштедтских курсов, которые образовали бы ядро национально-освободительной армии Финляндии. Ее подразделения, подчиняясь распоряжениям германского командования были бы готовы разрушать коммуникации противника и предоставлять данные разведки. Численность русских войск в княжестве Ф. Веттерхоф оценивал в 30–40 тыс.

²³³ Ibid.

²³⁴ Fischer F. Deutsche Kriegziele. S. 226; Carlgren W. Neutralität oder Allianz. S. 159–168.

²³⁵ PAAA. Schweden 56:1. Bd 1. AU 4499. GrHq Ost an Bethmann Holweg vom 24.08.1915.

человек, против которых национально-освободительное движение непосредственно после высадки немецкого десанта могло поставить под ружье 64 тыс. человек. Позднее, по мере продвижения германских войск, ожидалось присоединение к восставшим еще 250 тыс. финляндцев. Окончательная цель операции — освобождение Финляндии. Веттерхоф не исключал также дальнейшего немецко-финского наступления на Петроград. «Завоевание Финляндии», по его мнению, «стало бы ударом в голову русского колосса». ²³⁶

План руководителя Финляндской канцелярии был пропитан духом авантюризма. Он практически не принимал во внимание присутствия в княжестве русских войск и военно-морского флота, успешно контролировавшего восточную часть Балтийского моря. Численность возможных участников повстанческого движения в Финляндии была определенно преувеличена. В княжестве более 13 лет отсутствовала воинская повинность да и сепаратизм местных жителей, как свидетельствуют донесения генерал-губернатора Ф. Зейна и российских военных властей, еще не пустил среди населения глубокие корни, способные кардинально изменить отношения с Россией. ²³⁷

Веттерхоф пошел на заметное искажение реального положения в Финляндии для того, чтобы вызвать в германском руководстве острое желание активной поддержки финляндского сепаратистского движения.

Разработки Веттерхофа были положительно отмечены генералом Фалькенгайном, который признал, что удар через территорию Финляндии на Петроград мог бы стать решающим в войне с Россией. Но начальник Генерального штаба не разделял оптимизма Веттерхофа в отношении присоединения к немецким войскам финляндских повстанцев, имеющих слабое представление о военном деле. К тому же определенные сложности таил в себе морской путь в Финляндию,

²³⁶РААА. GrHq. Finnland. Bd 1. L 084155/68. F. Wetterhoff. «Über eine militärische Aktion in Finnland» vom 24–25.08.1915.

²³⁷АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 220. Л. 12об. Записка Ф. Зейна Б.В. Штурмеру от 23.02.1916; РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 35. Л. 8об. Сообщение И.К. Григоровича от 13.01.1916.

отсутствовали резервные войска. Поэтому вопрос о немецком морском десанте в княжество Э. Фалькенгайн поставил в зависимость от участия Швеции в данной операции.²³⁸

Вскоре после встречи Фалькенгайна с Веттерхофом, 26 августа 1915 г. военный министр В. фон Хоенборн все-таки подписал приказ о преобразовании Локштедтских курсов в учебную группу «Локштедт», что привело к расширению состава участников движения и другим очень важным изменениям. Безусловно, это была крупная победа Ф. Веттерхофа, пик его карьеры, по существу летом 1915 г. он стал лидером финляндского сепаратистского движения за границей. В то же время не следует забывать, что его усилия пали на благодатную почву, создаваемую шведскими «активистами», деятельностью М. Байера и других сторонников «революционизирования» Финляндии. Веттерхофу удалось точно уловить те изменения, которые претерпевала в тот момент восточная политика Германии и использовать их для привлечения новых союзников. Без финляндских инициатив дальнейшее формирование «финского легиона» было бы вряд ли возможным, но и без содействия Бетман-Гольвега, Циммермана, Фалькенгайна и др. эти инициативы также оказались бы мертворожденными.

Официальным днем рождения нового финляндского подразделения, получившего впоследствии наименование Королевского Прусского егерского батальона, стало 2 сентября 1915 г. Этот день был символическим в истории Германии. 45 лет назад, 2 сентября 1870 г., Пруссия разбила французов под Седаном. Спустя 45 лет немецкое командование приняло решение использовать против своего нового противника — России, учебную группу «Локштедт». Как следовало из приказа военного министра Хоенборна, учебная группа «Локштедт» формировалась в виде егерского батальона, создаваемого из финляндских добровольцев и подчинявшегося немецкому военному командованию. Финляндцы получали униформу прусских егерей и обязаны были «служить Германской империи всеми силами и на любых участках фронта».²³⁹

²³⁸ *Arippe O. Suomi keisarillisen Saksan politiikassa. S. 243.*

²³⁹ Приказ о формировании егерского батальона см.: *Coler U. Jääkäripataljoona // Suomen Vapausseura. I. S. 132.*

Вместе с тем командир формируемого батальона майор М. Байер сознавал, что это соединение не может быть рядовой воинской единицей германских вооруженных сил. В своем рапорте генерал-лейтенанту Паприцу он, в частности, выделил следующие задачи финляндского батальона: препятствовать тому, чтобы русские отважились на мобилизацию в Финляндии, оттянуть по возможности большее количество российских вооруженных сил с фронта в Финляндию, организовать диверсионные акции в княжестве, политически оказать давление на Швецию, способствовать росту симпатий финляндцев по отношению к Германии, воспитать группу инструкторов для финляндской национально-освободительной армии.²⁴⁰ По мнению адъютанта Байера, капитана Э. Аусфельда, а также других немецких офицеров, занимавшихся организацией егерского батальона, майор Байер, вероятно, принадлежал к числу тех немногих представителей германского вермахта, кто искренне верил в возможность создания в будущем независимого Финляндского государства.²⁴¹

С основанием учебной группы «Локштедт» ближайшей задачей «новых активистов» и взаимодействовавших с ними представителей немецких органов стал набор необходимого количества добровольцев в егерский батальон. Первые рекруты набирались в немецких лагерях для военнопленных, а также среди финских моряков, суда которых были захвачены Германией в начале войны. Одновременно началась вербовка непосредственно в Финляндии. Стокгольм стал основным промежуточным пунктом переправки финляндских добровольцев в Берлин. Возглавлял указанный этап немецкий капитан Карл Гельд.²⁴²

Благоприятный поворот немецкой политики в сторону дальнейшей поддержки «активистского» движения способствовал его консолидации в Финляндии. Организацией вербовки на территории княжества занимался Активистский комитет во главе с магистром философии Каем Доннером.

²⁴⁰ *Ronsdorf C.* Maximilian Bayer. S. 285.

²⁴¹ *Ibid.* S. 171.

²⁴² *Coler U.* Jääkäripataljoona. S. 132; *Sihvo A.* Muistelmani. Helsinki, 1954. S. 70-71.

Политическое руководство егерским движением и обеспечение его финансовой поддержки взял на себя Центральный комитет во главе с деятелями старшего поколения «активистов» Э. Ельтом, А. Бонсдорфом, С. Сарно.

Учитывая опыт своих предшественников — «ранних активистов», «поздние» или «новые активисты» отказались от тактики террора²⁴³ и пересмотрели вопрос о сотрудничестве с финляндскими политическими партиями. Они стремились придать егерскому движению общенациональный характер, привлекая на свою сторону как представителей буржуазных партий, так и социал-демократов. По поводу финской социал-демократии Г. Гуммерус писал: «С самого начала мы считали сотрудничество с социал-демократами важным, ибо в их руках находились рабочие и большая часть простого народа».²⁴⁴ Оппозиционность по отношению к российскому самодержавию, с точки зрения «новых активистов», являлась общей платформой для взаимодействия.

Несмотря на общую точку соприкосновения, отношение финляндских социал-демократов к егерскому движению трудно определить однозначно. По сравнению со своими российскими коллегами финляндским социал-демократам, в большей степени, был присущ «националистический имидж».²⁴⁵

Финский историк И. Хейккиля, исследуя процессы, происходившие в социал-демократической партии после 1905 г., выделил внутри нее две фракции: кооперации и классовой борьбы. Представители первой фракции — Ю. Мякелин, Н.Р. Урсин, Т. Корпимаа — в своей деятельности следовали двойной стратегии: во внутренних делах княжества руководствовались принципом классовой борьбы, в защите же национальной автономии от посягательств имперского прави-

²⁴³ «Активисты» 1904–1907 гг. были сторонниками террористических методов борьбы и подготовили не одно покушение против неудобных им царских чиновников и военных.

²⁴⁴ Цит. по: *Gummerus H. Jaakarit ja aktivistit*. S. 179.

²⁴⁵ См. подр.: *Hentilä S. The Finish labour movement and national thinking until 1907 // Nationality and nationalism in Italy and Finland from the mid.19 century to 1918*. Hels., 1984. P. 41–91. Но поддерживали ли они безусловно егерское движение?

тельства они предлагали кооперацию с буржуазными партиями. В борьбе за автономию, по их мнению, интересы буржуазии и рабочего класса совпадали. Кроме того, сторонники Ю. Мякелина придерживались положения о феодальной природе российского самодержавия и его учреждений, поэтому они всячески защищали действия капиталистической Германии, верили в ее победу как страны более цивилизованной, по сравнению с «феодальной Россией». ²⁴⁶

Вторую фракцию представляли левые социал-демократы: О. Куусинен, Э. Валпас, Ю. Сирола, К. Маннер. Для них на первом плане стояли проблемы классовой борьбы. Решение же национального вопроса они связывали с общей революцией в России. Российское общество, по их мнению, было обществом капиталистическим с некоторыми феодальными пережитками. Левые социал-демократы с сомнением относились к ведению «освободительной борьбы» в союзе с Германией, «страной реакционной политики и прусского милитаризма». ²⁴⁷

Учитывая взгляды представителей двух течений, становится понятно, почему егерское движение поддержали именно сторонники фракции кооперации. ²⁴⁸ Например, сын Ю. Мякелина Лео вступил в егерский батальон. В Финляндской канцелярии Ф. Веттерхофа работал социал-демократ В. Штрём. Все же внутри социал-демократической партии поддерживавшие егерское движение политики оказались в меньшинстве.

В мае-июне 1915 г. один из лидеров финских социал-демократов Карл Вийк побывал в Стокгольме и Берлине, где встретился не только с «активистами», но и с советником немецкого МИД Гюнтером Безендонком. В ходе переговоров в качестве условия для широкого участия социал-демократов в егерском движении Вийк выдвинул требование, согласно которому отделение Финляндии от России не должно было

²⁴⁶ Heikkilä J. Kansallista luokkapoliitikkaa. Hels., 1993. S. 322.

²⁴⁷ Ibid.

²⁴⁸ В финской историографии представителей этого течения называют также приверженцами националистической линии в рабочем движении. — Henttilä S. The Finish labour movement. P. 86.

привести к подчинению ее Германии. Несмотря на утвердительный ответ, Вийк не стал «правоверным активистом». Свое отношение к егерскому движению он определял понятием «конъюнктурная политика».²⁴⁹ В случае успеха «новых активистов» в Финляндии не исключалась кооперация с ними и социал-демократов. Если же в России вспыхнет революция, то социал-демократы Финляндии выбрали бы иной путь — сотрудничества со своими российскими коллегами.²⁵⁰ Таким образом, социал-демократическая партия придерживалась тактики выжидания. Ее руководство не запрещало своим членам участвовать в егерском движении индивидуально, но как организация она старалась не связывать себя с деятельностью «новых активистов».

В целом, егерское движение не привело к объединению его участников по партийному признаку. Линия разграничения противников и сторонников упомянутого движения проходила через решение вопроса об отношении к России.

Возглавлявшие егерское движение «новые активисты» принципиально отвергали различие между российской государственной властью и российским народом, ибо эта дифференциация, по их мнению, «притупляла силу национального протеста и считалась вредной для дела национального освобождения». «Мы желаем стать самостоятельными и не можем согласиться с тем обстоятельством, что руссы²⁵¹ — пусть в образе Николая или в одеждах матросов хозяйничают здесь»,²⁵² — писал по этому поводу Я. Фарбициус.

Традиционная политика лояльности по отношению к империи рассматривалась сторонниками егерского движения как измена делу нации, напротив, германофильство стало интерпретироваться как синоним преданности национальной идее. Идеология егерского движения приобрела ярко выраженную антирусскую окраску. При этом его приверженцы доходили до абсурдных заявлений. Например, в статье

²⁴⁹ *Heikkilä J. Kansallista luokkapoliittikkaa. S. 334.*

²⁵⁰ *Ibid.*

²⁵¹ Так презрительно называли русских финляндские националисты.

²⁵² Цит. по: РГА ВМФ. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 278. Л. 14. Обзор иностранной прессы.

некоего финского автора сообщалось, что «во всех войнах финны всегда были врагами России, и теперь простой финский крестьянин считает понятия «враг» и «русский» синонимами». ²⁵³ Автор намеренно «забыл» деятельность М. Спренгпортена, Аньяльский союзный акт и многое другое, «притупляющее силу национального протеста».

Спектр политических партий, сотрудничавших с егерским движением, оказался достаточно широким: младофинны (Р. Эрих, Х. Рейнваль), старофинны (С. Сарйо, Э. Суолахти), шведская народная партия (О. Экссон), наконец, отдельные социал-демократы. Финские предприниматели жертвовали движению, по данным К. Доннера, 300 тыс. марок. ²⁵⁴

Для организации вербовки молодежи в егерский батальон Финляндия была разделена на 87 отделений, в каждом из которых проводилась соответствующая работа. Причем, она не ограничивалась более кругами интеллигенции и студенчества. Участники вербовки предприняли «хождение в народ». Германское командование требовало набирать добровольцев из разных слоев населения, различных районов Финляндии для того, чтобы создать действительное подобие национально-освободительной армии. Были образованы специальные этапные пункты переправки добровольцев через границу. Молодые люди нелегально покидали страну зимой по льду Ботнического залива. Причем, на протяжении маршрута следования добровольцев из Финляндии в Швецию работали специальные сборные пункты, в местах пересечения границы имелись опытные проводники. Аналогичная система действовала и на шведской территории. ²⁵⁵

В течение осени-зимы 1915–1916 гг. вербовка в Финляндии дала неплохие количественные результаты. Общая численность егерского батальона составила 1890 человек, из них 2 девушки — медсестры Рут Мунк и Сара Рампа-

²⁵³РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3144. Л. 19. «Berliner Tageblatt». 22.06.1916.

²⁵⁴Donner K. Jääkäriliikkeen synty. S. 102.

²⁵⁵РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 67. Л. 32. Записка МВД адмиралу В.А. Капину от 16.05.1916; *Talvela P. Sotilaan elämä. I. Jyväskylä, 1976. S. 19–22.*

нен.²⁵⁶ Батальон состоял из 6-ти рот: 4 егерские или стрелковые, одна разведрота, одна рота пулеметчиков и взвод артиллерии. Во главе этих подразделений стояли немецкие офицеры. Их помощниками являлись шведоязычные финляндцы из числа Локштедтских «ифадфиндеров».²⁵⁷

Батальон имел собственное знамя, наброски которого были выполнены Ф.Веттерхофом и егерским офицером Эриком Йернстрёмом. В центре, на фоне голубого круга, красовался финский лев, а по углам знамени распростерся немецкий орел. Знамя символизировало немецко-финское «братство по оружию» (*aseveljeys*).²⁵⁸

Социальный состав батальона был крайне неоднороден. Согласно статистическим данным финского историка М. Лаурермы, около 300 человек являлись выпускниками университетов и других высших учебных заведений, 150–200 человек имели среднее образование, 513 являлись рабочими, 268 — крестьянами, финский торговый флот дал батальону 132 человека. В батальоне имелись также журналисты, адвокаты, художники, скульпторы, представители практически всех профессий и занятий тогдашней Финляндии.²⁵⁹ Егерское движение из движения студенчества по составу батальона фактически превратилось в движение широких социальных слоев населения. Правда, не стоит забывать, что некоторые оказались в батальоне не из идеологических или патриотических соображений, а просто потому, чтобы избежать участи военнопленных или поддались красочным рассказам вербовщиков.

Кроме организации вербовки и отправки добровольцев в Германию егеря выступали также в качестве диверсантов и разведчиков. Известный финский генерал Пааво Талвела, прошедший службу в егерском батальоне, в своих воспоминаниях назвал цифру — 38 егерей, которые в течение войны

²⁵⁶ Suomen jääkärien elämäkerrasto. S. 20. По данным финского историка М. Лакмана общая численность батальона составила 1897 чел. — *Lackman M. Jääkärimuistelmia. Keuruu, 1994. S. 12.*

²⁵⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1465. Л. 127. Показания перебежчиков 27-го егерского батальона, июнь 1916.

²⁵⁸ *Ronsdorf C. Maximilian Bayer. S. 104–105.*

²⁵⁹ Suomen jääkärien elämäkerrasto. S. 757.

находились в распоряжении немецкого военно-морского штаба и занимались разведывательной деятельностью, подрывными работами на территории Финляндии, Скандинавии и даже российского Мурмана.²⁶⁰

Однако диверсионная сторона их деятельности не принесла ощутимых результатов. Наиболее значительными подрывными актами егерей являлись: взрыв склада военного имущества в Килписъярви в июне 1916 г., попытка взорвать 5 принадлежащих Антанте в финских гаванях судов, причем, повреждение получило одно из них, незначительные повреждения на заводе компании «Симменс и Шуккерт».²⁶¹ Более успешно протекала разведывательная деятельность егерей. Их сводки, как свидетельствуют материалы Политического архива МИД ФРГ, содержали довольно точную информацию о численности русских войск и местах их дислокации в Финляндии.²⁶²

3 мая 1916 г. финляндскому батальону было присвоено звание Королевского Прусского егерского батальона № 27. Германское командование приняло решение отправить его на фронт. При этом оно вряд ли руководствовалось военной необходимостью. Здесь уместно вспомнить генерала Э. Фалькенгайна, который утверждал, что у Германии отсутствовала необходимость в использовании столь малой по численности боевой единицы на фронте.²⁶³ Отправка батальона на фронт, по-видимому, рассматривалась не столько с военной точки зрения, в качестве приобретения фронтового опыта, сколько с политической точки зрения. Финский батальон должен был сыграть роль примера для других сепаратистских движений.

Прежде чем отправить батальон на фронт, германское командование должно было получить формальное разрешение для этого у руководства «активистского» движения. Ф. Веттерхоф возражал против отправки батальона на фронт, заявив: «Большая честь для финнов сражаться под командо-

²⁶⁰ *Talvela P. Sotilaan elämä. S. 25.*

²⁶¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 342. Л. 24; *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма. С. 46.

²⁶² РГААА. Wk 11 с. Bl. 85-89. AGL an AA vom 2.02.1917.

²⁶³ *Ronsdorf C. Maximilian Bayer. S. 99.*

ванием Гинденбурга и Людендорфа, но что подумают по этому поводу в Финляндии?»²⁶⁴

Однако недавний лидер «нового активизма» уже не имел былого влияния. В руководстве движением произошли существенные изменения. Эмигрировавшие из княжества осенью-зимой 1915/16 гг. авторитетные финляндские политики профессор права Р. Эрих и барон А. Бонсдорф постепенно оттеснили прежних лидеров «нового активизма». В феврале 1916 г. главой Стокгольмского центра, позднее переименованного в «Центральный комитет за освобождение Финляндии» был избран А. фон Бонсдорф. Прибывшие финляндские политические деятели считали Веттерхофа «мошенником и авантюристом», поэтому сделали все возможное, чтобы доказать немецким правящим кругам необходимость его отстранения от руководства Берлинским «активистским» центром. Стокгольмский комитет «активистов» одобрил идею отправки егерского батальона на фронт.²⁶⁵

18–19 мая 1916 г. М. Байер вместе с пятью финляндскими егерями были приняты в немецком Генеральном штабе и в МИД. Позднее они были приглашены в штаб-квартиру командования «Обер-Ост» в Ковно. На вопрос генерала Э. Людендорфа о том, на каком участке фронта егеря хотели бы сражаться, прозвучал лаконичный ответ Ф. Якобсона: «Там, откуда идет самый короткий путь на Петербург».²⁶⁶ Майор Байер имел возможность в течение получаса обменяться мнениями с П. фон Гинденбургом. Беседа с прославленным немецким военачальником прошла, по воспоминаниям Байера, в душевной обстановке. На прощание Гинденбург распорядился снабдить егерей бутербродами. По решению немецкого командования 27-й Королевский Прусский егерский батальон был отправлен на Рижский фронт в распоряжение группы армий «Митава». 30 мая в Митаве кайзер Вильгельм лично принял парад 27-го Королевского Прусского егерского батальона.²⁶⁷

²⁶⁴Цит. по: *Ibid.* S. 138.

²⁶⁵*Coler U. Jaakripataljoona.* S. 142.

²⁶⁶Цит. по: *Bonsdorf C. Maximilian Bayer.* S. 93.

²⁶⁷*Ibid.*

Егерский батальон не принимал участие в каких-либо значительных военных операциях, но неплохо проявил себя в локальных боях по охране Рижского взморья. В ходе боевых действий 13 человек были убиты и 24 получили ранения.²⁶⁸

Военный вклад батальона являлся довольно скромным, но его внутреннюю жизнь сопровождали бурные потрясения. В своих воспоминаниях немецкий офицер Ульрих фон Колер нарисовал идиллическую картину взаимоотношений между немецкими офицерами и финскими солдатами в батальоне, но она оказалась далекой от реальности. Еще до отправки на фронт в батальонном дневнике были зафиксированы случаи неповиновения, за которые их участники отправлялись на заводы Круппа или возвращались в лагеря для военнопленных.²⁶⁹

Уже в первые дни пребывания на фронте на сторону российской армии перешло три человека.²⁷⁰ В сентябре 1916 г. случаи неповиновения участились. В период с сентября 1916 по март 1917 г. из батальона было отчислено 175 человек,²⁷¹ что составляло примерно 9 % от общей численности.

Главной причиной такой ситуации являлся внутренний конфликт между стремлением егерей бороться за независимость своей страны и одновременно быть обязанным служить другой державе. Молодые финляндцы не обнаруживали прямой связи между участием в операциях германской армии на фронте и борьбой за независимость Финляндии. Немецким офицерам было трудно понять сомнения финляндских егерей. Они с раздражением относились ко всякого рода разговорам на политические темы, касающиеся будущего статуса Финляндии и были уверены в том, что егеря, будучи военнослужащими немецкой армии, должны, прежде всего, выполнять свой воинский долг перед державой, которая хоть и не являлась их Родиной, но протянула в трудный для

²⁶⁸ Ibid. S. 165; *Lauerma M. Jääkäriliike*. S. 229.

²⁶⁹ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 88. Л. 32.

²⁷⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1465. Л. 127. Показания перебежчиков из 27-го егерского батальона, июнь 1916.

²⁷¹ *Lauerma M. Suomalainen vapaustaistelija*. S. 112.

Финляндии момент руку помощи.²⁷² Отношения между командиром батальона — немцем М. Байером и его подчиненными — финляндцами стремительно ухудшались. Рядовые егеря обвиняли Байера в фанатизме, пренебрежении людьми, в полном непонимании нужд и чаяний финляндцев. Для многих из них он оставался чуждой аристократичной личностью.²⁷³

Следствием «осенней тревоги» стало решение об отводе егерского батальона с фронта и размещение его в Либаве (Лиепая). 8 декабря 1916 г. в Берлине состоялось совещание представителей Генштаба, военного министерства и МИД, предметом обсуждения которого явился вопрос о судьбе батальона. Требования финляндских егерей изложил майор Байер, который подчеркнул, что батальон должен стать ядром будущей национальной армии Финляндии, поэтому его необходимо использовать по назначению, ориентируя на освобождение княжества. Подобной точки зрения придерживался также сотрудник МИД Г. Везендонк. В ходе дебатов собравшиеся пришли к заключению о необходимости сохранить батальон и продолжить дальнейшее обучение егерей. Отправка его на фронт была возможна лишь в исключительных случаях, если это отвечало интересам Финляндии. Финляндские егеря также приравнивались к военнослужащим германской армии в отношении выплаты пособий по инвалидности.²⁷⁴ Казалось, руководство Германии вновь демонстрировало свою заинтересованность в «финляндском эксперименте», но его последующие шаги не совсем укладывались в это предположение.

4 января 1917 г. майор Байер был отстранен от обязанностей командира батальона. Его преемник немецкий капитан Кнатс выступал за проведение массовых чисток от «ненадежных элементов» и требовал реорганизации батальона на «основе более прочного военного фундамента с исключением всякой политизации».²⁷⁵ По существу речь шла о том,

²⁷² См., напр.: *Coler U. Jääkäripataljoona*. S. 164.

²⁷³ См. подр.: *Ronsdorf C. Maximilian Bayer*. S. 174, 179, 256.

²⁷⁴ *Coler U. Jääkäripataljoona*. S. 164.

²⁷⁵ PAAA. Wk 11 c. Bd 18. Bl. 133–142. Berichte von Knats vom 28.01.1917, 9.02.1917.

чтобы приравнять финляндский егерский батальон к обыкновенному воинскому формированию, связанному узами дисциплины и обязанному подчиняться приказам германского командования, без всякого «права на политику».

С конца 1916 г. начался процесс дробления батальона. По воспоминаниям П.Талвела, часть батальона перевели в Мюнстерский лагерь для обучения подрывному делу. Некоторые егеря продолжили обучение в Киле, где знакомились со способами диверсий на кораблях.²⁷⁶ Таким образом, над 27-м Королевским Прусским егерским батальоном — гордостью германо-финского секретного сотрудничества — нависла угроза распыления на отдельные отряды диверсантов, предназначенные для партизанских акций в тылу противника.

Кризис «финского легиона» совпал с кризисом «активистского» движения в целом. Сделавшее ставку на содействие Германии, оно оказалось слишком зависимым от колебаний германской политики в отношении России. Военные и политические события лета-осени 1916 г.: Брусиловский прорыв, сражение под Верденом, присоединение Румынии к Антанте привели к небывалой ранее жажде сепаратного мира с Россией. В одном из своих интервью статс-секретарь по иностранным делам Г. Ягов открыто высказался в пользу желательности подписания мира с Россией.²⁷⁷ Многие немецкие политики разделяли по отношению к «финляндскому вопросу» мнение немецкого посланника в Стокгольме Г. Люциуса, согласно которому поддержка финляндских сепаратистов «не стоила того, чтобы потерпело крушение соглашение с Россией».²⁷⁸

В этих условиях даже такой германофил как Ф. Веттерхоф начал понимать, что шансы с немецкой помощью достичь независимости Финляндии являются минимальными. Он решил предпринять зондаж в направлении Антанты, чтобы выяснить возможности поддержки ею финляндского национального движения. Но его намерения вскоре стали известны германским спецслужбам. Ф. Веттерхоф был арес-

²⁷⁶ *Talvela P. Sotilaan elämä. S. 25.*

²⁷⁷ *Ronsdorf C. Maximilian Bayer. S. 141.*

²⁷⁸ *РААА. Wk 11 c. Bd 18. Bl. 176. Lucius an AA. vom 16.02.1917.*

тован и, будучи гражданином Германии, призван в армию и отправлен рядовым на фронт.²⁷⁹ Финляндскую канцелярию переименовали в Финляндское бюро, главой которого избрали Самули Сарю, значительно уступавшего в организаторском таланте своему предшественнику. Берлинский центр финляндского сепаратизма потерял былое значение.

О кризисе «активистского» движения также свидетельствуют данные результатов вербовки в егерский батальон, согласно которым в октябре 1916 г. в Локштедт прибыло всего шесть добровольцев, в ноябре — восемь, в декабре — только четыре.²⁸⁰ Для сравнения, в соответствующие месяцы 1915 г. в Локштедтский лагерь прибыло в октябре — 168 добровольцев, в ноябре — 252, в декабре — 260.²⁸¹ Конечно, определенную роль в снижении притока новых кадров сыграли действия российских властей в борьбе с егерским движением, но столь резкое падение количества добровольцев одновременно являлось и симптомом неполадок внутри самого движения.

Слухи о сепаратном мире с Россией вызывали тревогу в среде «новых активистов». Проблематичным становилось их возвращение на родину. 23 октября 1916 г. «Центральный комитет за освобождение Финляндии» обратился к А. Циммерману с запросом о возможности заключения сепаратного мира с Россией. В случае подобного развития событий «новые активисты» обратились с просьбой взять под защиту «финляндский вопрос».²⁸²

На следующий день, 24 октября 1916 г., Циммерман в присутствии трех членов «Центрального комитета», майора Байера и двух финляндских офицеров отметил, что слухи о сепаратном мире небеспопеченны, но какие-либо переговоры между Германией и Россией пока не планируются. Помощник статс-секретаря по иностранным делам также заверил собравшихся, что сам является сторонником «мира победы».

²⁷⁹ *Ronsdorf C.* Maximilian Bayer. S. 143–144.

²⁸⁰ PAAA. Wk 11 c. Bd 18. Bl. 83–84. Schwerin an AA vom 31.01.1916.

²⁸¹ *Gummerus H.* Jääkärit ja aktivistit. S. 310.

²⁸² PAAA. Wk 11 c. Bd 16. Bl. 209–221. Das Zentralkomitee für die Befreiung Finnlands an A. Zimmermann vom 23.10.1916.

телей», т. е. заключения такого мира с Россией, который стал бы результатом ее окончательного военного разгрома, для чего необходимо продолжать наступление на Восточном фронте. Далее Циммерман сделал заявление по «финляндскому вопросу», в котором имелись следующие слова: «Финское желание автономии как и прежде пребывает в немецких сердцах... Во всяком случае, Германия могла бы заступиться за Финляндию при заключении мира».²⁸³ При этом он не давал каких-либо прочных гарантий немецкому обещанию, т. к. поставил его в зависимость от военного положения Германии.

«Новым активистам» оставалось только догадываться, почему Циммерман употребил понятие «автономия», хотя в своих меморандумах они говорили о выходе Финляндии из состава Российской империи. Однако это не помешало им представить речь помощника статс-секретаря по иностранным делам в качестве первого официального заявления Берлина по «финляндскому вопросу»,²⁸⁴ что не совсем соответствовало реальности. Скорее всего, речь Циммермана являлась его личным мнением — заявление было высказано в устной форме и нигде не было опубликовано. О его существовании свидетельствуют лишь документы немецкого МИД и воспоминания «активистов». Вместе с тем выступление Циммермана является показателем того, как в конце 1916 г. наиболее последовательные сторонники немецкой поддержки финляндского сепаратизма оценивали шансы Финляндии на независимость.

Использование финляндского сепаратизма в качестве средства для реализации задач великодержавной политики Германии, ограниченность прямых военных интересов в княжестве, его периферийность по отношению к германским внешнеполитическим программам приводили к тому, что в Берлине не особенно задумывались над вопросом о будущем статусе Финляндии. В переписке между Г. Яговым и немецким представительством в Стокгольме фигурировало обеща-

²⁸³ Ibid. Bl. 208. A. Zimmermann vom 24.10.1916; Bd 22. Bl. 22. Gummerus H. «Die Unabhängigkeitsbewegung Finnlands» vom 18.08.1917.

²⁸⁴ Gummerus H. Jaakarit ja aktivistit. S. 310.

ние поддержки требования прочной автономии в рамках Российской империи. В ходе упомянутого ранее дипломатического зондажа в Швеции миссионеры с Вильгельмштрассе в качестве платы за шведское участие в войне предлагали различные варианты: присоединение Финляндии к Швеции, автономию княжества, образование независимого буферного государства.²⁸⁵

Текст немецких листовок, распространяемых в княжестве, содержал обещание по окончании войны отделить Финляндию от России и создать из Швеции, Финляндии и Прибалтийских провинций Северный союз государств, который находился бы под покровительством Германии. При этом каждая из частей упомянутого новообразования получила бы полную автономию.²⁸⁶

Выражение «независимое государство Финляндия» встречалось лишь в период вербовки финляндцев в егерский батальон. Условия, при которых раздавались вышеуказанные обещания, свидетельствуют об их пропагандистской направленности и тактическом характере. Скорее всего, в Берлине отсутствовала конкретная программа в отношении будущей судьбы Финляндии. Германское руководство желало отделения княжества от России, но предпочитало, чтобы такой процесс состоялся при минимальном прямом участии Берлина. К концу 1916 г. большинство немецких политиков, включая А. Циммермана, были склонны отрицать возможность государственной независимости Финляндии.

«Новые активисты» вскоре убедились в том, что полное отделение Финляндии от России неосуществимо. В данной связи профессор права Р. Эрих разработал достаточно взвешенный план расширения автономии княжества, который следовало предложить на рассмотрение послевоенного конгресса великих держав. В этих условиях важнейшей задачей «активистов» являлось достижение того, чтобы германское правительство издало манифест о поддержке финляндской автономии, в котором также было бы сказано о

²⁸⁵ См. подр.: *Carlgren W. Neutralität oder Allianz.* 122, 131–138, 180.

²⁸⁶ РГА ВМФ. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 45. Л. 20, 21. Доклад разведотделения Балтийского флота о вербовке финнов в германскую армию, без даты.

том, что Германия берет под свою защиту «финляндский вопрос». ²⁸⁷

Именно с таким предложением 12 января 1917 г. «Центральный комитет за освобождение Финляндии» обратился к новому главе немецкого МИД А. Циммерману. ²⁸⁸ Это обращение было связано со слухами о том, что Россия будто бы под давлением союзников решила встать на путь «примиренческой политики» с Финляндией и в полном объеме восстановить автономию княжества.

«Новые активисты» встретили такое известие с явной озабоченностью, т.к. в случае подобного развития событий «общественное мнение края, по их мнению, могло развернуться в сторону Антанты», ²⁸⁹ а у сепаратистов из-под ног уплывал наиболее веский аргумент в пользу отделения от империи — русификаторская политика самодержавия.

Ответ Берлина по поводу запроса «новых активистов» не прозвучал. Германия не желала связывать себе руки конкретными обязательствами. К тому же сепаратный мир с Россией стоил дороже финляндской автономии или независимости.

В этих условиях перед Берлином встала проблема будущей судьбы финляндских добровольцев. 12 января 1917 г. начальник Локшедтских курсов майор Шверин обратился в германский МИД с предложением о расселении финляндских егерей на территории Восточной Пруссии или Померании и создании нормальных условий для их перехода к гражданской жизни. По его мнению, «перспективы освободить Финляндию от русского гнета были очень невелики». ²⁹⁰

МИД Германии, позднее Министерство внутренних дел одобрили идею майора Шверина. В январе 1917 г. завязалась активная переписка между ним и администрацией Восточной Пруссии. ²⁹¹ Майор Шверин с большой симпатией отзывался

²⁸⁷ *Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit. S. 358.*

²⁸⁸ *РААА. Wk 11 c. Bd 18. Bl. 64-67. Das Zentralkomitee für die Befreiung Finnlands an A. Zimmermann vom 12.01.1917.*

²⁸⁹ *Ibid.*

²⁹⁰ *Ibid. Bl. 28-31. Schwerin an AA vom 12.01.1917.*

²⁹¹ *Hubatsch W. Suunnitelma suomalaisten sijoittamiseksi asumään Itä-Preussin vuonna 1917 // Historiallinen Aikakauskirja. 1954. № 2. S. 76-80.*

о своих подопечных. Он считал, что Германия обязана позаботиться об их будущем. В то же время, характеризуя финляндцев, он заметил: «Политическое мировоззрение у них патриотическое по отношению к Финляндии и антирусское. Я не думаю, что наши финские люди имеют большие симпатии к Германии, немецкие успехи кажутся им средством для освобождения родины от российского господства».²⁹²

Руководство Германии действительно ощущало свою ответственность за последствия «политики революционизирования» Финляндии. Окончательное решение по вопросу о расселении финляндских егерей было снято с повестки дня благодаря Февральской революции в России, осветившей новые перспективы для 27-го егерского батальона.

Егерское движение являлось результатом германо-финляндского секретного сотрудничества, ставшего возможным благодаря известному совпадению интересов правительственных кругов Германии и представляемой «новыми активистами» радикально настроенной части финляндского общества. При этом полная идентичность интересов была объективно невозможной, поскольку финляндская политика Германии определялась более широкими интересами великой державы, в фокусе которых стояли Россия и Швеция. Финляндские же сепаратисты видели перед своими глазами, прежде всего, интересы малой страны. Таким образом, противоречия между двумя неравными партнерами являлись изначально запрограммированными.

Между тем егерское движение стало своеобразной мини-моделью германо-финляндских отношений с начала мировой войны до Февральской революции в России. Оно наглядно демонстрировало покрытую для современников ореолом секретности связь между противником Российской империи и ее «национальной окраиной», высветило элемент «игры» кайзеровской Германии на национальных проблемах Российской империи.

Значение егерского движения оказалось многогранным и проецировалось на четыре страны: Германию, Финляндию, Швецию и Россию.

²⁹²Цит. по: Hubatsch W. Unruhe des Nordens. S. 108.

Для Германии, как указывал финский историк М. Лаурема, «егерский батальон являлся убеждающим примером финляндского движения за независимость и одновременно заложником, гарантирующим искренность его замыслов. Он показывал, что к Финляндии следует относиться как к союзнику, которого стоит в своих расчетах принимать во внимание». ²⁹³ В годы Второй мировой войны немецкие нацисты искали себе опору в Финляндии именно в выходцах из 27-го егерского батальона. Гитлер не раз апеллировал к традициям егерского движения. ²⁹⁴

Значение егерского движения для Финляндии состояло в том, что в ходе него сформировалось ядро ее будущей национальной армии. В межвоенный период почти 90% финляндского генералитета составляли бывшие егеря. Из их среды вышло около 50 генералов и 89 полковников. ²⁹⁵ Особую известность снискали в годы Второй мировой войны ближайшие сподвижники маршала К.Г. Маннергейма генералы Н.Э. Эстерман, Э.В. Туомпро, П. Талвела, А. Сихво. Кроме того, егерское движение явилось важным фактором в уточнении представлений финляндского общества относительно будущего статуса княжества. Участники движения занимались усиленной агитацией в пользу идеи независимости.

Вместе с тем, егерское движение могло привести к негативным последствиям для Швеции, т. к. его приверженцы имели на шведской территории опорные пункты и пропагандировали вместе со шведскими «активистами» мысль о необходимости войны с Россией. Такие действия едва не стоили Швеции своего нейтралитета.

Являясь одним из проявлений «нового активизма», егерское движение оказало также определенное влияние и на российскую политику в Финляндии.

²⁹³ *Lauerma M. Jääkäriliike. S. 233.*

²⁹⁴ См. об этом подр.: *Menger M. 1) «Herbstmanöver» oder Krieg? // Norddeuropa — Studien. Greifswald, 1979. Beiheft 8. S. 87; 2) Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen Widerstandsfrent im Jahre 1944 // Bulletin der Arbeitskreises «Zweiter Weltkrieg», 1983. № 3-4. S. 2-21.*

²⁹⁵ *Suomen jääkärien elämäkerrasto. S. 760.*

1.5. Германо-финляндское сотрудничество: взгляд из Петрограда

Географическое и военно-стратегическое положение Великого княжества Финляндского как прикрытия российской столицы и главной базы Балтийского флота обусловило особое отношение российского руководства к указанному региону. Финляндия в 1905 г. вошла в состав Петроградского военного округа. Подступы к российской столице и ее окрестности защищала 6-я армия, 22-й армейский корпус которой размещался непосредственно в Финляндии.

Поскольку с началом мировой войны главный удар Германии был направлен против западных рубежей России, за Финляндией утвердилась роль второстепенной в военном отношении области империи. Войска сюда прибывали в основном для отдыха и пополнения перед отправкой на фронт²⁹⁶. 22-й армейский корпус был переброшен на юго-западный театр военных действий. Взамен его в мае-июне 1915 г. был сформирован 42-й армейский корпус, подразделения которого размещались по побережью Финского и Ботнического заливов. Численность русских войск в Финляндии в период 1914–1916 гг. колебалась в пределах 35–40 тыс. человек.²⁹⁷

Несмотря на то, что княжество в военном отношении являлось периферийным районом Российской империи, угроза безопасности для Петрограда сохранялась. Теоретически на северном направлении империю подстерегали три опасности: германский десант в Финляндию, вступление Швеции в войну на стороне Центральных держав и ее вторжение в княжество, наконец, национальные восстание в Финляндии. Худшим для России являлось соединение трех этих угроз.²⁹⁸ В наметившемся с начала войны сотрудничестве между фин-

²⁹⁶ *Rasila V., Jutikkala E. Suomen historia. S. 55; Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма. С. 20.

²⁹⁷ РГВИА. Ф. 2262. Оп. 1. Д. 26. Материалы об оперативных задачах 42-го армейского корпуса в Финляндии, 1–28.01.1916; *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма. С. 20.

²⁹⁸ *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма. С. 19; *Polvinen T. Venäjän sotilaalliset tavoitteet Suomessa // Historian Aitta. XIV. S. 50.*

ляндскими сепаратистами и германскими органами вариант худшего прогноза имел шансы на осуществление. Отсюда не случайно то пристальное внимание российской администрации в Финляндии и имперского правительства, которое они уделяли в отношении фактов взаимодействия между Берлином и финляндскими «активистами».

Первые, еще весьма неопределенные сведения о функционировании в Германии курсов для военной подготовки финляндских добровольцев поступили к генерал-губернатору Финляндии Зейну в апреле 1915 г.²⁹⁹ Позднее они конкретизировались в донесениях военного агента в Швеции Д. Кандаурова, который еще 30 мая 1915 г. сообщил о подготовке в Германии молодых финляндцев «с целью поднятия в Финляндии мятежа». Источником подобной информации являлся бывший шведский премьер-министр К. Стааф.³⁰⁰

29 октября 1915 г. вице-консул Российской империи в Роттердаме барон Ферзен предоставил в МИД России подробный отчет о беседе с бежавшим из Локштедта эстонец А. Леппиком.³⁰¹ Ошибочно принятый германскими органами за финна эстонец Леппик предоставил довольно достоверную информацию об организации Локштедтских курсов и их численном составе. Он также сообщил, что немецкие офицеры не раз пытались убедить финляндцев в том, будто бы в Германии готовится армия в 30–40 тыс. человек, которая весной 1916 г. будет отправлена в Финляндию. При этом шведский король Густав V якобы дал согласие на пропуск этой армии через территорию его страны и обещал оказать содействие немецкому наступлению.³⁰²

Резкое увеличение количества выезжающих из княжества молодых людей, под предлогом обучения в высших школах Швеции или для дальнейшего следования в Северную Америку, чтобы устроиться там на временные заработки, не

²⁹⁹РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 67. Л. 83об. Записка МВД России В.А. Канину от 16.05.1916.

³⁰⁰РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1189. Л. 84. Донесение Д. Кандаурова от 30.05.1915.

³⁰¹Там же. Д. 1465. Л. 4–6. Докладная записка барона Ферзена в МИД от 29.10.1915.

³⁰²Там же.

могло ускользнуть от внимания военной и гражданской администрации Финляндии. В одной только Вазаской губернии за три месяца: ноябрь, декабрь и январь 1915—1916 г. было выдано 1896 загранпаспортов, тогда как за соответствующий период в 1913 г. — 784, в 1914 г. — 165.³⁰³

Пограничная служба города Торнео в декабре 1915 г. обратила внимание на группу молодежи в количестве трехсот человек и проследила ее путь в Швеции. Оказалось, что большая часть группы вместо Северной Америки избрала иной маршрут и отправилась на юг Швеции, где получила необходимые инструкции и денежные средства для последующей поездки в Германию.³⁰⁴

8 декабря 1915 г. в районе Торнео финские жандармы задержали по подозрению в шпионаже студента Гельсингфорсского университета Эдуарда Бруна. Как выяснилось в ходе предварительного следствия, он не только принимал активное участие в вербовке своих соотечественников в егерский батальон, но и неплохо знал систему функционирования «активистского» движения на территории Финляндии.³⁰⁵

20 января 1916 г. министр юстиции А.А. Хвостов обратился к Николаю II с просьбой «пойти в обход закона» и создать специальную комиссию для расследования «дела Бруна». «Обход закона» заключался в том, что подобные инциденты, возникавшие в пределах Великого княжества Финляндского, являлись прерогативой местной жандармерии, а не российских служб. В качестве главного аргумента в пользу исключения из правил Хвостов выдвинул требование обеспечения интересов обороны и безопасности Российской империи.³⁰⁶ Полученные от Э. Бруна сведения послужили точкой отсчета для расследования деятельности финляндских «активистов». Возглавлял его судебный следова-

³⁰³ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 220. Л. 63. Доклад Ф. Трепова Б.В. Штюрмеру от 3.03.1916.

³⁰⁴ Там же.

³⁰⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 1—2. Доклад А.А. Хвостова Николаю II от 20. 01. 1916.

³⁰⁶ Там же.

тель по особо важным делам Н.А. Машкевич, прибывший в Финляндию 8 февраля 1916 г.

В течение зимы-весны 1916 г. в Финляндии были обнаружены маршруты нелегального перехода финско-шведской границы и произведены первые аресты участников егерского движения. 1 апреля 1916 г. А.А. Хвостов предоставил Николаю II развернутый доклад, в котором приводились вполне достоверные данные не только о развитии указанного движения на территории княжества, но и содержались отдельные факты о деятельности «новых активистов» в Берлине и Стокгольме.³⁰⁷

К середине мая 1916 г. Министерство внутренних дел России располагало подробной информацией о формировании финляндского егерского батальона, о его примерной численности, организации военного обучения, вплоть до вооружения, обмундирования, порядка продвижения по службе и распорядка внутренней жизни. К этому времени под следствием находилось уже 62 человека.³⁰⁸

«Активистскому» движению был нанесен существенный удар и Финляндский центр движения практически перестал действовать. Его лидеры оказались либо в эмиграции, либо были арестованы. Вышеизложенные факты позволяют поставить под сомнение суждение некоторых историков, согласно которому имперское руководство узнало о создании 27-го егерского батальона только в конце июня 1916г., когда на российскую сторону перешли 3 егеря-финляндца.³⁰⁹ Бесспорно, сведения непосредственных очевидцев, прошедших основные этапы образования военного подразделения финляндских сепаратистов, существенно детализировали картину егерского движения, которая сложилась в восприятии имперских властей. Но они не являлись неожиданностью. Вопрос заключался в том, как Петроград предпочитал реагировать на поступающую информацию об активном сепаратизме части финляндского населения.

³⁰⁷РГИА. Оп. 530. Д. 1160. Л.1-5. Доклад А. Хвостова Николаю II от 1.04.1916.

³⁰⁸РГА ВМФ. Ф. 479. Оп. 4. Д. 67. Л. 30-34.

³⁰⁹РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 35. Л. 5. Шлеве П.А. Б.В. Штюрмеру от 7.01.1916.

Совет Министров получал противоречивые данные о внутриполитической ситуации в Великом княжестве Финляндском. С одной стороны, временный главнокомандующий Северным фронтом П.А. Плева и начальник штаба Северного фронта М.Д. Бонч-Бруевич считали, что в крае «под маской спокойствия и внешней лояльности шла интенсивная подготовка вооруженного восстания с целью отделения от империи». ³¹⁰ Причем роль инициатора, по их мнению, брала на себя Германия. Командование Северного фронта предполагало возможность немецкого морского десанта в княжество весной 1916 г. Точку зрения Плева и Бонч-Бруевича в основном разделял также министр юстиции Хвостов. ³¹¹

Поверив в практическую возможность повстанческих действий в княжестве, командование Северного фронта выступило за принятие решительных мер против финляндского сепаратизма. Наряду с увеличением состава жандармерии, усилением охраны границы, увеличением русских войск в Финляндии, военные власти предлагали, а позднее и запретили выезд за границу молодежи в возрасте от 19 до 35 лет. Они также требовали прекращения ввоза в княжество продовольствия, чтобы оно, в случае восстания финляндцев, «не досталось сепаратистам». ³¹²

В отличие от военных кругов, гражданская администрация Финляндии придерживалась более оптимистичного прогноза и занимала взвешенную позицию по отношению к финляндскому сепаратизму. С точки зрения Ф. Зейна, «признаков интенсивной подготовки в княжестве восстания не имелось, наблюдались лишь попытки Германии посеять смуту». В записке Председателю Совета Министров Б.В. Штюрмеру финляндский генерал-губернатор, в частности, сообщал: «Огромное большинство финляндцев не выступит против империи, азарт не в их характере, пуститься на авантюру

³¹⁰ Там же.

³¹¹ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 220. Л. 18. Донесение командования Северного фронта М.В. Алексею от 4.02.1916; Л. 8. Записка командования Северного фронта Б.В. Штюрмеру от 8.02.1916.

³¹² РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 35. Л. 6. Плева П.А. Б.В. Штюрмеру от 7.01.1916.

могут лишь ярые сепаратисты и слишком неуравновешенные люди. Вся же масса населения... вряд ли пожелает очутиться между молотом и наковальной».³¹³

Подобный взгляд на положение в Финляндии разделял также начальник финляндского жандармского управления А.М. Еремин. Его прогноз был не менее обнадеживающим. По мнению Еремина, выводы командования Северного фронта строились на циркулирующих в княжестве слухах, что не давало повода обвинять в сепаратизме все население края.³¹⁴

Не отрицая присутствия сепаратистских и германофильских настроений среди жителей княжества, Еремин все же пытался спокойно разобраться в причинах отчужденности финляндцев от империи. Он особо отмечал то негативное впечатление, которое произвели на буржуазные партии отсрочка созыва сейма в декабре 1915 г., высылка во внутренние районы империи оппозиционно настроенных по отношению к российским властям политических деятелей княжества, нежелание имперского правительства пересмотреть закон от 17 июня 1910 г., ущемлявший финляндскую автономию. Финляндцев задевало равнодушие, проявляемое Петроградом по отношению к их национальным чаяниям. «Обещания восстановления после войны «нормального положения», — писал по этому поводу Еремин, — не могут изменить чувство горечи в умах финляндцев, т. к. эти обещания слишком туманны и поэтому теряют свою ценность».³¹⁵

Ф.А. Зейн и А.М. Еремин выступили с резкой критикой некоторых предложений командования Северного фронта, которые, по их мнению, еще более усилили бы сепаратистские настроения в крае. Линию «Зейна-Еремина» разделяли также морской министр И.К. Григорович, военный министр А. Поливанов, командующий Балтийским флотом адмирал

³¹³ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 220. Л. 42. Доклад Ф. Зейна Б. Штюрмеру от 24.01.1916; О позиции Ф. Зейна по отношению к финляндскому сепаратизму см. подр.: *Luntinen P.* 1) F.A. Seyn. Hels., 1985. P. 250-255; 2) *Venälaisten sotasuunnitelmat.* S. 139.

³¹⁴ РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 117. Л. 1-4. Донесение А.М. Еремина в МВД от 22.02.1916.

³¹⁵ Там же. Л. 4. Донесение А.М. Еремина в МВД от 22.02.1916.

В.И. Канин.³¹⁶ Они ставили под сомнение не только тезис о том, что Финляндия «близка к состоянию возмущения», но и с явным скептицизмом относились к возможности немецкого морского десанта, поскольку восточная часть Балтийского моря и Ботнический залив находились под контролем российского флота. А.А. Поливанов был убежден, что слухи о морском десанте и восстании в Финляндии носили провокационный характер и предназначались Германией для отвлечения российских войск на Северный фронт.³¹⁷

Разногласия между командованием Северного фронта и сторонниками линии «Зейна-Еремина» привели к тому, что Председатель Совета Министров Штюрмер направил в княжество в конце февраля 1916 г. генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова. Целью его миссии являлось прояснение политического положения в Финляндии.

3 марта 1916 г. Трепов представил в Совет Министров соответствующий доклад. Вопреки информации П.А. Плева и М.Д. Бонч-Бруевича автор полагал, что главной целью лидеров различных политических партий Финляндии являлось не отделение от империи, а широкая автономия княжества в рамках Российской империи. Что касается «активистского» движения, то его идеология, согласно замечанию автора, «еще не проникла в толщу народных масс».³¹⁸

Особую часть миссии Трепова составлял вопрос о роли Германии в подстрекательстве финляндцев к активным повстанческим действиям. На основе имеющихся в его распоряжении материалов автор сделал вывод об интенсивном характере деятельности немецких эмиссаров в крае. Вместе с тем он пришел к заключению, что для сепаратизма жителей княжества имеются определенные основания в контексте финляндского курса имперского правительства. Например, Трепов полагал, что вступление финляндской моло-

³¹⁶ Там же. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 35. Л. 8. Записка И.К. Григоровича от 13.01.1916; РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 2. Д. 10. Л. 17-37. Заметки В. Капина по поводу стратегического плана обороны Свеаборгской крепости, февраль 1916 г.

³¹⁷ Там же. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 117. Л. 17. А.А. Поливанов И.Л. Горемыкину от 15.01.1916.

³¹⁸ АВПРИ. Ф. 134. Оп. 473. Д. 220. Л. 61об. Доклад Ф. Трепова от 3.03.1916.

дежи в егерский батальон «облегчалось полной отчужденностью ее от государственной жизни империи и подогревалось слухами о намерении российского правительства привлечь финляндцев к отбыванию воинской повинности». ³¹⁹

В целом, позиция Ф. Трепова была довольно взвешенной и свободной от «линчующего неистовства» в адрес перешедших на немецкую сторону финляндских «изменников». Его доклад способствовал укреплению позиции противников жестких мер в отношении Великого княжества Финляндского. Разумеется, ни Зейн, ни Еремин, ни Трепов не склонялись к протекции финляндских сепаратистов. Их не устраивали автономные привилегии Финляндии. При том количестве российских войск, расквартированных на финской территории, было бы «детской игрой уничтожить конституцию и автономию княжества». ³²⁰ Однако, сохранение в крае спокойствия в военное время являлось более важным, чем проведение в жизнь прежних довоенных взглядов.

Введение чрезвычайных санкций, предлагаемых командованием Северного фронта, могло привести к усилению среди населения края «активистской» идеологии, создать повод для беспорядков и вмешательства Швеции в российско-финляндский конфликт. Последствия такого поворота событий, по выражению финского историка П. Лунтинена, «являлись куда более серьезными, чем переход нескольких потенциальных сторонников Германии через границу». ³²¹

Информация о егерском движении в большей степени воздействовала на российские военные круги, придавая их деятельности в Финляндии заметную нервность. В местах предполагаемого десанта противника производилась вырубка лесов, строились новые оборонительные укрепления, причем, работы велись без должной системы, что вызывало понятное недовольство среди местного населения. ³²²

В имперском правительстве постепенно утвердилась мысль о том, что егерское движение не обязательно сопря-

³¹⁹ Там же. Л. 62.

³²⁰ *Tiander K.* Das Erwachen Osteuropas. S. 68.

³²¹ *Luntinen P. F.A.* Seyn. P. 253.

³²² РГА ВМФ. Ф. 533. Оп. 2. Д. 10. Л. 85–85об. Протокол комиссии по пересмотру возведения оборонных сооружений от 25.06.1917.

жено с реальной опасностью восстания в Финляндии.³²³ В феврале 1916 г. генерала Плевэ освободили от командования Северным фронтом и заменили А.Н. Куропаткиным. Сам факт назначения на этот пост старейшего в годы Первой мировой войны генерала русской армии, с именем которого связывали крупные поражения в русско-японской войне, наглядно демонстрировал отношение Петрограда к егерскому движению. Куропаткин считал, что многие офицеры контрразведки больны «шпиономанией», поэтому серьезной борьбы с финляндским «активизмом» при нем не велось вплоть до июня 1916 г.³²⁴ Следствие о причастности к егерскому движению осуществлялось согласно строгим нормам российской законности.

Российское правительство стремилось ослабить недоверие финляндцев к центральной власти. Поэтому, несмотря на условия военного времени, оно разрешило проведение выборов в финляндский сейм, которые состоялись в июле 1916 г. Этот шаг был призван направить недовольство определенной части населения края в цивилизованные рамки политической борьбы. Несмотря на высокий абсентеизм избирателей (согласно Ф. Зейну, в выборах приняли участие 53% от общего числа избирателей), результаты выборов стали довольно значительными. Впервые в истории социал-демократы получили большинство мест в парламенте — 103 из 200, буржуазные партии потеряли в среднем по 4–6 мест. Комментируя итоги выборов, финляндский генерал-губернатор Зейн пришел к выводу, что, вопреки иллюзиям российской прессы, новый сейм будет еще более оппозиционным по отношению к центральной власти.³²⁵

Информация о егерском движении оказала также определенное влияние на решение вопроса о привлечении финляндцев к воинской повинности. Этот сюжет бурно обсуждался в правительстве и прессе весной-летом 1916 г. Резуль-

³²³ *Соломещ И.М.* Финляндская политика царизма. С. 46.

³²⁴ *Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. Военные мемуары. М., 1964. С. 88, 101.

³²⁵ ГАРФ. Ф. 499. Оп. 1. Д. 18. Л. 5–12. Записка Ф. Зейна Б.В. Штюрмеру от 25.07.1916.

таты добровольного набора в русскую армию не могли не вызывать беспокойства: в 1914 г. в российские вооруженные силы влились 400 финляндцев, в 1915 — 40, в 1916 — 4. Всего в российской армии служили 544 финляндца³²⁶ (по сравнению с численностью финляндцев, служивших в германской армии это лишь 26%). По подсчетам военного министерства Финляндия могла предоставить в русскую армию 200 тыс. новобранцев, которых можно было быстро обучить военному делу.³²⁷

Консервативная российская печать в лице «Нового времени», «Утра России» и «Вечернего времени» преуспела в спекуляциях на тему недостаточного взноса Финляндии, который она уплачивала взамен отбывания жителями княжества воинской повинности.³²⁸

Московское националистическое общество «За Россию» не раз обращалось в Совет Министров с просьбой принять меры против финского «нейтралитета» и привлечь население княжества к отбыванию воинской повинности, а также к принудительным работам для нужд империи.³²⁹ Но окончательное решение этого непростого вопроса каждый раз откладывалось в Петрограде до наступления «удобных времен».

В конце 1916 г. в российском Генеральном штабе, департаменте полиции и среди военно-морского руководства распространились слухи о том, будто бы финляндские «активисты» провели собрание в Стокгольме, на котором была принята резолюция о развертывании на территории княжества «активного сопротивления» в более широком масштабе, если российские власти распространят на Финляндию всеобщую воинскую повинность.³³⁰

³²⁶ Turpeinen O. Keisarillinen Venäjän vironomaisten suhtautuminen jääkäriilikeeseen. Helsinki, 1980. S. 262.

³²⁷ Ibid. S. 259.

³²⁸ Счастливая страна Финляндия в годовую войны. Обзор прессы. Петроград, 1916. С. 3, 13, 15.

³²⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1817. Л. 48. Записка общества «За Россию» Б.В. Штюмеру от 13.08.1916.

³³⁰ См. напр.: РГА ВМФ. Ф. 716. Оп. 1. Д. 102. Л. 395–396. Записка контр-адмирала Непенина А.И. от 14.11.1916.

Трудно установить, состоялось ли подобное собрание в действительности. В мемуарах «активистов», в их отчетах нет упоминаний об указанном совещании и его резолюции. Принимая во внимание ту тщательность, с которой относились «новые активисты» к составлению отчетов для немецкого МИДа, кажется странным, что они «забыли» осветить столь важный момент. Вероятно, следует согласиться с точкой зрения финского историка О. Турпейнена, согласно которой упомянутое собрание являлось не более чем фикцией.³³¹ Тем не менее известие о нем оказало существенное влияние на решение имперского руководства об отказе от привлечения жителей Финляндии к всеобщей воинской повинности.

Казалось, что военное время учило российских чиновников гибкости управления национальным регионом. Но изжить укоренившееся в финляндском обществе недоверие к центральной власти все же оказалось задачей непосильной и объективно вряд ли возможной. К тому же финляндский курс самодержавия в годы войны не отличался заметной последовательностью. С одной стороны, наблюдался отход от жесткого давления на финляндскую автономию, с другой — не отменялись наиболее одиозные законы 1899 и 1910 гг. Как будто для того, чтобы специально вызвать недовольство финляндцев, русский язык ввели в женские гимназии и духовные училища. Кроме того, есть основание предполагать, что в основном корректное отношение Петрограда к автономии княжества являлось лишь «тактическим шагом военных лет».³³² В данной связи, вероятно, следует согласиться с финским историком П. Лунтиненом, утверждающим, что «если бы самодержавная Россия вместе со своими союзниками победила в войне, Финляндию ожидали бы новые испытания».³³³

³³¹ Turpeinen O. Keisarillinen Venäjän vironomaisten suhtautuminen. S. 178.

³³² См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1810. Л. 3. Трепов А.Ф. Николаю II от 25.11.1916.

³³³ Luntinen P. Venäläisten sotasuunnitelmat. S. 152.

Глава 2. ВЫХОД ФИНЛЯНДИИ ИЗ СОСТАВА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И РОЛЬ ГЕРМАНИИ (ФЕВРАЛЬ 1917 — ЯНВАРЬ 1918 г.)

2.1. Временное правительство и Финляндия

«Падение монархии открыло возможность перехода России от принудительного имперского унитаризма к добровольному союзу равноправных народов. От успешности этого перехода зависела судьба демократических завоеваний Февральской революции».¹ Национальный вопрос оказался не менее актуальным, чем вопросы о власти, мире и о земле. Составной частью этого вопроса являлась проблема будущего статуса Великого княжества Финляндского в составе Российского государства.

Февральская революция в России в сущности не означала изменения внешнеполитического курса страны. Временное правительство продолжало войну, и сохранение контроля над стратегически важной Финляндией отнюдь не потеряло значения. Члены Временного правительства располагали информацией о том, что в радикально-националистических кругах финляндского общества вынашиваются идеи отделения княжества от России при прямой или косвенной поддержке Берлина. Вероятность немецкого десанта и связанный с ним мятеж финляндцев по-прежнему представляли существенную угрозу для Петрограда.

С другой стороны, в кругах Временного правительства также знали о стремлении самодержавия к насильственной интеграции Финляндии в общеимперскую систему. Именно в среде либералов и социалистов это стремление резко осуж-

¹ Чернышев В.Ю. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Падение империй и новая организация Европы после Первой мировой войны. Российско-финляндские гуманитарные чтения. Тезисы докладов. СПб., 1993. С. 14.

далось. Наступило время реализации тех обещаний, которые раздавали кадеты и социалисты в период их оппозиции по отношению к самодержавию. Политика Временного правительства в «финляндском вопросе» была призвана служить следующим целям: во-первых, обеспечить лояльность населения княжества по отношению к новой, республиканской России; во-вторых, привлечь его к активному сотрудничеству с центральной властью в Петрограде; в-третьих, заставить отказаться от тайного взаимодействия с Германией. Первые шаги Временного правительства, прокладываемые им в «финляндском вопросе», были направлены на реализацию именно этих задач.

3 (16) марта 1917 г. командующий флотом Балтийского моря адмирал Андриан Иванович Непенин пригласил на флагманское судно «Кречет» представителей основных политических партий Финляндии и сообщил им о революции в России, установлении власти Временного правительства, а также об аресте наиболее одиозных фигур, олицетворявших русификаторскую политику самодержавия в Финляндии, генерал-губернатора Ф. Зейна и вице-председателя хозяйственного департамента финского сената М. Боровитинова.² Сам Непенин отнюдь не сожалел о том, что указанные лица были арестованы. В разговоре с начальником Генерального морского штаба А.П. Капнистом он, в частности, отметил: «Зейну действительно не верят, да и я ему тоже не верю, как и Боровитинову. Их обоих черт связал веревочкой».³

После встречи с адмиралом Непениным в Петроград для переговоров с Временным правительством отправилась делегация ведущих политических деятелей княжества. Финляндцы высказали общие пожелания: Временное правительство должно, наконец, созвать финляндский сейм, утвердить состав правительства — сената, назначить нового генерал-губернатора и вернуть княжеству прежние права автономии. При этом, как свидетельствует в своих воспоминаниях один из членов финляндской делегации К.Г. Идман, с финлянд-

² РГА ВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 92. Зянгер М.Е. 1917 год в Балтийском флоте.

³ Там же.

ской стороны не прозвучало ни надежд, ни требований о признании Петроградом полной самостоятельности Финляндии.⁴

Новое российское правительство сразу же откликнулось на пожелания представителей «национальной окраины», результатом чего явился «Акт об утверждении конституции Великого княжества Финляндского и применении ее в полном объеме», изданный 7 (20) марта 1917 г. Согласно этому документу, в княжестве восстанавливались права автономии, которых оно лишилось в ходе унификационных мероприятий российского самодержавия.⁵ Генерал-губернатором Финляндии стал бывший член Государственного Совета, известный своими выступлениями в защиту прав финляндцев октябрист М.А. Стахович. Министром-статс-секретарем вместо уволенного с этой должности В.А. Маркова назначался финляндец, дипломированный инженер, прекрасно владевший русским языком Карл Энкель. Все противники российского самодержавия в Финляндии, включая участников егерского движения, были амнистированы. Амнистия распространялась и на сосланного в Сибирь бывшего председателя финляндского сейма, яркого русофоба П.Е. Свинхувуда.

На повестку дня встал вопрос о формировании финляндского сената. Местные жители княжества получили возможность самим выбирать его членов, но задача эта была не из легких. На выборах 1916 г. социал-демократы получили большинство мест в парламенте, но вряд ли кто из них предполагал в то время, что центральная власть в Петрограде позволит сформировать правительство, состоящее из финляндцев, да еще и социал-демократов. Финляндией управлял русский по составу сенат М. Боровитинова. Поэтому социал-демократическая партия Финляндии даже не обсуждала вопрос о возможной для себя правительственной ответственности.⁶

⁴ *Idman K.G.* Maamme itsenäistymisen vuosilta. Porvoo;Hels., 1953. S. 119.

⁵ РГИА. Ф. 1361. Оп. 16. Д. 65.

⁶ *Rasila V., Jutikkala E., Kuhla K.* Suomen poliittinen historia. 1905-1975. Porvoo; Hels.; Juvä, 1980. S. 64.

После Февральской революции в России финские социал-демократы получили возможность сформировать правительство, состоящее целиком из представителей своей партии. В этих условиях они сконцентрировали бы власть в княжестве в одних руках и могли начать претворение в жизнь собственной программы. Однако оказалось, что социал-демократы фактически не были готовы взять на себя столь тяжкий груз ответственности. За их плечами стояла солидная школа оппозиционной правительству борьбы, но отсутствовал опыт кропотливой работы в правительстве. Поэтому финские социал-демократы сделали выбор в пользу формирования коалиционного правительства.

Вице-председателем сената был избран социал-демократ Оскар Токой. Кроме него в правительство вошли еще 5 социал-демократов: В. Таннер, В. Войонмаа, В. Вуолийоки, М. Паасивуори, У. Айлио и 6 представителей буржуазных партий: старофинны А. Туленхеймо и А. Серлакиус, младофинны Е.Х. Сетяля и Р. Холсти, представитель шведской народной партии Э. Эррот и представитель Аграрного союза К. Каллио. Председателем сената по-прежнему оставался русский генерал-губернатор. 13 (26) марта 1917 г. Временное правительство утвердило состав финского сената.⁷ Финляндия обрела правительство, членами которого являлись ее граждане, представлявшие широкие слои населения княжества. Последовательный сторонник восстановления финляндской конституции министр юстиции в первом составе Временного правительства А.Ф. Керенский на митинге в Гельсингфорсе 16 (29) марта заверил, что союз России с Финляндией будет вечным и расцеловал лидера финляндских профсоюзов и вице-председателя сената О. Токой.⁸

В свою очередь, Временное правительство, восстановившее автономные привилегии Финляндии, ожидало от ее населения ответных действий. Профессор Э. Ельт в своих воспоминаниях привел любопытный разговор с избранным матросами командующим Балтийским флотом адмира-

⁷ Ibid.

⁸ *Ихалайнен П.* Из истории советско-финляндских отношений // Ученые записки Карельского пединститута. Петрозаводск, 1950. С. 42.

лом А.С. Максимовым.⁹ Максимов в ходе беседы с Ельтом недвусмысленно заметил, что «Финляндии в знак благодарности за дарованную свободу следовало бы показать солидарность с Россией, предоставив в ее армию добровольцев». ¹⁰ По мнению российского адмирала, «чувство долга должно было обязывать княжество теснее войти в войну на стороне России». ¹¹

Эффективная реставрация автономии Великого княжества Финляндского у большинства финляндских политиков действительно вызвала прилив симпатий по отношению к Петроградскому правительству. ¹² По замечанию Ю. Паасивирта, Февральская революция рассматривалась многими в Финляндии как «предвестник нового периода финской истории, способный освободить общество от состояния неопределенности, добиться новой степени политической и национальной свободы». ¹³

Финляндское общество возлагало большие надежды на то, что Россия меняется к лучшему, и эти перемены можно использовать на благо собственной страны. Особое значение придавалось установлению прочных, «цивилизованных контактов» с российскими властями. Об этом, в частности, писал на страницах журнала «Сунунтай» популярный финский поэт и общественный деятель Эйно Лейно. ¹⁴ Духовный вожь старофиннов историк Ю. Даниэльсон-Кальмари в своей речи от 25 марта 1917 г. сравнил Февральскую революцию в России с Великой Французской революцией, подчеркнув при этом то обстоятельство, что державы Востока вступили в важный исторический период,

⁹ В начале марта 1917 г. Балтийский флот имел двух командующих — продолжающего служить по приказу А.И. Непенина и избранного матросскими Советами А.С. Максимова. На одних судах офицеры и матросы подчинялись Непенину, на других — Максимова. 4 марта адмирал Непенин был убит взбунтовавшимися матросами. — РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 153. Л. 134-138.

¹⁰ Цит. по: *Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta. Muistelmia*. II. Helsingi, 1919. S. 34.

¹¹ *Ibid.*

¹² РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 2039. Л. 235. Послание финских граждан Ф.И. Родичеву от 10.03.1917.

¹³ Цит. по: *Paasivirta J. Finland and Europe*. P. 64.

¹⁴ *Ibid.* P. 65.

который Западные державы уже прошли после Французской революции.¹⁵

Известный финский политик Ю.К. Паасикиви призывал придерживаться линии соглашения с империей (myöntymyksen politiikka). С его точки зрения, в государственном развитии княжества необходимо было избегать слишком крутых поворотов. Он призывал финляндцев не рисковать приобретенными возможностями, тем более что в стране находились российские войска.¹⁶

В целом, большинство представителей буржуазных партий считали необходимым проводить политику сотрудничества с правительством князя Г.Е. Львова. Дальнейшее расширение автономии княжества в рамках Российского государства представлялось достижимым конституционными средствами, с помощью политики диалога с Временным правительством и через подписание государственно-правового договора между Россией и Финляндией.

Противоположную позицию заняли члены «активистского движения». Революция в Петрограде на какое-то время вызвала в их среде состояние растерянности, ибо создала неожиданную, неясную, а потому неудобную ситуацию, требовавшую корректировки уже сложившейся линии политического поведения в отношении России. К подобному пересмотру они были не готовы и не собирались менять удобную для пропагандистско-агитационных целей схему — «Россия — наследственный враг». Не случайно один из сторонников «активизма» Э. Ельт, входивший в состав финляндской делегации, принимавшей участие в подготовке манифеста от 20 марта, после поездки в Петроград сделал в своем дневнике следующую запись: «Мне кажется, что мы стремились к другой свободе, чем та, которую русская «свобода» смогла бы нам предоставить. Ее следует создавать на надежной германской основе, не оставаясь в зависимости от славянских эмоций».¹⁷

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Ikonen K. J.K Paasikiven poliittinen toiminta Suomen itsenäistymisen murrosvaiheessa.* Hels., 1990. S. 354.

¹⁷ Цит. по: *Hjelt E. Vaiherikkailta vuosilta.* S. 41.

Глава Стокгольмского эмигрантского «активистского» комитета А. Бонсдорф в письме к финляндским егерям назвал Манифест Временного правительства от 20 марта 1917 г. «чечевичной похлебкой, за которую нельзя отказываться от стремления к полной самостоятельности».¹⁸ С его точки зрения, для отделения Финляндии от России открывались более широкие перспективы, чем когда бы то ни было ранее.

22 марта 1917 г. в донесении рейхсканцлеру Бетман-Гольвегу немецкий посол в Швеции Г. Люциус сообщил о собрании финских сепаратистов в Стокгольме, посвященном выработке стратегии движения после Февральской революции. Участники собрания призвали не доверять обещаниям Петрограда. Не отрицая важности мартовского манифеста, они все же не считали его окончательным решением проблемы российско-финляндских отношений. «Активисты» были убеждены в том, что «финляндский вопрос» невозможно решить постановлениями Временного правительства.¹⁹

Позднее один из лидеров «активизма» Г. Гуммерус отправил в МИД Германии «Финляндский меморандум», в котором предлагались два варианта решения «финляндской проблемы». Первый вариант исходил из необходимости наступления германских войск на российскую столицу, второй принимал во внимание возможность заключения между Германией и Россией такого мирного договора, который гарантировал бы независимость Финляндии. При этом в обоих случаях Финляндия стала бы страной-союзницей Германии.²⁰ «Финляндский меморандум» представляет собой определенный интерес в связи с тем, что здесь «активисты» вновь вернулись к первоначальной цели своего движения — независимости княжества, которую по ряду причин они практически не упоминали в своих документах с середины 1916 г. Показателен также тот факт, что Гуммерус использовал немецкое понятие «die Unabhängigkeit» (независимость), тогда как раньше он предпочитал выражать конечную цель дви-

¹⁸ PAAA. Der Weltkrieg 11c. Bd 19. Bl. 135. Lucius an Bethman Hollweg vom 22.03.1917.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. Bd 20. Bl. 340-346. Finnländisches Memorandum. Ohne Datum.

жения понятием «die Selbständigkeit» (самостоятельность). К сожалению, из-за плохой сохранности документа, содержащегося в фондах Политического архива МИД ФРГ, не удалось установить точную его дату, но косвенные данные свидетельствуют о том, что Гуммерус написал его в апреле 1917 г. Примерно с этого момента «новые активисты» начали использовать понятие «независимость» в близком смысле к современному понятию «суверенитет», не отрицая при этом прочных союзнических отношений с Германией.

Что касается финляндского рабочего движения, то революция в Петрограде, по мнению авторитетного финского историка Ю. Паасивирта, «застала рабочих врасплох». ²¹ Февральская революция рассматривалась сначала как возвращение к ситуации, подобной революции 1905–1907 гг., с той лишь разницей, что падение самодержавия неизбежно способствовало более глубоким переменам. Финляндские социал-демократы первоначально не требовали прекращения отношений с Временным правительством. ²² Вместе с тем они, как и буржуазные партии, стремились к *ограничению его власти* на территории княжества. Так, один из лидеров социал-демократической партии Ю. Мякелин публично выражал надежды на развитие независимой финской политической активности, свободной от навязанных центральной властью ограничений. ²³

Правда, цели буржуазных партий и социал-демократов оказались различными. Расширение автономии княжества первые считали необходимым условием для сдерживания «революционной анархии», распространившейся из Петрограда. Вторые же рассматривали это требование в качестве существенной предпосылки для проведения социальных реформ, которые до настоящего времени блокировались как имперским центром, так и консервативными элементами внутри финляндской политической элиты.

Весной 1917 г. в Финляндии на партийных собраниях и в прессе широко обсуждались два вопроса: будущий госу-

²¹ Paasivirta J. Finland and Europe. P. 68.

²² Ibid.

²³ Ibid.

дарственно-правовой статус княжества и механизмы взаимодействия с правительством в Петрограде. Прежде всего, следовало решить — кому перешла верховная власть над княжеством после отречения российского монарха от престола. Согласно мартовскому манифесту Временного правительства, именно оно до созыва Учредительного собрания считало себя преемником верховных прав над Финляндией, принадлежащих в свое время российскому императору. Но многие финляндские праведы оспаривали законность подобного положения.

По вопросу о верховной власти в княжестве сформировалось две точки зрения. Первая была высказана старофиннами Р.А. Вреде и Р. Германсоном. Они считали, что Финляндия продолжала оставаться неотъемлемой частью Российского государства. Отсюда, отношения между центром и «национальной окраиной» должны строиться на следующей основе: носитель верховной власти в России являлся одновременно и носителем верховной власти в Финляндии. Таким образом, Временное правительство временно, до созыва Учредительного собрания, обладало правом осуществления верховной власти в Финляндии.²⁴

Другая точка зрения была высказана правоведем — «активистом» Рафаэлем Эрихом. Известный финляндский юрист, проживавший в тот момент за границей, в своих посланиях на родину доказывал, что с падением самодержавия союз России и Финляндии, персонифицированный фигурой Великого князя Финляндского, оказался расторгнутым. Поэтому никакое российское правительство не имеет права управлять княжеством. Временное правительство также не являлось носителем верховной власти в Финляндии. Эта власть не могла быть передана и Учредительному собранию.²⁵

В одной из своих статей Эрих, в частности, писал: «Для включения Финляндии в российское федеральное государство нет ни исторических, ни этнографических, ни народно-пси-

²⁴ *Iäman K.G.* Maamme itsenäistymisen vuosilta. S. 24; *Rasila V., Jutikkala E., Kihla K.* Suomen politittinen historia. S.65.

²⁵ *Ibid.*

холологических условий. Всякого рода русско-финляндские учреждения, которые изобретались русскими или вводились, становились пагубными для государственного бытия Финляндии... Даже положение квалифицированного государства в составе русского федерального союза не может удовлетворить правомерных притязаний Финляндии».²⁶

Какой же выход из создавшейся ситуации предлагал Р. Эрих? Несмотря на то, что он принадлежал к когорте лидеров «нового активизма», весной 1917 г. он все же не выступал еще категорично в пользу полного государственного суверенитета Финляндии. Этот специалист-правовед предлагал решить проблему российско-финляндских отношений путем предоставления Финляндии совершенно непопулярного для непосвященных статуса «государства-придатка».²⁷ В данном случае Финляндия оставалась бы в объединении с Российским государством при условии сохранения самого широкого права самоуправления.

Главное, по мнению Р. Эриха, заключалось в том, чтобы не допустить вмешательства России во внутренние дела Финляндии без соглашения с последней. В противном случае он предлагал российским властям согласиться на проведение референдума в княжестве по вопросу об определении своего будущего государственного статуса, даже если бы итоги референдума привели к отрицательному результату для России. Установление нормальных, доверительных отношений между двумя странами, с точки зрения автора, являлось важнее имперских амбиций центральной власти.²⁸

31 марта 1917 г. финляндский сенат учредил Конституционный комитет во главе с будущим первым президентом независимой Финляндии Карлом Столбергом. Задачей этого комитета являлась подготовка нового государственно-правового договора между Финляндией и Россией. Столберг был реалистом и отдавал себе отчет в том, что власть российского царя в Финляндии перешла в руки Временного правитель-

²⁶ Там же.. Обзор иностранной прессы. «Stockholms Dagblad». 24.04.1917.

²⁷ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д. 345/245. Л. 3. Обзор иностранной прессы. «Stockholms Dagblad». 24.04.1917.

²⁸ Там же.

ства. Изменить эту ситуацию нельзя иначе как через соглашение или через восстание.²⁹ Конституционный комитет Столберга разработал проект, по которому значительная часть принадлежавших российскому императору прав (созыв и роспуск сейма, одобрение законов и др.) переходила к финскому сенату. В руках Временного правительства оставалось бы право назначения высших должностных лиц, а также оборона и внешняя политика Финляндии.³⁰

7 апреля 1917 г. этот проект был отправлен в Петроград. Временное правительство его отклонило. По данному поводу заметил секретарь Конституционного комитета К.Г. Идман, «диалог с Временным правительством показал невозможность прийти к общему знаменателю».³¹

Российское правительство не допускало и доли сомнения в правомочности выполнения функций временного попечителя Финляндии. Оно считало своим долгом сохранить державу единой до тех пор, пока не будет созвано Учредительное собрание. Установка на продолжение войны с новыми силами также требовала противодействия всему, что могло привести к ослаблению «единой и неделимой России».³²

Финляндский же сенат мечтал присвоить себе основные права российского монарха в княжестве. Не последнюю роль в этом желании играло стремление представителей буржуазных партий в сенате успешно противостоять финляндскому парламенту, где большинство голосов принадлежало социал-демократам.

Членов Конституционного комитета удивляло также разное отношение Временного правительства к «финляндскому» и «польскому» вопросам. Новость о признании независимости Польши в случае одобрения этого решения со стороны Учредительного собрания быстро перелетела на страницы финляндской прессы. В ответ на требования расширения внут-

²⁹ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 144.

³⁰ Idman K.G. Maamme itsenäistymisen vuosilta. S. 127.

³¹ Ibid.

³² Полвинен Т. Октябрьская революция и становление независимости Финляндии // Россия и Финляндия. 1700–1917. Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1980. С. 13.

ренной автономии княжества один из членов Временного правительства заявил: «признать независимость Польши — все равно, что дать обещание Луне, поскольку территория страны оккупирована немецкими войсками». ³³

Невозможность достичь с Петроградом приемлемого для обеих сторон компромисса способствовала тому, что непризнание за Временным правительством верховных прав в Финляндии находило в княжестве тем больше сочувствия и понимания, чем больше росло разочарование в деятельности Временного правительства.

Апрельский кризис в России привел к отставке ряда консервативно настроенных министров и к образованию первого коалиционного правительства. Финляндские социал-демократы поддались искушению воспользоваться переменами в составе Временного правительства, чтобы потребовать дальнейших уступок от России. ³⁴ В этот же период приступил к своей работе финляндский парламент — сейм. Из-за преобладания в нем социал-демократов этот парламент вошел в историю Финляндии как «красный сейм». Его председателем был избран левый социал-демократ Куллерво Маннер.

Сенсацией для парламентариев явилось выступление 20 апреля 1917 г., спустя месяц после восстановления автономных прав княжества, вице-председателя сената О. Токой. С парламентской трибуны он заявил о необходимости добиваться полной политической самостоятельности княжества: «Финляндский народ развился со временем и стал настолько зрел, чтобы быть независимым народом, самостоятельным во всем, что касается его прав, задач и планов. Финляндия в своей истории, экономическом и общественном развитии резко отличается от России. О слиянии не может быть и речи... Сосед новой свободной России также должен быть совершенно самостоятельным народом». ³⁵ Хотя в речи

³³ Цит. по: *Кетولا Э.* Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // *Отечественная история.* 1998. № 6. С. 29.

³⁴ См.: *Старцев В.И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 году // *Россия и Финляндия в XX веке.* СПб.; Liechtenstein, 1997. С. 10.

³⁵ Цит. по: *Дусоев Р.Н.* Образование независимого Финляндского государства // *Вестник ЛГУ.* Вып. 1. 1975. № 5. С. 89.

О. Токой ничего не было сказано о форме осуществления самостоятельности, но его выступление шло в русле той политической линии, сторонники которой отказывались признавать Временное правительство законным преемником верховной власти в Финляндии.

23 апреля 1917 г. левый социал-демократ О. Куусинен, выступая перед Гельсингфорским сеймом рабочих организаций, заявил еще более определенно: «Утверждение о том, что мы (социал-демократы. — *И.Н.*) якобы признали переход к Временному правительству тех прав, которые имел царь, неправильно. Такое признание означало бы добровольный отказ от прав на независимость».³⁶

Все же не следует пренебрегать тем обстоятельством, что подобные заявления социал-демократов являлись дешевым продуктом популизма. В реальной практической жизни весной 1917 г. лидеры этой партии не отрицали возможности конструктивного диалога с Петроградом. В Российском государственном архиве Санкт-Петербурга содержится весьма примечательный документ — неофициальное обращение к А.Ф. Керенскому, составленное видными социал-демократами Эдвардом Гюллингом, Отто Куусиненом и Карлом Вийком.³⁷ В нем сформулированы основные принципы социал-демократического варианта государственно-правового договора между Финляндией и Россией. Прежде всего, Финляндия в качестве «самостоятельного государства» должна была, тем не менее, образовать «нерасторжимую унию» с Россией.³⁸ При этом вопросы внешней политики, такие как заключение соглашений с другими державами, решает Россия, но некоторые аспекты, которые непосредственно касаются Финляндии, вступают в силу лишь после одобрения ее парламента. Финляндия должна была получить полную самостоятельность во внутренних делах и независимый от России орган высшей власти. Оборона страны также является внутренним делом Финляндии. В мирное время Россия не имела права

³⁶ Цит. по: Сюкияйнен *И.Н.* Гельсингфорский сейм рабочих организаций в 1917—1918 гг. // Скандинавский сборник. Вып. V. Таллин, 1962. С. 119.

³⁷ РГА СПб. Ф. 7884. Оп. 9. Д. 320. Л. 18—19.

³⁸ Там же. Л. 20.

размещать здесь свои войска. И, наконец, русские подданные в Финляндии, наряду с финляндцами, должны были пользоваться одинаковыми правами и свободами.³⁹

Обращение носило секретный характер и имело целью прозондировать почву для возможного соглашения с Временным правительством. Его авторы к тому же не отрицали возможности пересмотра некоторых пунктов проекта. Предвосхищая возражения центральной власти относительно того, что в результате подписания подобного соглашения Финляндия становилась практически независимой, социал-демократы заявляли: «Финляндия слишком мала, чтобы пренебречь интересами и желаниями российской государственной власти».⁴⁰ Более того они готовы были признать, что положение Финляндии в союзе с Россией было бы для первой выгоднее, чем положение независимой страны, неприкосновенность которой никем и ничем не обеспечена.

Таким образом, говоря о самостоятельности и независимости княжества, финляндские социал-демократы имели в виду применение этих принципов во внутренних делах, т. е. максимальную степень автономии. Тем не менее социал-демократический вариант государственно-правового договора с Россией был радикальнее, чем предложения, выдвигаемые в тот период другими буржуазными партиями, за исключением «активистского движения». Примечательно, что этот проект, подготовленный согласно воспоминаниям К.Г. Идмана в мае 1917 г.,⁴¹ во многом предвосхищал вариант государственно-правового договора, предложенный Конституционным Комитетом Столберга в октябре 1917 г. Если бы Временное правительство внимательнее отнеслось к проекту социал-демократов и не отказалось от диалога с ними, то, возможно, удалось найти приемлемый компромисс, что предотвратило бы переход финской социал-демократии к открытой борьбе с центральной российской властью.

Наиболее четко требование государственной независимости княжества весной 1917 г. было представлено в докумен-

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ *Idman K.G. Maamme itsenäistymisen vuosilta. С. 148.*

тах студенческого движения, лидеры которого разделяли «активистские» взгляды. 12 мая 1917 г. студенты Гельсингфорсского университета и Высшей технической школы на общем собрании приняли следующее обращение: «Финляндия теперь созрела для того, чтобы занять место в ряду независимых народов. Мы убеждены, что скоро пробьет час, когда наша страна достигнет полной государственной независимости. Чтобы достичь этой цели, мы хотим использовать все наши силы и средства». ⁴²

Ближайшей своей задачей лидеры студенческого движения считали воздействие на общественное мнение княжества для доказательства несовместимости интересов Финляндии с государственной принадлежностью ее к России. ⁴³ Подобные заявления студентов прозвучали во время визита А. Керенского в край. Военный министр ясно продемонстрировал отношение Временного правительства к вопросу о независимости Финляндии: «Финляндия как независимое государство представляла бы постоянную опасность для Петербурга, и удовлетворение финляндских требований можно осуществить лишь на равных основаниях с требованиями других нерусских национальностей, населяющих Российскую империю». ⁴⁴ Еще определеннее реакция российской революционной власти прозвучала в словах: «Сегодня отделится Финляндия, а завтра — Сибирь и Украина. Таким образом, от Великой России останется одна Москва». ⁴⁵

Радикализация национальных стремлений финляндцев вызвала серьезную обеспокоенность в российской прессе. Генерал-губернатор княжества М.А. Стахович старался успокоить общественное мнение России: «В финском народе в целом нет ни предубеждения, ни ненависти к России. Есть подозрительность, оправдываемая прошлым, существует боязнь, что дарованная автономия будет сокращаться, вот потому-то финны стремятся ее закрепить. Если сегодня Финляндия объявит самостоятельность, то мы, имея там три

⁴² PAAA. Wk. 11c. Bd 21. Bericht über die Lage in Finnland vom 31.05.1917.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Цит. по: РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 88. Л. 8.

⁴⁵ АВПРИ. Ф. 135. Оп. 474. Д.395/245. Л. 47.

крепости, можем ночью объявить войну и оккупировать страну». ⁴⁶

Весной-летом 1917 г. финляндские «активисты» приняли попытку привлечь к сотрудничеству социал-демократов. 4 июня 1917 г. в Стокгольме состоялось совместное совещание представителей «активизма» и финляндской социал-демократии. В центре внимания стоял вопрос о подготовке вооруженного восстания в княжестве с целью выхода из состава Российского государства. Социал-демократы, в частности К. Вийк, настаивали на том, что в создавшихся условиях достичь независимости можно мирными средствами. «Активисты» отдавали предпочтение вооруженным методам борьбы. ⁴⁷

Несмотря на то, что стороны не пришли к соглашению, весной — летом 1917 г. между финскими сепаратистами и социал-демократами все же имелась некоторая взаимосвязь, основанная на личных контактах лидеров движений, а также в области создания «охранных отрядов» (так называемый шюцкор), официально призванных поддерживать внутренний порядок в княжестве. Финляндский «Активистский комитет» приступил к их формированию весной-летом 1917 г. ⁴⁸ Почти одновременно появилась и набираемая из рабочих «гвардия порядка». В начальный период создания между двумя вооруженными организациями не наблюдалось острых противоречий. Упражнения и тех и других на одном плацу не были редкостью. Рабочие иногда вступали в шюцкор, что не вызывало протестов со стороны социал-демократической партии. ⁴⁹

«Активистский комитет» пытался закрепить такие идиллические отношения. В инструкции для организаторов шюцкора давались указания о беспрепятственном допущении туда рабочих, чтобы «охранные отряды» не приобрели в глазах

⁴⁶ Цит. по: Черняев В.Ю. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 39.

⁴⁷ Gummerus H. Jaakarit ja aktivistit. S. 467.

⁴⁸ См. подр.: Manninen O. Kansannoususta armeijaksi. Hels., 1974. S. 25.

⁴⁹ Kaila E.E. Suojeluskuntatyö Suomessa sodan puhkeamiseen // Suomen Vapausota. II. Jyväskylä, 1922. S. 100.

населения «классового характера». ⁵⁰ Примечательно, что российская контрразведка на первых порах создания шюцкора и рабочей «гвардии порядка» не видела между ними принципиальных различий. ⁵¹

Постепенно эти различия становились более заметными. Первичная и скрытая для простого наблюдателя цель шюцкора заключалась в подготовке военных кадров для национального восстания в случае немецкого десанта в княжество. В организации шюцкора принимали деятельное участие тайно возвращавшиеся из Германии финские егеря. ⁵² Рабочая же гвардия не планировала выступлений против России. Поэтому не случайно, что сведения о формировании шюцкора российские военные воспринимали с большей озабоченностью. ⁵³

Весенне-летнее сближение «активистов» и социал-демократов не отличалось прочностью и глубиной взаимодействия не только в силу разной социальной опоры движений, но и благодаря различному содержанию, которое они вкладывали в понятие «независимая Финляндия». Самостоятельность Финляндии рассматривалась социал-демократами как необходимое условие для социальных преобразований, проведение которых сдерживали не только местные, но и центральные власти. При этом они надеялись на поддержку своих российских коллег. ⁵⁴

В свою очередь, российская революционная власть в Финляндии в лице Областного исполнительного комитета армии, флота и рабочих давала повод для такого рода надежд. Ведущую роль в этой организации играли Гельсинг-

⁵⁰ РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 88. Л. 44.

⁵¹ В подобном духе выдержаны донесения начальника контрразведывательного отделения Свеаборгской крепости А. Симонича. — РГА ВМФ. Ф. 1256. Оп. 1. Д. 278. Л. 8, 8об.

⁵² *Kalla E.E. Suojeluskuntatyö Suomessa sodan puhkeamiseen.* S. 99.

⁵³ К августу 1917 г. российские военные круги уже исключали возможность совместных действий двух подразделений и предислагали, что, скорее всего, противоборство возникнет между ними. Подобный ход событий привел бы к гражданской войне внутри финляндского общества. — РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 549. Л. 9. Доклад начальника контрразведывательного управления подполковника Кордмана А.Н. от 12.08.1917.

⁵⁴ Там же. Ф. 1256. Оп. 1. Д. 278. Л. 44-45об. «Туб». 21.07.1917.

форский Совет и Центральный комитет Балтийского флота — Центробалт. Еще 20 мая (2 июня) 1917 г. II-й Областной съезд Советов обещал поддержать требование независимости Финляндии, если это желание выразит большинство населения края.⁵⁵

В отличие от социал-демократов, «активисты» являлись прежде всего буржуазными националистами. И понятие «независимость» они рассматривали в смысле сецессии — окончательного отделения Финляндии от Российского государства. Своими союзниками в реализации упомянутой цели «активисты» считали не революционные партии, а движения национальных меньшинств России.⁵⁶

«Финляндский вопрос» рассматривался на II-м Всероссийском съезде Советов, в работе которого принимала участие и делегация социал-демократической партии Финляндии (СДПФ). Съезд принял проект, составленный меньшевиком Р. Абрамовичем. Расширение автономии княжества предусматривалось только при согласовании с Временным правительством. Окончательное решение российско-финляндских проблем связывалось с деятельностью Учредительного собрания.⁵⁷

Отношения между Россией и Финляндией значительно осложняла валютный кризис. Инфляция в России развивалась стремительно и значительно опережала изменения на валютном рынке Финляндии.⁵⁸ Финская марка, в отличие от русского рубля, сохраняла относительную стабильность. Послереволуционная Россия оказалась в таком плачевном финансовом состоянии, что вынуждена была обратиться к Финляндии с просьбой о займе в 100 млн ма-

⁵⁵ Черняев В.Ю. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости. С. 40.

⁵⁶ PAAA. Grosses Hauptquartier (далее GrHq). Bd 1. L 084179/80; О сотрудничестве прибалтийских народов и финляндцев см. подробнее: Zetterberg S. Die Liga der Fremdvölker Russlands. 1916–1918. Helsing., 1978; Hovi O. Interessensphären im Baltikum. Helsinki, 1984. S. 25–32.

⁵⁷ Idman K.G. Maamme itsenäistymisen vuosilta. S. 151.

⁵⁸ Бобович И.М., Китанина Т.М. Финляндия: создание основ экономической независимости // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.; Liechtenstein, 1997. С. 236.

рок.⁵⁹ Временное правительство нуждалось в финских марках для оплаты денежного довольствия войск и государственных заказов, исполнением которых были заняты 3/4 рабочих Финляндии. Задержка оплаты грозила волнениями. Используя столь тяжелую ситуацию, финляндский сейм связал кредит с предоставлением полной самостоятельности княжеству.⁶⁰ В частности, Токой в одном из своих интервью заявил, что Финляндия может предоставить 100–200 млн марок при условии объявления ее независимой во внутренних делах и передаче решения «финляндского вопроса» международному конгрессу великих держав.⁶¹ Российская пресса назвала выходку сейма «предательством русской революции».

Как известно, Временное правительство после неудачного запроса у финляндцев обратилось за займом к США, которые оказались сговорчивее.⁶² Получив американский заем, Временное правительство летом 1917 г. стало покупать у Финляндии на американские доллары финские марки, с целью оплаты русских военных заказов в княжестве. Эта операция создавала исключительно важный для Финляндии политический прецедент: своим обращением к Финляндии за государственным займом и расплатой с Финляндией иностранной валютой, Временное правительство фактически признавало полную самостоятельность финляндского валютного рынка. Именно такого признания независимости экономической и внешнеэкономической политики добивалась Финляндия.⁶³ Поэтому финляндские предприниматели весной-летом 1917 г. в целом были удовлетворены состоянием российско-финляндских отношений.

Между тем в начале июля 1917 г. в Петрограде разразился очередной политический кризис. Власть Временного правительства висела на волоске. В этой ситуации 5(18) июля

⁵⁹ Bundesarchiv (далее — BA Rch). R. 901/57519. Bl. 6. «Der Tag». 17.07.1917.

⁶⁰ Черняев В.Ю. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости. С. 41.

⁶¹ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2859. Л. 14. «Aaland». 18.07.1917.

⁶² Похлебкин В.В. СССР — Финляндия: 260 лет отношений. 1713–1973. М., 1975. С. 176–177.

⁶³ Там же.

1917 г. финляндский сейм одобрил большинством голосов (136 — «за», 55 — «против») «Закон о верховной власти». Согласно этому закону, ранее принадлежавшие российскому монарху права в Финляндии передавались (за исключением внешнеполитической и военной сфер) финляндскому парламенту.⁶⁴

Таким образом, был сделан значительный шаг на пути к полной внутренней самостоятельности княжества. Следует заметить, что закон принимался в разгар июльского кризиса, когда еще не был ясен исход борьбы в Петрограде. Информация о событиях в российской столице поступала неполная и противоречивая. Многие депутаты сейма считали власть Временного правительства низложенной и предпочитали воспользоваться ситуацией безвластия.⁶⁵

Известие о принятии финляндским сеймом «Закона о верховной власти» вызвало бурю негодования в российской прессе. Газета «День» опубликовала интервью с М.А. Стаховичем, который возложил вину за происшедшее на российскую социал-демократию и призвал следующий съезд Советов осудить подобные действия финнов.⁶⁶

Кадетская «Речь» опубликовала статью Дмитрия Протопопова, который назвал решение сейма «крупной политической бестактностью» и «близорукостью». Он предложил применить в отношении Финляндии жесткие политические и экономические санкции.⁶⁷

Известная своими антифинляндскими выступлениями газета «Новое время» усиленно муссировала идею черной неблагодарности со стороны Финляндии и разглядела за решением финляндского сейма скрытую поддержку Германии.⁶⁸ Меньшевики и эсеры также выступили с критикой «Закона о власти», поскольку он, по их мнению, наносил ущерб интересам Российского государства.⁶⁹

⁶⁴ *Rasila V., Jutikkala E., Kuhla K. Suomen polittinen historia. S. 68.*

⁶⁵ «Тубмес». 18.07.1917

⁶⁶ АВПРИ. Ф. 185. Оп. 474. Д. 395/245. Л. 30. «День». 9.07.1917.

⁶⁷ Там же. Л. 36. — «Речь». 12.07.1917.

⁶⁸ «Новое время». 14.07.1917.

⁶⁹ РГА ВМФ. Ф.418. Оп. 1. Д. 2859. Л. 23об. Обзор прессы за 30.07.1917.

Действия финляндского парламента безусловно поддержали только большевики.⁷⁰ Однако, с точки зрения западного историка Роберта Сервиса, в обозначенный период они не очень активно разыгрывали «национальную карту»,⁷¹ предпочитая тактику ожидания, когда в национальных регионах потенциал недовольства Временным правительством дойдет до точки кипения.

Развитие российско-финляндского конфликта происходило на фоне слухов о скорой высадке германского десанта в княжество. Военная разведка раскрыла факты подготовки «активистами» восстания в Финляндии. Поэтому, по мнению нового командующего Балтийским флотом Д.Н. Вердеревского, Временному правительству следовало проявлять необходимую осмотрительность и осторожность.⁷²

Одновременно в военных кругах обсуждались и мероприятия на случай, если в Финляндии все же начнутся беспорядки. Командующий 42-м армейским корпусом В.Н. Клембовский предлагал сосредоточить для прикрытия Петрограда основную группировку войск в районе Выборга, свести разбросанные по Финляндии мелкие части в более крупные соединения, а также предупредить местную гражданскую администрацию о том, что если начнутся какие-либо повстанческие действия, крупные города, в первую очередь, Гельсингфорс, будут разгромлены.⁷³ Становилось ясно, что вооруженные силы России, подчинявшиеся еще Временному правительству, были намерены любой ценой удержать Финляндию в своих руках.

18 (31) июля 1917 г. Временное правительство издало манифест о роспуске финляндского сейма.⁷⁴ Вероятно, это была одна из роковых его ошибок. Сейм, несмотря

⁷⁰ Антонов-Овсенко В. В семнадцатом году. Киев, 1997. С. 152-153.

⁷¹ Сервис Р. Государство и революция // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 329.

⁷² РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 842. Л. 32. Вердеревский В.Н. Калписту А.П. от 18.07.1917.

⁷³ Там же. Д. 278. Л. 18. Клембовский В.Н. Вердеревскому Д.Н. от 18.07.1917.

⁷⁴ РГИА. Ф. 1276. Оп. 14. Д. 23. Л. 122. Манифест о роспуске сейма от 18 (31).07.1917.

на весь свой пыл в отстаивании национальной самостоятельности, на самом деле добивался для княжества широчайшей внутренней автономии, а не отделения от России. Как справедливо заметил известный российский историк В.И. Старцев, «стратегические интересы России не были затронуты «Законом о власти». Вопросов внешней политики сейм не касался, вывода русских войск не требовал». ⁷⁵

В условиях, когда в метрополии царила анархия, любой региональный парламент повел бы себя точно так, как это попытались сделать в Финляндии. «Красный сейм» мечтал присвоить себе верховную власть во внутренних делах княжества, оттеснив на второй план сенат. Нужно иметь также в виду и то обстоятельство, что у социал-демократов отсутствовал серьезный практический опыт законотворчества. Временному правительству требовались терпение и государственная мудрость для того, чтобы найти приемлемое для обеих сторон решение. Тем более что сейм, получив сообщение из Петрограда о победе Временного правительства и поражении большевиков, спешно начал оправдываться перед Временным правительством за свои действия. Были подготовлены документы, где в извинительной форме объяснялось происхождение «Закона о власти». Документы были доставлены в Петроград М.А. Стаховичем. ⁷⁶ Но Временное правительство даже не стало их рассматривать. Оно предпочло распустить строптивый сейм.

В знак протеста против роспуска сейма социал-демократы вышли из правительства, где остались лишь буржуазные сенаторы во главе с профессором Э. Сетяля. Социал-демократическое большинство сейма, не признававшее за Временным правительством верховных прав в Финляндии, решило назначить созыв парламента на 16(29) августа 1917 г. Но генерал-губернатор Стахович закрыл зал заседаний, командировав туда отряд казаков. Как заметил финский историк П. Лунтинен, это был последний случай, когда «армия защищала имперские интересы в Финляндии. Вскоре рево-

⁷⁵ Старцев В.И. Временное правительство и Финляндия. С. 17.

⁷⁶ Там же. С. 18.

люционная агитация проникла во все воинские части, окончательно расшатав дисциплину и боевой дух». ⁷⁷

Период, последовавший за разгоном сейма, стал новым и сложным этапом внутривластного развития Финляндии. Требование полной внутренней самостоятельности княжества отстаивали теперь не только социал-демократы, но его поддерживали практически все буржуазные партии. ⁷⁸

Переход правящей элиты княжества к более радикальному способу действий по отношению к центральной власти в России во многом был обусловлен ослаблением позиций Временного правительства в Финляндии. Временное правительство разрушило большинство политических и административных структур, скрепляющих фундамент многонационального государства, наивно связывая свои надежды с возможностью консервировать империю в ее новой «демократической» версии. ⁷⁹ Казалось, что демократизация общества сама по себе снимает все назревшие в многонациональном государстве проблемы, в том числе с укреплением демократии сам собой отпадет и национальный вопрос. Однако, в обстановке развала скрепляющих империю государственных институтов, ухудшения военного, внешне- и внутривластного положения России первоначально умеренные национальные элиты все более и более склонялись в пользу эвентуального отделения.

С другой стороны, финляндская политическая элита была всерьез обеспокоена усилением российской революционной власти в княжестве. После корниловского мятежа, на проходившем в сентябре 1917 г. III-м Областном съезде армии, флота и рабочих Финляндии победу одержали большевики. ⁸⁰ Председателем исполкома Областного комитета был избран большевик И.Т. Смилга. Под его руководством 20 сентября (3 октября) 1917 г. этот орган власти взял под свое попечение все российские правительственные учреждения княжества. Без одобрения Областного комитета никакие распоря-

⁷⁷ Лунтинен П. Разлука без печали // Родина. 1995. № 12. С. 29.

⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. р-315. Оп. 1. Д. 86. Л. 1. Обзор финляндской прессы.

⁷⁹ См. подр.: Hagen M. The Russian Empire // After Empire. Multiethnic Societies and Nation-Building. Westview Press, 1997. P. 67-68.

⁸⁰ Антонов-Овсеенко В. В семнадцатом году. С. 199-202.

жения Временного правительства в крае не выполнялись.⁸¹ Так, Областной комитет отменил приказ Временного правительства о выводе из Финляндии небоеспособных войск и замене их новыми соединениями. Речь, в частности, шла о переводе 128-й дивизии на Ревельский участок фронта. Дивизия еще в период июньского наступления отказалась подчиняться приказам Временного правительства. Областной комитет действовал в русле инструкций В.И. Ленина, придававшего большое значение тому, чтобы в Финляндии не произошло замены пробольшевистски настроенных войск новыми частями.

27 сентября (10 октября) 1917 г. Областной комитет взял под свой контроль российскую службу безопасности, так называемую «охрану народной свободы». По мнению финского историка Э. Кетола, это означало восстание против Временного правительства.⁸²

Областной комитет систематически вмешивался во внутренние дела княжества, поддерживая действия финских социал-демократов, направленные против Временного правительства и собственной буржуазии. Финской рабочей гвардии передавалось оружие, что вызывало вполне объяснимое недовольство со стороны местной элиты.⁸³

⁸¹ Там же; В письме И.Т. Смилге от 27 сентября 1917 г. В.И. Ленин, в частности, отмечал: «Кажется, единственное, что мы можем вполне иметь в своих руках и что играет серьезную военную роль, это финляндские войска и Балтийский флот... Мы ни в коем случае не можем позволить увода войск из Финляндии, это ясно. Лучше идти на все, на восстание, на взятие власти.» (Цит. по: *Сюккяйнен И.И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1982. С.101–102.

⁸² На состоявшемся в 1987 г. XI финско-советском симпозиуме историков Э. Кетола высказал предположение, согласно которому восстание в Финляндии явилось стратегической предпосылкой Октябрьской революции и одновременно ее первой удавшейся операцией. (*Ketola E.* Suomen sotilaskapina — Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // XI Suomalais-Neuvostoliittolainen Historioitsijoiden Symposio. 1987. Hels., 1988). Напротив, другой финский историк — П. Луитинен поставил под сомнение высокую степень большевизации моряков Балтийского флота. Противдействие Временному правительству, с его точки зрения, объяснялось не идейными позициями, а усталостью от войны (*Ibid.*).

⁸³ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 127. Л. 12об — Решение Областного комитета от 19.10.1917.

Добавим к этому падение дисциплины и общую деморализацию размещенных в Финляндии русских войск, численность которых вместе с Балтийской эскадрой составляла около 125 тыс. человек.⁸⁴ Гнев солдат и матросов обрушился первоначально на своих командиров. Уже 3 марта 1917 г. адмирал Непенин сообщил о том, что «Балтийский флот как боевая единица сейчас не существует».⁸⁵ Один из офицеров записал в эти дни в дневнике: «Нас может спасти только чудо».⁸⁶ Однако, чуда не случилось. В Гельсингфорсе восставшими матросами было убито 39 офицеров⁸⁷. В Выборге солдаты арестовывали своих командиров, вели их на мост у Выборгского замка, сбрасывали в воду со словами «без аннексий и контрибуций» и добивали тех, кто пытался добраться до берега.⁸⁸

Российские войска в Финляндии представляли собой печальный результат политики Временного правительства в сфере «демократизации армии». В рапорте по «финляндскому вопросу», подготовленном одним из сотрудников контрразведки Балтийского флота, указывалось, что войска, «постоянно поддерживают всякие беспорядки и вмешиваются в распоряжения местных органов власти. Подобными действиями они возбуждают против себя жителей и так терпящих большие убытки от постоа войск (вырубка лесов, незаконные реквизиции, глушение рыбы и т. д.). Создавалась очень трудная обстановка».⁸⁹

Авторы объемистого финского исследования «История освободительной войны Финляндии» предложили своим читателям концепцию, согласно которой движение в пользу независимости росло не столько благодаря пропаганде «ак-

⁸⁴ *Rinta-Tassi O.* Lokakuun vallankumous ja Suomen itsenäistyminen // *Lenin ja Suomi*. II. Helsingi, 1989. S. 98; *Huttunen P.* Venäläisten linnoitustyöt Suomen sisämaassa ensimmäisen maailmansodan aikana. Oulu, 1989. S. 274.

⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. Р -29. Оп. 1. Д. 153. Л. 112.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. Л. 198.

⁸⁸ *Tiander K.* Das Erwachen Osteuropas. Erinnerungen und Ausblicke. Wien; Leipzig, 1934. S. 123-124.

⁸⁹ РГА ВМФ Ф. 418. Оп. 1. Д. 549. Л. 35-35об. Садовский В. в Генеральный морской штаб от 26.09.1917.

тивистских взглядов», сколько вследствие беспорядочных выступлений, которые русские солдаты предпринимали повсюду в стране.⁹⁰ Этот фактор сыграл существенную роль в усилении сепаратистских настроений в Финляндии, но было бы не совсем правильно сводить все многообразие причин выхода Финляндии из состава Российского государства только лишь к деморализации русских войск. В противном случае получается так, что без наличия серьезных внутренних предпосылок финская элита, под давлением сиюминутных обстоятельств военного времени решилась на сецессию.

Определенную роль в радикализации национальных стремлений финляндцев сыграл также фактор усиления немецкого военного присутствия в Балтийском регионе. В начале сентября 1917 г. немецкие войска захватили Ригу, в октябре оккупировали расположенные в восточной части Балтийского моря острова Эзель, Даго и Моон. Расширение зоны немецкой аннексии в Балтийском регионе и неспособность российских вооруженных сил организовать достойный отпор противнику привели к тому, что среди населения Финляндии укрепилось суждение, согласно которому Германия готова была перенести военные действия на территорию княжества. Причем, немцы сами с большим желанием распространяли подобные слухи. Так, во время захвата острова Эзель местному населению было объявлено, что следующим пунктом будет Финляндия.⁹¹

Российское командование с горечью отмечало рост германофильских настроений среди населения Финляндии и полагало, что в случае немецкого десанта финляндцы, скорее всего, окажут ему содействие. Жители малой страны нередко идеализировали стремление Германии к «освобождению угнетенных наций», к тому же они возлагали надежды на то, что Германия поможет решить остро стоявший в Финляндии продовольственный вопрос.⁹²

⁹⁰ Suomen Vapaussota vuonna 1918. S. 238.

⁹¹ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 10. Л. 584 (показания одного из военнопленных).

⁹² Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 549. Л. 67. Оберквартирмейстер 42-го армейского корпуса Беренс К. в Генеральный морской штаб от 29.10.1917.

Наконец, не последнюю роль в радикализации национальных стремлений финляндской элиты сыграл ее конфликт с местной социал-демократией. Растущее социальное недовольство населения края рассматривалось политической элитой княжества не столько как результат неудовлетворенности своим положением тысяч финляндских тружеников, сколько как следствие революционной агитации из России. В правящих кругах Финляндии были сильны традиции авторитаризма. Будущее развитие княжества рассматривалось только через призму двух альтернатив: либо закрепление статус кво, либо открытие шлюзов для революции. Либерализм, по мнению финского историка Ю. Паасивирта, не имел столь заметного влияния на финской политической сцене и оказался не способным создать базис для попытки социального компромисса.⁹³

В обстановке приближающихся выборов в парламент лидеры буржуазных партий, вопреки прежнему нежеланию ясно формулировать свои взгляды по вопросу о независимости Финляндии, стали более четко выражать свою позицию. Р.А. Вреде поддержал требование независимости княжества в середине августа 1917 г. При этом он оставался непреклонным в убеждении, что на ближайшее будущее мнение России должно присутствовать при обсуждении финляндских проблем. Попытка достичь полного суверенитета, включая разрыв связей с метрополией была бы, по его мнению, опасна и весьма рискованна. Россия не сможет смириться с независимостью Финляндии, поскольку страна могла оказаться в немецкой сфере влияния, а это представляло бы угрозу для Петрограда. С другой стороны, защитить свою независимость у Финляндии не было возможностей. В подобном духе рассуждали также К. Столберг и Ю.Р. Даниэльсон-Кальмари.⁹⁴

Среди сторонников выхода Финляндии из состава Российского государства возросла в этот период популярность П.Э. Свинхувуда, остававшегося до поры до времени пассивным наблюдателем развивающихся событий. Известны его

⁹³ Paastvirta J. Finland and Europe. P. 95.

⁹⁴ Ibid. P. 86-87.

слова, произнесенные им на митинге в Выборге по случаю возвращения из Сибири: «С помощью Бога и Гинденбурга я вновь дома».⁹⁵

В целом общая позиция политической элиты княжества базировалась на ощущении безотлагательных действий. Финляндии следовало воспользоваться моментом, чтобы сделать еще один шаг на пути к полной государственной самостоятельности, чему способствовали два обстоятельства: нестабильность центральной власти в России и усиление немецкого военного присутствия в Балтийском регионе.

В начале октября 1917 г. состоялись выборы в финляндский сейм. Буржуазным партиям, объединившимся в единый предвыборный блок, удалось получить большинство мест — 108 из 200. В Петрограде возобновились переговоры по вопросу о расширении внутренней самостоятельности княжества. Конституционный Комитет К. Столберга предложил закрепить связь между Россией и Финляндией путем принятия «Закона о взаимных правовых отношениях», проект которого должен был пройти утверждение в финляндском сейме и на российском Учредительном собрании. Финляндия провозглашалась республикой, где исполнительная власть принадлежала избираемому из числа финляндских граждан правителю (valtakunnan päämie), который получал все полномочия конституционного монарха (кроме наследственной власти и несменяемости). Внешняя политика оставалась бы в руках России, но предполагалось участие финских делегатов на международных конференциях, затрагивающих интересы Финляндии. Русские войска оставались в княжестве до создания собственной армии, которая во время войны получала общее с российской армией командование, но действовала бы только в пределах Финляндии. Предусматривалась также в случае возникших разногласий с Россией возможность обращения в Гаагский международный трибунал.⁹⁶

Внутренняя автономия Финляндии не вызывала сомнения у членов Временного правительства, но смущали ее

⁹⁵ Цит. по: *Goltz R. Als politischer General im Osten. Leipzig, 1936, S. 18.*

⁹⁶ РГИА. Ф. 1861. Оп. 1. Д. 68. Л. 19-26об. Закон о взаимных правовых отношениях России и Финляндии от 16(29) октября 1917 г.

чрезвычайно широкие границы. В Петрограде возражали против дислокации российских войск на финской территории только в военное время, обращения в международный третейский суд и слишком широких полномочий так называемого правителя. Новый генерал-губернатор Финляндии Н.В. Некрасов считал также необходимым утверждение российской верховной властью всех законопроектов, прошедших через сейм.⁹⁷

Финская сторона внимательно отнеслась к замечаниям Временного правительства и выразила согласие пойти на отдельные уступки. Конституционный Комитет предложил передать власть, кроме внешней политики, военной сферы и положения русских граждан, финляндскому сенату. Должность генерал-губернатора княжества и его канцелярия упразднились. 25 октября (7 ноября) 1917 г. Некрасов и Энкель выехали в Петроград, чтобы изложить эти предложения Временному правительству. Их осуществление предотвратило бы раздел власти с социалистами в сейме. Но решение было найдено драматически поздно. Утром 26 октября (8 ноября) на вокзале русской пограничной станции Белоостров Некрасов и Энкель узнали, что Временного правительства больше не существует.⁹⁸

Политика Временного правительства в «финляндском вопросе» имеет много общего с политикой М.С. Горбачева по отношению к национальным регионам СССР в 1989–1991 гг.⁹⁹ В обоих случаях мы видим взаимосвязь между попытками демократизировать общественную жизнь и всплеском регионального национализма. В обоих случаях, тем не менее, вероятно, возможен был компромисс с национальными элитами, но момент для этого был упущен. Неокрепшая российская демократия в 1917 г. предпочла в национальном вопросе политику проволочек в надежде на то, что с укреплением демократии национальные проблемы решатся сами собой.

⁹⁷ Там же. Л. 26–27об; *Idman K.G.* Maamme itsenäistymisen vuosisilta. S. 166.

⁹⁸ *Polvinen T.* Venäjän vallankumous. 1917–1920. Osa I. Porvoo; Helsinki, 1967. S. 96–100.

⁹⁹ Известные параллели провел в своей статье В.И. Старцев — Старцев В.И. Временное правительство и Финляндия в 1917 году. С. 5.

В 1917 г. новая российская политическая элита, по образному выражению современника тех событий профессора К. Тиандера, когда «царский трон развалился за ночь, и свобода упала с дерева в ее руки, подобно переспелому яблоку, оказалась неподготовленной к тем государственным изменениям, о которых мечтала с юности». ¹⁰⁰

2.2. «Финляндский вопрос» в восточной политике Германии (февраль—октябрь 1917 г.)

Известие о Февральской революции в России было встречено в Германии двояко. С одной стороны, с революцией связывали существенное ослабление восточного противника. Э. Людендорф в своих воспоминаниях писал: «Революция ... означала, ввиду неизбежно связанного с ней понижения боеспособности России, значительное ослабление Антанты. Сколько раз я мечтал о том, что русская революция облегчит наше военное положение». ¹⁰¹

С другой стороны, не исключалось влияние идей российской революции на леворадикальные элементы внутри Германии. 27 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов обратился с призывом к воюющим народам двух блоков заключить скорейший мир «без аннексий и контрибуций».

В Германии эта формула мира нашла благоприятный отклик среди социал-демократов. 29 марта на заседании рейхстага Ф. Носке произнес речь, в которой прозвучали следующие слова: «Русские солдаты могут быть уверены, что немецкие социал-демократы будут всеми силами содействовать охране существующего порядка демократии». ¹⁰² Оратор также потребовал от правительства заключения «почетного мира» с Россией. 19 апреля 1917 г. была опубли-

¹⁰⁰ Цит. по: *Tiander K. Erwachen Osteuropas. S. 71.*

¹⁰¹ *Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. М., 1924. Т. 2. С. 10, 16.*

¹⁰² Цит. по: РГИА Ф. 1278. Оп. 10. Д. 13 Л. 14. Из перехваченных радиотелеграмм немецкой Ставки, март 1917 г.

кована резолюция съезда социал-демократической партии Германии, которая включала русскую формулу «мир без аннексий и контрибуций» в программу партии.¹⁰³

Весной 1917 г. в Германии с новой силой разгорелась дискуссия между сторонниками «согласительного мира» (*Verständigungsfrieden*) и сторонниками «мира победителей» (*Siegfrieden*). Первый вариант предполагал подписание мира с Россией без обширных аннексий. В его пользу выступал в рейхстаге Ф. Шейдеман. Отсюда, в исторической литературе указанный вариант получил название «мир Шейдемана». Второй вариант был направлен на обширные захваты на Востоке. Подобный курс отстаивало Верховное командование во главе с Паулем фон Гинденбургом и Эрихом Людендорфом, поэтому упомянутый вариант мира приобрел название «мир Гинденбурга».¹⁰⁴

Рейхсканцлер Бетман-Гольвег не был ни решительным представителем «согласительного мира», ни «мира победителей». Он пытался лавировать между требованиями военных кругов и парламентской оппозицией. Говоря о немецких военных целях, Бетман-Гольвег использовал расплывчатые формулировки о «реальных гарантиях и безопасности Германии на Востоке», которые должны были укрепить к нему доверие и «левых», и «правых», но в действительности только усиливали недоверие. Рейхсканцлер колебался, как маятник: туда — сюда. Эти колебания принесли ему прозвище «пораженец» («*Flaumacher*»)¹⁰⁵

Как подчеркивал немецкий историк И. Хюртер, деятельность Бетман-Гольвега на своем посту «была лишена ясности линии. Он избегал принятия долговременных решений и боялся последовательного проведения примата политики».¹⁰⁶ На поверхности казалось, что внешняя политика рейхсканцлера была довольно гибкой, но на самом деле ее фундаментом стала «глубокая неуверенность».

¹⁰³ *Fischer F.* Griff nach der Weltmacht. S. 271.

¹⁰⁴ См. об этом подробнее: *Pobinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi. S. 137.

¹⁰⁵ *Loth W.* Das Kaiserreich. Obrigkeitstaat und politische Mobilisierung. München, 1997. S. 146.

¹⁰⁶ *Hürter J.* Die Staatssekretäre des Auswärtigen Amtes im Ersten Weltkrieg // *Der Erste Weltkrieg.* München; Zürich, 1994. S. 233.

Рис. 3. Фельдмаршал П. фон Гинденбург.

Сам Бетман-Гольвег скорее принадлежал к умеренным немецким кругам. Но он оказался неспособным сформулировать достойную контрпрограмму в отношении далеко идущих претензий немецких военных представителей. Наоборот, в 1916 г. Бетман-Гольвег под давлением общественного мнения убедил кайзера в необходимости отставки начальника Генерального штаба Э. Фалькенгайна и назначения на этот пост П. Гинденбурга. Рейхсканцлер представил кандидатуру Гинденбурга как «последнее спасение» Германии.¹⁰⁷ Сам Вильгельм II считал Гинденбурга своим главным конкурентом в борьбе за «плебисцитарное господство над массами». Он согласился на назначение Гинденбурга, при этом пожаловался своему доверенному лицу адмиралу Г.А. Мюллеру, что это решение может означать со временем и «отречение от престола, а Гинденбург займет его место как народный трибун».¹⁰⁸ (Прогноз кайзера Вильгельма подтвердился. Вильгельм II будет вынужден в ходе Ноябрьской революции отречься от престола, а Гинденбург в 1925 г. займет кресло президента Веймарской республики).

Фигура Гинденбурга действительно была необычайно популярной в Германии. «Имя Гинденбург, — писал руководитель кайзеровского военного кабинета, — нагоняет страх на наших врагов, электризует наши войска и народ, который имеет к нему безграничное доверие».¹⁰⁹

Гинденбург в свою очередь назначил первым генерал-квартирмейстером своего помощника Э. Людендорфа, разделившего с ним славу Танненберга. В конце 1916 — начале 1917 г. эти «два неразлучных друга» (их нередко сравнивали с диоскурами) Гинденбург и Людендорф превратили Верховное командование в настоящее средоточие власти в Германии. Адмирал Г.А. Мюллер охарактеризовал сложившуюся в стране обстановку как «тихую диктатуру» военных.¹¹⁰

Первой жертвой политических изменений в Берлине стал глава внешнеполитического ведомства Германии Готлиб фон

¹⁰⁷ Loth W. Das Kaiserreich. S. 149.

¹⁰⁸ Müller G.A. Regierte der Kaiser? Göttingen, 1959. S. 200.

¹⁰⁹ Цит. по: Ritter G. Staatskunst und Kriegshandwerk. München, 1964. Bd 3. S. 227.

¹¹⁰ Müller G.A. Regierte der Kaiser? S. 189.

Рис. 4. Генерал Э. Людендорф.

Ягов. Верховное командование считало его слишком «дряхлым». ¹¹¹ В отличие от Ягова, его помощник Артур Циммерман имел репутацию сильного человека, пользовавшегося благосклонностью генерала Людендорфа и самого кайзера. Именно Циммерман после отставки Ягова в конце ноября 1916 г. возглавил немецкий МИД. ¹¹² Это была высшая точка его удивительной карьеры: впервые выходец из буржуазии, начиная с консульской службы, прошел все ступени дипломатической иерархии вплоть до главы МИД, руководство которым до сих пор являлось доменом дипломатов-дворян. Однако Циммерман проводил традиционную политику. Вообще выходцы из буржуазных кругов в кайзеровской Германии обычно имитировали поведение и образ мысли дворянства и военных, вместо того, чтобы освежить систему современными им, «буржуазными» элементами.

Циммерман не являлся мастером стратегии долгосрочных перспектив. Он был тактиком, который привык прорабатывать детали. При Циммермане внешняя политика Германии стала еще более «конфронтационной», ибо испытывала на себе усиление влияния немецких военных.

Что касается роли кайзера, то Вильгельм II, по замечанию немецкого историка Винфрида Лота, «был не в состоянии выполнять функции, дарованные ему по конституции». ¹¹³ Он не умел последовательно и систематично работать, был слабым и неуверенным в своих действиях. При этом для маскировки своей неуверенности кайзер нередко прибегал к вербальной агрессивности, что еще сильнее ударило по престижу Германии в мире. По мнению банкира М. Варбурга, «кайзер был поставлен перед задачей, до которой не дорос... Во время войны он выполнял лишь декоративную функцию». ¹¹⁴ Конечно, Вильгельм II периодически проводил время в немецкой Ставке. Но он редко вмешивался в перепалку между военным и политическим руковод-

¹¹¹ Hürter J. Die Staatssekretäre des Auswärtigen Amtes im Ersten Weltkrieg. S. 236.

¹¹² Ibid.

¹¹³ Loth W. Das Kaiserreich. S. 144.

¹¹⁴ Warburg M. Aus meinen Aufzeichnungen. New York, 1952. S. 32-33.

ством империи, быстро растерял среди тех и других свой авторитет и не часто показывался перед общественностью.¹¹⁵ «Генеральный штаб ничего мне не говорит и ни о чем у меня не спрашивает. Когда в Германии воображают, будто я руковожу войсками, то они очень ошибаются...Я пью чай, пью дрова, гуляю и узнаю время от времени, все ли осталось, как прежде»,¹¹⁶ — жаловался Вильгельм II Г.А. Мюллеру.

После Февральской революции немецкое Верховное командование настаивало на необходимости в спешном порядке начать наступление на Восточном фронте, чтобы окончательно сломить сопротивление России. Успех предстоящих операций, с точки зрения имперского руководства, можно было значительно облегчить способствуя процессу внутреннего распада Российской империи. С этой целью продолжали получать поддержку сепаратистские движения ее национальных меньшинств, в том числе и финляндское «активистское движение».

Февральская революция в России придала второе дыхание «политике революционизирования» Финляндии. 15 марта 1917 г. глава немецкого МИД А. Циммерман потребовал от Стокгольмского «активистского» центра «использовать современное положение для энергичных действий» в княжестве, заявив, что «момент для провозглашения независимости, кажется, наступил».¹¹⁷

Наряду с МИД Германии, в программу «революционизирования» Финляндии активно включилось и возглавляемое Э. фон Хюльзенем политическое отделение Генерального штаба. 20 марта 1917 г. Хюльзен обратился в МИД с просьбой поддержать ходатайство о выделении для финляндского сепаратистского движения 1 млн немецких марок.¹¹⁸ Примечательно, что эта сумма составила 1/5 часть средств, которые Статс-секретариат по иностранным делам запросил у имперского казначейства в марте 1917 г. для революционной пропаганды в России. Как показывают документы

¹¹⁵ Ibid. S. 145.

¹¹⁶ Müller G.A. Regierte der Kaiser? S. 68.

¹¹⁷ PAAA. Wk 11 c. Bd 19. Zimmermann an Lucius vom 15.03.1917.

¹¹⁸ Ibid. Bl. 104. Hülsen an AA vom 20.03.1917.

Политического архива МИД ФРГ, имперское казначейство с целью реализации этой задачи 3 апреля 1917 г. предоставило 5 млн немецких марок.¹¹⁹

24 марта 1917 г. в Берлине было подготовлено якобы одобренное кайзером заявление по «финляндскому вопросу». В нем, в частности, прозвучали следующие слова: «Немецкое правительство заинтересовано в том, чтобы Финляндия по возможности продвигалась в направлении обретения полной самостоятельности. Вследствие этого, немецкое правительство желало бы при заключении мира действовать в соответствующей обстановке для достижения этой цели. Если же какой-либо государственный союз между Россией и Финляндией сохранится, Германия готова выступить в пользу получения последней гарантий автономии».¹²⁰

На примере упомянутого документа мы вновь обнаруживаем двойственное отношение германского руководства к финляндскому сепаратизму. С одной стороны, впервые с начала войны признавался сам факт возможности государственного суверенитета Финляндии. С другой, мартовское заявление носило строго доверительный характер и нигде не было опубликовано. Его передали 27 марта 1917 г. в Стокгольм, где дипломатические представители Германии в устной форме известили «активистов» о существовании подобного заявления. Это говорит об осторожности немецких правящих кругов, их нежелании осложнять путь к возможному диалогу с Временным правительством по вопросу о сепаратном мире. Кроме того, в Берлине опасались, что открытое содействие сепаратизму национальных меньшинств Российской империи может привести к обратному процессу, при котором произойдет объединение российского общества против внешнего врага.¹²¹

Нуждается в дальнейшем прояснении также вопрос о том, действительно ли Вильгельм II подписал мартовское заявление. Немецкий историк М. Менгер, ссылаясь на финского сепаратиста Гуммеруса, указывает на одобрение упо-

¹¹⁹ Ibid. Bl. 107. AA an Staatssekretär des Reichsschatzamt vom 21.03.1917; Bl. 191 — Rödern G. an Reichsschatzamt vom 3.04.1917.

¹²⁰ Цит. по: Ibid Bl. 136. Denkschrift vom 24.03.1917.

¹²¹ Ibid. Bl. 139. Hülsen an AA vom 26.03.1917.

мянутаго документа кайзером.¹²² В то же время, по мнению финского историка Э. Кетола, распространившийся в Финляндии слух о подписании германским императором меморандума о желавии содействовать на мирных переговорах достижению Финляндией независимости, оказался ложным.¹²³

Вероятно, последнее утверждение ближе к реальности. Во-первых, воспоминания Гуммеруса не могут служить авторитетным источником по данной проблеме, т. к. их автор не знал механизма подготовки мартовского заявления. Во-вторых, при исследовании его текста, который содержится в фондах Политического архива МИД Германии, бросается в глаза его анонимный характер и отсутствие каких-либо намеков на одобрение кайзера как непосредственно в тексте, так и в ремарках к нему. Возможно, указанный документ являлся очередной уловкой Циммермана, активно заигрывавшего с финляндскими сепаратистами, что вполне вписывалось в общую канву проводимой им «политики революционизирования». Заявление имело скрытой целью направить финляндских политиков в сторону решительной борьбы с российскими властями и способствовать росту симпатий к Германии среди населения княжества. В Берлине прекрасно осознавали, что «активисты» известят своих соотечественников об одобрении Вильгельмом II стремления Финляндии к полной независимости.

Тем не менее, слух о том, что кайзер подписал данный меморандум, вероятно, оказал определенное влияние на развитие внутриполитической ситуации в княжестве. Но одновременно не следует преувеличивать его значение в той степени, в какой это делали «новые активисты». Они утверждали, будто заявление от 24 марта «существенно содействовало ориентации Финляндии в пользу решительного образа действий против России».¹²⁴ Радикализация националь-

¹²² Menger M. Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. 1917–1918. Berlin, 1974. S. 55.

¹²³ Кетола Э. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1998. № 6. С. 29.

¹²⁴ PAAA. Wk 11c. Bd 22. Bl. 22. Gummerus H. «Die Unabhängigkeitsbewegung Finnlands» vom 18.08.1917.

ных стремлений населения княжества являлась не столько продуктом внешнего давления, сколько результатом российско-финляндских противоречий и внутренней готовности финской политической элиты взять на себя ответственность за судьбу страны.

Между тем Верховное командование продолжало свой натиск на кайзера и правительство с требованием внести коррективы в стратегию военных целей Германии с учетом изменившейся ситуации в России. 23 апреля 1917 г. в Крейцнахе состоялось совещание имперского руководства, посвященное определению ближайших задач Германии в ведении войны. В результате дебатов было принято решение о продолжении наступления в Балтийском регионе. Кроме Курляндии и Литвы предполагалось завоевать территории Лифляндии, Эстляндии и Моозундских островов.¹²⁵

Это решение означало победу «военной партии» над сторонниками «согласительного мира». Рейхсканцлер Бетман-Гольвег был не удовлетворен итогами Крейцнахского совещания. Его огорчал неприкрытый аннексионизм военных кругов. У Бетман-Гольвега могли возникнуть серьезные проблемы с социал-демократической оппозицией в рейхстаге, что нарушило бы и без того хрупкий гражданский мир, установившийся в немецком обществе с начала войны. Канцлер не являлся принципиальным противником обширных захватов на Востоке. Речь шла о том, как прикрыть и обосновать эту агрессивность намерений без противоречия с пропагандируемой в течение войны «освободительной миссией немецкого рейха» по отношению к малым народам.

Выход из создавшегося положения вскоре был найден. Для того, чтобы устранить не очень симпатичные выражения «аннексия», «поправки границ» и сделать удобоваримым отщепление от России Прибалтийских провинций, рейхсканцлер предложил использовать понятия «автономия», «самостоятельное государство», «право наций на самоопределение», подразумевая под ними установление немецкого про-

¹²⁵ Weltherrschaft im Visier / Hrsg. W. Schuman. Berlin, 1975. S. 140; Fischer F. Griff nach der Weltmacht S. 290.

тектората над этими территориями.¹²⁶ Сформулированная еще в сентябре 1914 г. концепция образования между Германией и Россией пояса буферных государств получила теперь конкретные очертания.

На совещании в Крейцнахе германское руководство вновь проявило довольно прохладное отношение к просьбам финляндских «активистов» о прямой военной поддержке в виде морского десанта в княжество. Это было связано с тем, что, во-первых, для берлинских стратегов Финляндия продолжала оставаться периферийным районом. Во-вторых, прежде чем организовать высадку морского десанта в княжество, нужно было захватить в Балтийском море ряд опорных пунктов или заручиться поддержкой Швеции. Наконец, в Берлине большие надежды возлагали на собственную деятельность финляндских сепаратистов, поскольку по сравнению с движениями прибалтийских народов это движение крепче стояло на ногах. Но для того, чтобы «активисты» «не вложили мечи в ножны», им были обещаны поставки оружия.¹²⁷ В мае 1917 г. германская подводная лодка «UC 78» доставила в княжество его первую партию.¹²⁸

Еще в конце марта 1917 г. немецкое командование приняло окончательное решение о выводе 27-го егерского батальона с фронта и размещении его в Либаве. Новый учебный план предусматривал более глубокое специализированное военное образование. Особое значение придавалось подготовке офицерского и унтер-офицерского состава, чтобы финляндцы смогли бы руководить крупными воинскими подразделениями. В пользу подобного обучения ратовал новый командир батальона капитан Эдуард Аусфельд.¹²⁹

С лета 1917 г. увеличилось количество егерей, отправляемых в княжество с целью создания там шюцкора. Циммерман в одной из телеграмм генералу Людендорфу указывал: «Мы сейчас многих получивших военное образование финляндцев по возможности отправляем в Финляндию и

¹²⁶Weltherrschaft im Visier. S. 140 ; Fischer F. Griff nach der Weltmacht S. 290.

¹²⁷Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi. S. 138.

¹²⁸Luntinen P. Saksan keisarillinen laivasto Itämerellä. Helsingi, 1987. S. 130.

¹²⁹РААА. Wk. 11c. Bd 19. Bl. 194-196. Denkschrift AGL vom 31.03.1917.

поддерживаем страну в создании военной организации. Правда, о нашей помощи не должно быть известно». ¹³⁰

В этот период российская разведка Балтийского флота отмечала усиление немецкого военно-морского присутствия в восточной части Балтийского региона. Агентура Генерального морского штаба фиксировала многочисленные случаи захвата и уничтожения российских судов. Так, немецкие подлодки захватили в районе Мянтулуото пароходы «Лизи» и «Паулине», в конце июня они прорвались в северную часть Ботнического залива. ¹³¹

Провал июньского наступления Временного правительства, внутренняя нестабильность в России, снижение боеспособности ее армии и флота способствовали тому, что немецкое Верховное командование убедилось в безнаказанности расширения зоны военных захватов на Балтике. Постепенно взор немецких военных простирался все дальше на Восток — от Прибалтики к Финляндии и Украине, к ожидаемому распаду Российской империи.

Летом 1917 г. канцлер Бетман-Гольвег казался уже Верховному командованию чрезвычайно умеренным и потому неудобным. Генерал Людендорф пустил в ход против рейхсканцлера свой излюбленный козырь, пригрозив собственной отставкой. ¹³² В результате шантажа, 13 июля 1917 г. Гинденбург и Людендорф добились отставки Бетман-Гольвега. Новым канцлером стал их ставленник Георг Михаалис, заместитель главы прусского министерства финансов, прусский комиссар по продовольствию. ¹³³ Михаалис не был известен ни широкой общественности, ни лично кайзеру. Сам он с удивлением встретил предложение о назначении, но, будучи человеком ответственным, решил приложить максимум усилий, чтобы оправдать доверие военных.

9 августа 1917 г. в Крейцнахе состоялось второе совещание имперского руководства, на этот раз при участии

¹³⁰ Ibid. GrHq. Finland. Bd. 1. Zimmermann an Lersner vom 4.08.1917.

¹³¹ РГА ВМФ. Ф. 1356. Оп. 1. Д. 278. Л. 19, 35. Сводки сведений отделений Балтийского флота, июль 1917.

¹³² Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges / Hrg. W. Bihl. Darmstadt, 1991. S. 295. Dok. № 148.

¹³³ Loth W. Das Kaiserreich. S. 157.

канцлера Михаэлиса. В отношении России, военные цели Германии были сосредоточены на двух направлениях: юго-восточном — на Украину, где предполагалось использовать украинское сепаратистское движение, и северо-восточном — на Прибалтийские провинции и Финляндию.¹³⁴

На августовском совещании впервые за годы мировой войны имперское руководство посчитало целесообразным попытаться включить Великое княжество Финляндское в свою сферу влияния. С августа 1917 г. курс на отделение его от России получил официальное признание и стал составной частью программы немецких военных целей на Востоке.

Все же, в отличие от Прибалтийских провинций, материалы Крейцнахского совещания не давали конкретного ответа на вопрос: каким будет статус Финляндии в случае победы Германии и выхода княжества из состава Российской империи — немецкий протекторат или независимое государство? В Берлине на протяжении войны предпочитали рассматривать Финляндию изолированно от Прибалтийских провинций, подчеркивая при этом ее особое положение и наличие существенных предпосылок для создания внутренне самостоятельного государства. Таким образом, можно с определенной долей вероятности утверждать, что немецкие политики не отрицали возможности обретения Финляндией самостоятельности во внутренних делах. Но она была бы связана союзническими обязательствами с Германией и могла бы стать северным крылом прогерманского блока государств, так называемой «Срединной Европы».¹³⁵

¹³⁴ Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges. Dok. № 153.

¹³⁵ О проектах создания под эгидой Германии нового государственного объединения «Срединной Европы» см. подробнее: Науман Ф. Срединная Европа. Петроград, 1918; *Ерусалимский А.С.* Германский империализм: история и современность. М., 1964. С. 478; Садовая Г.М. Ф. Науман: от «промышленной демократии» к «Срединной Европе» // Первая мировая война: политика, идеология, историография. Куйбышев, 1990. С. 97–112; Греков Б.И. Вальтер Ратенау и Россия: эволюция внешнеполитических взглядов. 1914–1922 // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. С.105; Fischer F. 1) Deutsche Kriegziele. S. 225; 2) Weltmacht oder Niedergang. S. 71; Gutschke W. Mitteleuropaplanungen in Aussenpolitik des deutschen Imperialismus vor 1918 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1952. H. 5. S. 292–301.

Курс на включение княжества в немецкую сферу влияния сразу же нашел отражение на страницах немецкой прессы. Увеличилось количество статей, посвященных «финляндскому вопросу». О возможности создания при помощи Германии независимого финляндского государства писали в сентябре 1917 г. на страницах журнала «Дойче Рундschau» В. Штида и Г. Штенберг.¹³⁶

Определенную популярность приобрела идея закрытия с помощью Финляндии «окна в Европу» для России. Рихард Поле, один из защитников аннексионистской восточной политики Германии, выразил подобную мысль в короткой формуле: «Тот, кто господствует в Финляндии, может господствовать на Балтике».¹³⁷ Он представлял княжество составной частью пояса создаваемых под эгидой Германии вассальных государств, протянувшегося от Турции через Балканы, Прибалтийские провинции до Северного Ледовитого океана. При этом «молодое, культурное Финляндское государство с его первозданной природой» рассматривалось им как «поле деятельности для немецкого капитала».¹³⁸

Разумеется, журналисты обладали склонностью к преувеличению, но они часто печатали то, что публика желала прочесть или выполняли соответствующий государственный заказ. При этом показателен сам факт возрастания интереса немецкой публицистики к Финляндии.

21 августа 1917 г. «финляндский вопрос» обсуждался в Ставке Верховного командования Германии. Людендорф акцентировал внимание собравшихся на двух моментах: во-первых, он призвал не давать никаких обещаний об отправке немецких войск в княжество, т.к. Германия не имела еще абсолютного превосходства в Балтийском море. Во-вторых, он также предлагал отсрочить восстание в Финляндии, поскольку финны считали его попытку без поддержки извне и при увеличении в стране численности русских гарнизонов

¹³⁶ Stieda W. Die Engländer in Ostsee // Deutsche Rundschau. 1917. Bd 172. S. 159-174; Stenberg H. Die ugrofinnischen Völkerschaften // Deutsche Rundschau. Bd 173. S. 292-301.

¹³⁷ Цит. по: Menger M. Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. S. 36.

¹³⁸ Ibid.

безнадежной. Это, однако, не означало, что подготовку к нему нужно прекратить. Наоборот, Людендорф полагал, что ее следует продолжить и усилить с таким расчетом, «чтобы восстание стало возможным в любую минуту». ¹³⁹

В результате обсуждения было принято решение отправить в княжество очередную, более крупную партию оружия. С финской стороны следовало организовать его прием и хранение, а также предоставить лоцманов, знающих прибрежные воды. ¹⁴⁰

В конце августа 1917 г., чтобы выявить степень поддержки Германией идеи выхода Финляндии из состава Российского государства, в Стокгольм выехал Э. Ельт. Перед отъездом П.Э. Свинхувуд рекомендовал ему: «Неприменно раздобудь сюда немцев, иначе мы не станем действовать» («Hanki nyt vain saksalaiset tänne, muuten me emme tule toimeen»). ¹⁴¹ В шведской столице Ельт встретился с тайным советником МИД Германии Куртом Рицлером и сотрудниками политического отделения Генерального штаба Г. Штейнвахсом и К. Гранцем. В своих воспоминаниях профессор химии Гельсингфорского университета отметил теплое отношение немецких военных и дипломатических кругов к стремлению Финляндии отделиться от России. Единственное, что не совсем удовлетворяло Э. Ельта, не прозвучало столь желанного для «активистов» обещания немецкой высадки на Аландские острова. Представители Германии дали понять, что финляндцы должны сами приложить максимум усилий для подготовки восстания в княжестве. Германия же была готова оказать помощь оружием и отправкой егерей для организации шюцкора. ¹⁴²

В конце октября 1917 г. вышедший из Данцига немецкий транспорт «Эквитье» остановился недалеко от местечка Коккола, доставив в княжество 6 500 винтовок, 100 пулеметов, около 3 млн. патронов и другое военное снаряже-

¹³⁹ Кайеярйнен И.И. Истоки германо-финского антисоветского блока // Ученые записки Карело-Финского гос. ун-та. Вып. 1. Т. 3. 1948. С. 34.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Цит. по: Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta. S. 61.

¹⁴² Ibid. S. 58–59.

ние.¹⁴³ Примечательно, что в российских территориальных водах на борту судна красовалось название «Мир» и развевался российский революционный флаг.

26 октября 1917 г. в Германии произошла очередная смена имперского руководства. Михаэлис был отправлен в отставку. Его преемником стал 74-летний баварский премьер-министр, граф Георг фон Гертлинг. Было сформировано новое правительство, которое современники по праву называли «полупарламентским».¹⁴⁴ Новый рейхсканцлер не собирался бороться за большинство в парламенте. Он слыл противником парламентаризма. Одновременно Гертлинг выступал также и за ограничение влияния Верховного командования на принятие решений политического характера.¹⁴⁵ Однако, его объединяло с Верховным командованием желание, «довести русских до такого состояния, чтобы они, не обращая внимания на своих союзников, пошли бы на сепаратный мир».¹⁴⁶ Эта цель, по мнению Гертлинга, могла быть достигнута с помощью дальнейшей поддержки сепаратистских движений народов Российской империи, а также через «ползучую аннексию на востоке».¹⁴⁷

В целом «финляндский вопрос» в восточной политике Германии по-прежнему преломлялся сквозь призму германо-русского противостояния и рассматривался Берлином как один из факторов ослабления России. В данной связи, после Февральской революции значение Финляндии в немецких глазах заметно возросло. С августа 1917 г. Германия взяла курс на включение ее в свою сферу влияния.

¹⁴³ Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 206; Suomen vapaussota vuonna 1918. I. Helsinki, 1921, S. 289; Paasivirta J. Finland and Europe. P. 99.

¹⁴⁴ Loth W. Das Kaiserreich. S. 160.

¹⁴⁵ Центр хранения историко-документальных коллекций (далее — ЦХИДК). Ф. 1275. Оп. 5. Д. 65. Л. 50–51. Hertling G. an Wilhelm II, ohne Datum.

¹⁴⁶ Там же. Л. 103об.

¹⁴⁷ Там же. Л. 50–51. Hertling G. an Wilhelm II, ohne Datum.

2.3. Германия и проблема признания независимости Финляндии (ноябрь 1917 — январь 1918 г.)

Октябрьская революция в России придала новый импульс стремлению финляндской политической элиты к полной государственной независимости страны. События в Петрограде, по образному выражению Ю. Бломстедта, превратили ранее кооперировавшихся с российским правительством ведущих политических деятелей княжества в «сторонников независимости страны за одну ночь».¹⁴⁸ Убеждение в том, что петроградский сценарий не должен повториться в Финляндии, толкало ее правящую элиту к решительному образу действий.

9 ноября 1917 г. финляндский сейм вспомнил о статье 38 «Формы правления» 1772 г. Согласно этой статье в случае смерти короля вся власть переходила трем избираемым парламентом регентам. В Регентский совет вошли П.Э. Свинхувуд, А. Грипенберг и Ю.К. Паасикиви. Несколько запоздалое обращение за помощью к акту времен короля Густава III отражало вместе с тем ясное желание перехода к независимому от метрополии стилю правления.

Ноябрьская всеобщая стачка в Финляндии вынудила парламент изменить свое решение относительно Регентского совета. 15 ноября 1917 г. по предложению лидера Аграрного союза Сантери Алкио сейм объявил себя верховным органом власти в Финляндии. Было сформировано новое правительство во главе с П.Э. Свинхувудом, который выступал за скорейшую изоляцию княжества от революционной анархии в Петрограде и не скрывал своей прогерманской ориентации. С его санкции в Берлин выехал Э. Ельт, чтобы прозондировать перспективы немецкой поддержки выхода Финляндии из состава Российского государства.

¹⁴⁸Цит. по: *Ikonen K. J. K. Paasikiven poliittinen toiminta Suomen itsenäistymisen murrosvaiheessa. Helsinki, 1990. S. 97*; О влиянии Октябрьской революции на внутреннюю ситуацию в Финляндии см. подр.: *Соболев Г.Л. Октябрьская революция и независимость Финляндии // Россия и Финляндия. Материалы 6-го советско-финляндского симпозиума. Л., 1980. С. 20–35; Саломаа Э. Влияние Октябрьской революции на рабочее движение в Финляндии. М., 1967; Сюккяйнен И.И. Революционные события в Финляндии. Гл. 3.*

Учитывая опыт предшествующих лет, Ельт и присоединившийся к нему А. Бонсдорф отправились сначала в МИД Германии. Согласно воспоминаниям курировавшего финляндское сепаратистское движение советника МИД Р. Надольны, «активисты» обратились с просьбой содействовать провозглашению независимости Финляндии. Надольны ответил им, что об этом не может быть и речи, ибо страна, «которая желает стать полностью свободной и самостоятельной должна сама заявить о своей независимости».¹⁴⁹ Он посоветовал финляндцам решиться на такой шаг, после чего с немецкой стороны можно было ожидать поддержки.¹⁵⁰

26 ноября 1917 г. финляндская делегация была принята в немецкой Ставке в Крейцнахе. Накануне своего визита Э. Ельт отправил генералу Людендорфу доклад, в котором говорилось о «дружеской привязанности и чувстве симпатии к Германии со стороны Финляндии». По мнению Ельта, княжество «желало отделиться и его необходимо отделить от России. Тогда оно теснейшим образом примкнуло бы к Германии. Финляндия заняла бы место северного звена в цепи государств, которые Германия формирует в Европе в качестве защитного барьера против Востока».¹⁵¹ Для реализации этого плана автор обратился с просьбой о высадке немецкого морского десанта в Финляндии или на Аландских островах. Провозглашение полной государственной независимости Финляндии ставилось в зависимость от того, готова ли Германия ее признать.¹⁵²

Ответ Людендорфа прозвучал в весьма многословной форме. Его речь длилась 35 минут. Основная ее идея заключалась в том, что после подписания перемирия между Россией и Германией Финляндии следовало прямо и без всяких недоговоренностей как можно скорее сделать заявление о независимости и потребовать вывода русских войск. Ельт в своих воспоминаниях отметил факт своеобразного давления

¹⁴⁹ *Nadolny R. Mein Beitrag. Erinnerungen eines Botschaftes des Deutschen Reiches. Köln, 1935. S. 109.*

¹⁵⁰ *Ibid.*

¹⁵¹ *Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta. S. 67-68.*

¹⁵² *Ibid.*

на финскую делегацию со стороны Людендорфа в пользу скорейшего заявления о независимости.¹⁵³ В данном случае генерал обещал Финляндии дипломатическую поддержку на мирных переговорах с Россией, а также продолжение поставок немецкого оружия и содействие в возвращении на родину егерского батальона.¹⁵⁴

Ельт сразу же передал сообщение в Гельсингфорс. Трудно сказать, в какой степени оно повлияло на последующее развитие событий в княжестве. Вероятно, это известие ускорило появление Акта о государственной независимости Финляндии. Финляндцы чувствовали за своей спиной поддержку великой державы, что прибавляло их действиям решительности. Политики, стоявшие в тот период у руля управления, являлись искренними поклонниками Германской империи, и их вера в нее была тотальной. Они не задумывались над вопросом: почему генерал Людендорф торопил с провозглашением независимости? Смена тактики одного из руководителей немецкого Верховного командования, долгое время не проявлявшего особого рвения в поддержке финляндского сепаратизма, бросалась в глаза, но ее предпочли не заметить.

Материалы переписки Людендорфа показывают, что для спешки имелись существенные основания, связанные не столько с искренним сочувствием национальному освобождению финляндцев, сколько с фактором противоборства великих держав. В конце октября — начале ноября 1917 г. Верховное командование взбудоражили слухи о том, что Антанта также решила поддержать национальные стремления финляндцев и оказать давление на Россию с целью предоставления княжеству независимости.¹⁵⁵ В Берлине опасались, что в данном случае Финляндия могла оказаться в лагере стран Антанты. Необходимо было удержать ее от такого шага и прочнее привязать к Германии.

¹⁵³ Ibid. S. 72.

¹⁵⁴ *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo; Hels., 1957. S. 11; Hubatsch W. Unruhe des Nordens. Studien zur deutsch-skandinavischen Geschichte. Göttingen, 1956. S. 111.*

¹⁵⁵ PAAA. GrHq. Finnl. 1 Bd 1. L 084212. GenStab Politik an Oberste Heeresleitung (OHL) vom 25.10.1917.

В немецких военных кругах большое значение придавали также разрыву через финскую территорию связи Антанта — Россия.¹⁵⁶ Кроме того, в МИД Германии циркулировали слухи о секретных переговорах между представителями Антанты и министром иностранных дел Швеции И. Хельнером, согласно которым Швеция будто бы собиралась вступить в войну на стороне Антанты весной 1918 г.¹⁵⁷

Хотя эти слухи не подтвердились, в Берлине считали Финляндию потенциальным союзником на севере Европы и рассматривали ее в качестве возможного противовеса Швеции, в случае, если последняя скатится к проантантовскому нейтралитету, или, того хуже, вступит в войну на стороне Антанты. Добавим к этому усиление с осени 1917 г. интереса немецкого Верховного командования к северной России. По сведениям германской разведки, в Мурманске и Архангельске скопилось значительное количество военных грузов Антанты. На территории Кольского полуострова располагались ее военно-морские базы. Доступ к этим областям, в случае подписания мира с Россией, Германия могла получить только через независимую Финляндию.¹⁵⁸ Не случайно, в ходе переговоров в Брест-Литовске германская делегация выступила против установления демаркационной линии в Белом море и Северном Ледовитом океане. Она требовала, чтобы на севере России вся торговля и мореплавание осуществлялись под германским контролем, а в Мурманске находился немецкий контролер.¹⁵⁹ В связи с этим совершенно справедливо замечание К. Энкеля, согласно которому «осуществление независимости Финляндии отвечало планам немецкой великодержавной политики».¹⁶⁰

В письме главе внешнеполитического ведомства Рихарду Кюльману Э. Людендорф указал на то, что в «финляндском

¹⁵⁶ Ibid. Lucius an AA vom 5.11.1917.

¹⁵⁷ Ibid.

¹⁵⁸ Enckell C. Polittiset muistelmani. I. Porvoo-Hels., 1956. S. 155; Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 11.

¹⁵⁹ РГА ВМФ. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 75. Л. 5. Сталин И.В. Карахану Л. от 28.12.1917.

¹⁶⁰ Enckell C. Polittiset muistelmani. S. 140.

вопросе» нельзя уже ограничиваться поставками оружия и подготовкой егерского батальона. Следует продвигаться дальше, чтобы «финские господа» постоянно ощущали заинтересованность Германии в Финляндии.¹⁶¹ Отсюда, он советовал в какой-либо парламентской речи поддержать национальные устремления финляндцев к независимости. Генерал был уверен, что с российской стороны не будет оказано никакого противодействия. «Россия покорила бы Финляндию, если бы у нее были силы»,¹⁶² — полагал Людендорф.

В то время как Ельт и Бонсдорф налаживали отношения с немецким Верховным командованием, профессор Эрих подготовил в Берлине меморандум для своих земляков, где попытался обосновать право Финляндии на независимость. По его мнению, поскольку Россия скатилась в состояние анархии, она не могла больше осуществлять в какой-либо форме управление княжеством. К тому же у нее не было правительства, признанного как за границей, так и внутри страны. Эрих предлагал воспользоваться ситуацией, пока у власти в Петрограде находились большевики. Он считал, что если финляндский сейм объявит о независимости Финляндии, то германское правительство признает ее в качестве самостоятельного государства.¹⁶³

После того, как начались советско-германские переговоры о перемирии А. Бонсдорф отправил радиogramму П.Э. Свинхувуду: «Безусловно необходимо немедленное объявление независимости».¹⁶⁴

4 декабря 1917 г. Свинхувуд внес на рассмотрение сената проект об объявлении Финляндии независимой республикой. Он выразил надежду, что русский народ и его Учредительное собрание не станут препятствовать стремлению Финляндии «занять место среди свободных и независимых наций».¹⁶⁵

Спустя два дня, 6 декабря 1917 г. свое отношение к Декларации независимости высказал финляндский парла-

¹⁶¹ PAAA. GrHq. Bd 1. L 084216. Ludendorff an Kühlman P. vom 13.11.1917.

¹⁶² Ibid.

¹⁶³ *Enchell C. Polittiset muistelmani. S. 157–159; Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 14.*

¹⁶⁴ Цит. по: *Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии. С. 19.*

¹⁶⁵ *Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. S. 2.*

мент. Против ее провозглашения никто не возражал. Разногласия возникли из-за того, что буржуазные фракции в проекте резолюции ни словом не обмолвились о том, что независимость должна быть достигнута по соглашению с Россией, тогда как социал-демократы подчеркивали важность данного условия. В итоге был принят проект буржуазных партий — 100 голосами против 88.¹⁶⁶ Таким образом, сейм взял за основу установку на то, чтобы добиться выхода Финляндии из состава России без обращения к ее правительству.

После провозглашения Финляндией независимости перед ее правительством встал комплекс сложных задач: подготовка проекта новой конституции страны, удаление русских войск, доставка продовольствия из-за границы. Причем, все они так или иначе вращались вокруг проблемы международного признания независимости бывшего княжества Российской империи. Суверенитет Финляндии оставался призрачным до тех пор, пока его не признало ни одно государство. Финляндский сенат обратился с просьбой о признании к правительствам ряда стран, в том числе и к таким отдаленным, как Венесуэла, Уругвай, Бразилия, Аргентина, Иран. С этой же целью были отправлены правительственные делегации в Скандинавию (сенаторы А. Грипенберг, Ю.К. Паасикиви и Х.Г. Палохеймо), в страны Антанты (Р. Холсти, Л. Килман и Е. Вольф), в Германии упомянутую задачу выполняли «активисты» Ельт, Эрих и Сарис.¹⁶⁷ Обошли лишь Россию, в состав которой Финляндия формально еще входила.

Знатоками ситуации в Петрограде считали в Финляндии К. Энкеля и сменившего его на посту министра статс-секретаря К.Г. Идмана. Ссылаясь на пример Польши, Энкель советовал избегать любых отношений с правительством большевиков. Обращение сената к Совету Народных Комиссаров, по его мнению, означало бы признание этого правительства и способствовало его укреплению. Кроме того, Энкель полагал, что такой шаг препятствовал бы признанию независи-

¹⁶⁶Ibid. S. 4.

¹⁶⁷Ibid. S. 5, 6, 12-13; *Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta*. S. 75.

мости Финляндии со стороны других держав, не признававших большевистское правительство.¹⁶⁸

Более реалистично оценивал ситуацию в Петрограде К.Г. Идман. Он считал, что неразумно ломать отношения с Россией, где власть действительно находилась в руках большевиков. Идман не ожидал от Учредительного собрания ничего хорошего для Финляндии, т. к. большинство депутатов, избранных в него, были эсерами, выступавшими за широкую автономию княжества в рамках Российского государства. Поэтому он полагал целесообразным вести диалог с большевиками, что на деле еще не означало дальнейшего сотрудничества с ними или поддержки их режима.¹⁶⁹

П.Э. Свинхувуд отдал свои симпатии точке зрения К. Энкеля. В нотах иностранным государствам глава финляндского сената вполне логично объяснял бездействие в восточном направлении тем, что в России отсутствовало правительство, признанное как внутри страны, так и за границей.¹⁷⁰

8 декабря 1917 г. Ю.К. Паасикиви и А. Тернгрэн были приняты премьер-министром Швеции Нильсом Эденом. Сообщение о провозглашении Финляндией независимости было для него неожиданным, и Эден отнесся к этой идее с явным сомнением. Он заявил, что шведское правительство займет выжидательную позицию, пока не станет ясно, способна ли Финляндия осуществить свою самостоятельность на практике.¹⁷¹ Одновременно в Стокгольме решили сделать запрос великим державам об отношении их к финляндской независимости. Шведский министр иностранных дел И. Хельнер поручил дипломатическим представителям в Берлине, Лондоне и Париже провести соответствующий зондаж. Из Берлина, в частности, пришел следующий ответ: «Мы симпати-

¹⁶⁸ *Paasivirta J. Suomi vuonna 1918. Porvoo-Hels., 1957. S. 26; Kallenautillo J. Suomi katsoi eteensa. Hels., 1985. S. 14–15.*

¹⁶⁹ *Idman K.G. Maamme itsenäistymisen vuosilta. S. 202, 208.*

¹⁷⁰ *Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. S. 6.*

¹⁷¹ *Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии. С. 25; Polvinen T., Heikkilä H., Immonen K. J.K. Paasikivi. Valtiomiehen elämäntyö. 1870–1918. I. Porvoo; Hels.; Juvä, 1989. S. 328.*

зируем Финляндии, но, принимая во внимание переговоры с Россией, должны проявлять осторожность».¹⁷²

Уполномоченные финляндского правительства отправились также в Данию и Норвегию. Везде их любезно встречали, но независимость Финляндии нигде не признали. Закончилась провалом также миссия финляндской делегации в страны Антанты. Там полагали, что Финляндия находится под влиянием Германии и ожидали от нее соответствующих шагов, опровергавших подобное суждение.¹⁷³

В обстановке дипломатической изоляции особые надежды финляндский сенат возлагал на Германию. 7 декабря 1917 г. Э. Ельт отправил послания Э. фон Хюльзену, 13 декабря — рейхсканцлеру Гертлингу, в которых обратился с просьбой о признании независимости Финляндии и содействии ее утверждению в ходе Брест-Литовских мирных переговоров.¹⁷⁴

Германское руководство, при всей своей заинтересованности в отделении Финляндии от России, оказалось не готовым выполнить свои обещания до тех пор, пока вопрос о признании не будет решен правительством В.И. Ленина. В Берлине опасались, что если Германия сделает это раньше, чем Петроград, то появятся препятствия для заключения сепаратного мира с Россией. Верховное командование планировало крупное наступление на Западном фронте, поэтому мир на Востоке был для него крайне необходим. В данной связи, одному из финляндских представителей (Вильгельму Теслеву) в германском МИД заявили, что «никакое немецкое правительство не могло бы в этот момент поставить на карту ради Финляндии мир с Россией».¹⁷⁵ Таким образом, в Берлине финляндская делегация также не получила положительного ответа.

Предварительно немецкие дипломаты решили выяснить позицию большевиков по вопросу о независимости Финляндии. Находившемуся в Брест-Литовске немецкому диплома-

¹⁷²РААА. GrHq. Bd 1. L 084236/37. AA an Lersner vom 19.02.1917.

¹⁷³См. подр.: *Holsti K. Suomen ulkopoliittikka etsimäässä vuosina 1918-1922.* Rudolf Holstin osuus. Hels., 1963. S. 15-18.

¹⁷⁴РААА. GrHq. Bd 1. L 084239/40. Hjelt E. an Hertling G. vom 13.12.1917.

¹⁷⁵Цит. по: *Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии.* С. 30.

тическому посланнику Ф. Розенбергу было поручено осторожно выяснить мнение российской стороны. 14 декабря он телеграфировал в Берлин о разговоре с главой советской делегации А.А. Иоффе. Последний в частной беседе заявил, что российское правительство не будет чинить препятствий независимости Финляндии. «Я спросил у господина Иоффе, — писал немецкий дипломат, — что бы он сделал на месте Германии, если бы Финляндия сообщила нам о своей независимости и попросила бы признать ее. Господин Иоффе ответил, что пока еще соглашение о мире висит в воздухе; наше признание, по его мнению, должно зависеть от предварительного соглашения между правительствами России и Финляндии».¹⁷⁶ После разговора с Иоффе, Розенберг посоветовал рекомендовать финляндцам обратиться сначала к российскому правительству.

В последующие дни немецкие дипломаты подтвердили готовность правительства большевиков признать независимость Финляндии. Г. Люциус и К. Рицлер передали в Берлин заявление В. Воровского о том, что его правительство без сомнения должно признать полную самостоятельность Финляндии.¹⁷⁷

21 декабря 1917 г. в Берлине была получена очередная телеграмма Ф. Розенберга из Брест-Литовска. В ней сообщалось, что нарком иностранных дел России Л. Троцкий подтвердил готовность российского правительства немедленно признать самостоятельность Финляндии, «как только финское правительство обратится с просьбой об этом».¹⁷⁸

В зарубежной исторической литературе долгое время господствовала концепция «немецкого давления» на правительство большевиков. Согласно этой концепции Финляндия была обязана признанием своей независимости нажиму Германии на российское правительство в ходе Брест-Литовских переговоров.¹⁷⁹

¹⁷⁶РААА. GrHq. L 084234/35. Busche an Ludendorff vom 15.12.1917.

¹⁷⁷Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 21.

¹⁷⁸РААА. GrHq. Bd 1. L 084249/50. Busche an Lersner vom 24.12.1917.

¹⁷⁹Hubatsch W. Unruhe des Nordens. S. 90; *Aspelmeier D.* Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege. Hamburg, 1967 S. 30; *Smith C.J.* Finland and the Russian Revolution. 1917-1922. Univ. of Geogia Press, 1958. P. 29.

Наиболее серьезная ее критика была предпринята в 1957 г. финским историком Юрьё Нурмио. На основе материалов германского МИД он пришел к выводу о несоответствии действительности утверждения о том, будто Германия оказывала давление на советское правительство, чтобы заставить его признать независимость Финляндии.¹⁸⁰

Переписка заместителя министра иностранных дел Германии Х. фон дер Буше, содержащаяся в Политическом архиве МИД ФРГ, также опровергает концепцию немецкого давления на правительство большевиков.¹⁸¹ Тот зондаж, который немецкая делегация осуществляла в ходе Брест-Литовских переговоров, трудно назвать давлением. Розенберг ни разу не обмолвился о каком-либо упрямстве российской стороны, ее нежелании признать независимость Финляндии. Немецкие представители также вели себя крайне осторожно, выясняя мнение своих партнеров по переговорам в частных беседах. Дружеские отношения между двумя делегациями описывает в своей биографии и Л. Троцкий.¹⁸² С большевиками советовались, выясняли их мнение по «финляндскому вопросу», но не оказывали давление.

В данной связи, возникает вполне законный вопрос — почему финляндские представители в Берлине распространили слух о немецком давлении на большевиков? Ответ мы обнаруживаем в переписке Х. фон дер Буше и Верховного командования. После того, как Розенберг получил подтверждение Троцкого о намерениях советского правительства, фон дер Буше дал указание своим сотрудникам: «Необходимы только быстрые и энергичные действия финляндцев для того, чтобы получить у российского правительства признание независимости».¹⁸³ Он просил сообщить Ельту о результатах предварительного зондажа в Брест-Литовске «при одновременном подчеркивании больших усилий Германии для финского дела, которые она предпринимает».¹⁸⁴

¹⁸⁰ Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 39, 45-48.

¹⁸¹ PAAA. GrHq. Finnl. 1. Bd 1.

¹⁸² Trotzki L. Mein Leben. Versuch einer Autobiografie. Berlin, 1930. S. 347-350.

¹⁸³ PAAA. GrHq. Bd 1. L 084249/50. Busche an Lersner vom 24.12.1917.

¹⁸⁴ Ibid.

Германское руководство стремилось продемонстрировать свои особые заслуги в обретении Финляндией независимости, чтобы пробудить в финляндском обществе искренние симпатии к Германии и тем самым постепенно включить Финляндию на основе принципа добровольности в блок прогермански ориентированных государств. Поэтому в процессе передачи упомянутой рекомендации фон дер Буше «подчеркивание больших усилий Германии», вероятно, превратилось в «немецкое давление на большевиков».

Финляндские «активисты» также имели определенное отношение к этой трансформации. Из бесед с немецкими представителями у Ельта возникло ощущение, что сотрудники с Вильгельмштрассе оказали нажим на советскую делегацию в нужном для Финляндии направлении, о чем он незамедлительно проинформировал Свинхувуда.¹⁸⁵

Добавим к этому недоверие политической элиты Финляндии к заявлениям большевиков, тем более что вмешательство расположенного в Финляндии российского Областного комитета во внутренние дела бывшего княжества Российской империи не прекратилось.¹⁸⁶ Это обстоятельство приводило к тому, что в Финляндии не ощущали принципиальных различий между финляндской политикой В.И. Ленина и его предшественников. К примеру, на страницах младофинской газеты «Ууси Пяйvä» утверждалось: «Мы не видим большой разницы между империалистами, опирающимися на царские штыки и империалистами, вооруженными штыками Ленина».¹⁸⁷

Многим политическим деятелям Финляндии было не понятно — почему все-таки большевики заявляли о своей решимости признать независимость страны. Напрашивался вполне объяснимый ответ: Германия, поддерживающая в течение войны освободительные движения национальных меньшинств Российской империи, «вынудила» правительство Ленина пойти на подобную уступку.

¹⁸⁵Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. S. 37, 51.

¹⁸⁶РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 617. Л. 9-9об. Обзор финской прессы, декабрь 1917; *Свечников М.С.* Революция и гражданская война в Финляндии. 1917-1918. М.; Пг., 1923. С. 26.

¹⁸⁷РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 617. Л. 9-9об. «Uusi Päivä» от 15.12.1917.

В итоге, стараниями немецкой дипломатии и финляндских «активистов» родилась концепция немецкого давления на правительство большевиков. Принимая во внимание материалы Политического архива МИД ФРГ, убедительнее выглядит предположение о немецком давлении на финское, а не на российское правительство.

Р. Надольны в своих воспоминаниях утверждал, что использовал возможность «сделать Финляндию свободной». Каким образом ему это удалось? Когда к Надольны обратилась финляндская делегация с просьбой о признании независимости своей страны, он весьма категорично отказал ей и недвусмысленно заявил: «Сначала вас должна признать Москва, тогда вы действительно будете свободными».¹⁸⁸

В Берлине считали дело срочным, поскольку не было уверенности в том, что большевики удержат власть в своих руках. В связи с этим, глава МИД Германии Кюльман отправил Г. Люциусу телеграмму, чтобы финляндские представители поторопились с обращением к российскому правительству.¹⁸⁹

23 декабря 1917 г. Ельт после бесед с немецкими дипломатами направил Свинхувуду сообщение, что Германия готова признать независимость страны, но сначала следует получить это признание у российского правительства.¹⁹⁰

Спустя три дня, 26 декабря финляндская делегация встретилась с сотрудником немецкого МИД Оскаром Траутманом, который повторил результаты германского зондажа в Брест-Литовске и заметил, что «все зависит от того, когда Финляндия обратится к советскому правительству».¹⁹¹

Наконец, 27 декабря Э. Ельт был принят рейхсканцлером Гертлингом, который заверил, что у Германии не имеется препятствий для признания финляндской независимости, но следует сначала обратиться к России.¹⁹² После аудиенции у Гертлинга Ельт вновь отправил телеграмму Свинхувуду о

¹⁸⁸ *Nadolny R. Mein Beitrag. S. 109.*

¹⁸⁹ *Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии. С. 30; Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 30.*

¹⁹⁰ *Suomen itsenäistyden tunnustaminen. S. 37.*

¹⁹¹ *Ibid. S. 52; Hjelt E. Vaiherikkailta vuosilta. S. 77.*

¹⁹² *Hjelt E. Vaiherikkailta vuosilta. S. 80.*

безусловной необходимости обращения к правительству большевиков.¹⁹³

Когда 28 декабря 1917 г. шведские газеты напечатали сообщение о том, что финляндское правительство намерено обратиться с просьбой о признании независимости Финляндии к российскому Учредительному собранию, германский посланник в Стокгольме Г. Люциус немедленно потребовал от финского представителя в Скандинавии Грипенберга разъяснений. При этом он подчеркнул, что «такое небрежное отношение к делу заслуживает крайнего осуждения, ибо неизвестно, как долго будут находиться у руля теперешние правители России... Всю ответственность за возможную неудачу должна будет нести Финляндия. Мы (германское правительство. — И.Н.) в своем сочувствии (Финляндии. — И.Н.) дошли до предела».¹⁹⁴

29 декабря 1917 г. финляндские представители в Берлине отправили в Гельсингфорс очередную телеграмму. В ней, в частности, говорилось: «На основе полученных нами в МИД сведений убедительно просим сделать правительству России предложение относительно признания независимости».¹⁹⁵

Таким образом, вышеупомянутые примеры наглядно демонстрируют немецкое давление на правящую элиту Финляндии с требованием обращения к правительству большевиков с просьбой о признании независимости. Оказал ли влияние этот нажим Германии на решение финляндского сената искать признание в «восточном направлении»? Опираясь на воспоминания Ельта, лидер правого крыла финской социал-демократии Вяйне Таннер утверждал, что «влияние Германии было значительным. Именно по предложению германского правительства правительство Свинхувуда обратилось с просьбой о признании к Советскому правительству». Таннер особо отметил значение телеграммы Ельта от 27 декабря, отправленной после аудиенции с рейхсканцлером Гертингом.¹⁹⁶

¹⁹³ Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. S. 39; Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 30.

¹⁹⁴ Цит. по: Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии. С. 31.

¹⁹⁵ Hjelt E. Vaiherikkailta vuosilta. S. 81.

¹⁹⁶ Tanner V. Kuinka se oikein tapahtui. Helsingi, 1949. S. 234-239.

К. Энкель, напротив, полагал, что Таннер преувеличил значение германских рекомендаций. По мнению Энкеля, прежде чем информация Ельта достигла Гельсингфорса, Свинхувуд уже принял решение о делегировании в Петроград финляндских представителей для встречи в В.И. Лениным.¹⁹⁷

Следует заметить, что Э. Ельт, как и другие представители Финляндии за границей еще до 27 декабря сообщали о позиции Германии по вопросу о признании независимости. Подобные известия могли достичь Гельсингфорса ранее принятия окончательного решения об обращении к правительству большевиков.¹⁹⁸ Поэтому точка зрения В. Таннера, вероятно, выглядит более убедительно.

Уступая нажиму со стороны Германии и понимая, что вопрос о признании независимости невозможно решить, минуя Петроград, финское правительство было вынуждено обратиться к правительству В.И. Ленина. По словам германского посланника в Дании У. Брокдорф-Ранцау, приехавший в Копенгаген представитель финского правительства в Скандинавии А.Грипенберг заметил: «Нам ведь было приказано прежде всего договориться с русскими; нам нужно следовать этому указанию, хотя к большевикам мы не испытываем симпатии».¹⁹⁹

29 декабря 1917 г., после встречи Энкеля и Идмана с Лениным, финский сенат одобрил обращение к советскому правительству. Делегация в составе Свинхувуда, Энкеля и Идмана выехала в Петроград. 31 декабря главе финского правительства вручили постановление СНК о признании независимости Финляндии. 4 января 1918 г. это постановление ратифицировал ВЦИК.²⁰⁰

¹⁹⁷ *Enckell C. Polittiset muistelmani. S. 168.*

¹⁹⁸ *Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. S. 37, 51.*

¹⁹⁹ Цит. по: *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 33.*

²⁰⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 71; О признании СНК независимости Финляндии см. подр.: *Соболев Г.Л. Октябрьская революция и независимость Финляндии. С. 20–35; Idman K.G. Maamme itsenäistymisen vuosisilta. S. 208; Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 35; Ketola E. Die Anerkennung der finnischen Unabhängigkeit durch Sowjet-Russland im Jahre 1918 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden: Stuttgart, 1989. ? 37. S. 45–64.*

Финляндская делегация не ожидала столь быстрого разрешения проблемы. В интервью газете «Хуфвудстадбладет» П.Э. Свинхувуд отметил, что «быстрое решение советским правительством вопроса о независимости Финляндии явилось для него сюрпризом». ²⁰¹ Впоследствии К.Г. Идман писал, что в тот момент члены финляндской делегации испытывали искреннюю благодарность к Ленину и его правительству. ²⁰²

В исторической литературе существует множество вариантов объяснения того, почему большевики так легко решились на признание независимости Финляндии. Так, финский историк Й. Калленауттио объясняет это следующими причинами: во-первых, обращение финского сената к СНК означало фактическое признание Финляндией не признанного другими державами правительства В.И.Ленина. Во-вторых, право наций на самоопределение, с точки зрения большевиков, являлось одним из средств борьбы за социализм, т. е. признание финляндской независимости рассматривалось большевиками в качестве предпосылки для распространения революции на территорию Финляндии. Наконец, скрывавшиеся от преследований царской охранки российские революционеры находили в свое время убежище именно в Финляндии. Поэтому они были благодарны Финляндии и полагали, что она «заработала право на самостоятельность». ²⁰³

В этот период финляндские газеты изменили антирусский тон своих выступлений. В данной связи показательные метаморфозы произошли с младофинской газетой «Ууси Пяйвя». Так, в середине декабря она называла Ленина и большевиков «империалистами». ²⁰⁴ После признания независимости на ее страницах нашлось даже несколько добрых слов в их адрес: «Что бы ни говорили о большевизме, он, во всяком случае, отличается редким качеством. Большевики делают то, что говорят». В заключение в статье было сказано, что финляндцы отделяются теперь от России «не для того,

²⁰¹ *Холодковский В.М.* Революция 1918 г. в Финляндии. С. 38.

²⁰² *Idman K.G.* Maamme itsenäistymisen vuosilta. S. 208.

²⁰³ *Kallenauttio J.* Suomi katsoi eteensa. S. 22–23.

²⁰⁴ РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 617. Л. 2. Uusi Päivä. 10.15.1917.

чтобы свободно ненавидеть ее, а для того, чтобы свободно любить ее». ²⁰⁵

Таким образом, Финляндия и Россия приобрели потенциальную возможность построить двусторонние отношения на основе равноправия и взаимопонимания. Но этот шанс был упущен. Исторические исследования советского периода обладали склонностью идеализировать ленинскую национальную политику и перекладывать ответственность за дальнейшую конфронтацию на финскую сторону. ²⁰⁶

В то же время, финские историки предпочитали обвинять в упущенных возможностях только правительство В.И. Ленина. В частности, справедливо отмечалось промедление, которое допускали российские органы власти в формировании совместной комиссии для осуществления практических мер по отделению Финляндии, затягивание вывода с ее территории русских войск. ²⁰⁷ При этом с финской стороны нередко также отсутствовало желание разобраться в причинах подобных действий большевиков. Если же такие попытки предпринимались, то они обычно сводились к идеологическому фактору. К примеру, на основе работ В.И. Ленина и материалов III съезда Советов финский историк Э. Кетола сделал вывод о том, что В.И. Ленин не собирался всерьез предоставлять Финляндии независимость. Лидер большевиков считал ее отделение временным явлением и возлагал большие надежды на то, что признание независимости ослабит чувство национального единства между буржуазией и пролетариатом Финляндии. Тем самым разрушится последнее препятствие на пути распространения на территорию Финляндии социалистической революции. В таком случае Финляндия оказалась бы в новом «революционном» объединении с Россией. ²⁰⁸

²⁰⁵ Цит. по: *Холодковский В.М.* Революция 1918 г. в Финляндии. С. 38.

²⁰⁶ См., напр.: *Ихалайнен П.И.* Из истории советско-финляндских отношений. С. 71; *Коронен М.М.* Советско-финляндские отношения — пример мирного сосуществования. Л., 1960. С. 6.

²⁰⁷ *Polvinen T.* Venäjän vallankumous ja Suomi. S. 190–191; *Ketola E.* Die Anerkennung der finnischen Unabhängigkeit. S. 50; *Rasila V., Jutikkala E., Kuhla K.* Suomen poliittinen historia. S. 84; *Enckell C.* Polittiset muistelmani. S. 234.

²⁰⁸ *Ketola E.* Die Anerkennung der finnischen Unabhängigkeit. S. 49, 57.

Не умаляя значения теории мировой революции в позиции большевиков, все же следует заметить, что последние не являлись только лишь революционерами-мечтателями. Они прекрасно осознавали, что независимая Финляндия вскоре перешла бы под контроль Берлина.

Финляндия оказалась в центре борьбы за сферы влияния между революционной Россией и кайзеровской Германией. Большевики воспринимали ее территорию, по образному выражению Г. Зиновьева, как «окно русской революции в Европу».²⁰⁹ Германия же отвела Финляндии роль «северного форпоста Срединной Европы», с помощью которого можно было держать под угрозой Петроград. Поэтому она также не бездействовала, оказывая помощь в организации и вооружении финской армии.²¹⁰

Принимая во внимание тот факт, что мир с Германией еще не был заключен, вполне объяснимы опасения российского правительства в том, что на финскую территорию может последовать введение германских войск и их дальнейшее наступление на Петроград. Причем, эти опасения разделяли не только большевики, но и многие военные специалисты, которых трудно было заподозрить в симпатиях к большевизму.²¹¹

Хотя Ленин рассматривал право наций на самоопределение как средство объединения пролетариата разных стран, толерантность его национальной политики в «финляндском вопросе» явно контрастировала с политикой предшествовавших российских правительств. Признание со стороны СНК независимости Финляндии имело решающее значение для признания ее другими странами, тем самым способствовало укреплению позиций правительства Свинхувуда.

4 января 1918 г. суверенитет Финляндии признала Швеция. Германия решила на подобный шаг спустя два дня — 6 января. Гертлинг объяснял немецкое промедление тем, что

²⁰⁹Ibid. S. 54.

²¹⁰См. подр.: *Luntinen P. Saksan keisarillinen laivasto Itämerellä.* S. 180.

²¹¹РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 32. Л. 91. П. Крузенштерн в Центробалт, 17.01.1918; Д. 38. Л. 44. Командир 42-го корпуса в штаб сухопутных войск, 22.01.1918.

кайзер подписал документ о признании еще 4 января, но пришлось подождать, когда независимость Финляндии будет признана ее ближайшей соседкой Швецией.²¹²

Осторожность Германии была настолько очевидной, что ее опередили такие страны, как Франция и Греция. Тем не менее, это не помешало финской прессе представить дело так, будто достижением независимости Финляндия обязана именно Германии. 14 января 1918 г. на страницах «Ууси Пяйвя» была опубликована статья, в которой утверждалось: «Блестящие победы Германии... спасли не только Финляндию, но и множество других народов. Мы должны приветствовать в лице Германии поддержку и опору западного общественного порядка».²¹³ В финской прессе открыто тратировались противники прогерманской ориентации страны.

С другой стороны, в Германии вышло в свет множество восторженных статей по поводу появления на международной арене нового государства. Причем не обошлось и без подчеркивания особых заслуг Берлина в достижении Финляндией независимости. Встречались даже такие утверждения, будто именно Германия первая признала независимость Финляндской республики.²¹⁴

Такого рода статьи охотно перепечатывались финляндскими изданиями и способствовали формированию особого по отношению к Германии микроклимата. Именно германский рейх финляндская политическая элита считала реальным защитником от большевистской России. Шведский журналист А. Молин довольно точно подметил мироощущение некоторых политиков независимой Финляндии: «Путь Финляндии ведет теперь к Германии, как к единственному государству, у которого Финляндия может застраховать свою свободу от новой русской бури и наводнения».²¹⁵

²¹²Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. S. 54.

²¹³РГА ВМФ. Ф. р-342. Оп. 1. Д. 617. Л. 24об. Uusi Päivä. 14.01.1918.

²¹⁴Там же. Ф. 418. Оп. 1. Д. 3175. Л. 9-11. Обзор немецкой прессы, январь 1918.

²¹⁵Цит. по: Helsingin Sanomat. 25.01.1918.

Глава 3. ГЕРМАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ФИНЛЯНДСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (ЯНВАРЬ—НОЯБРЬ 1918 Г.)

3.1. Германия, Швеция и проблема внешнеполитической ориентации Финляндии

После признания независимости Финляндии Россией, Германией, Францией, Швецией и другими странами перед «новорожденным» государством встал вопрос о его внешнеполитической ориентации. В связи с этим, среди финляндской политической элиты господствующими стали три направления: прогерманское, скандинавское и проантантовское.

Сторонниками первого направления являлись не только «активисты». В начале 1918 г. за союз с Германией выступали консервативно настроенные круги населения, опасавшиеся «повторного завоевания» Финляндии Россией и уверенные в победе Германии в мировой войне.¹

Приверженцы второго направления выступали за тесное сотрудничество со Швецией. Эту идею разделяли преимущественно шведоязычные политики, опасавшиеся всплеска финского национализма.²

Третье направление объединяло в своих рядах либеральные круги населения, возлагавшие свои надежды на победу в войне стран Антанты. Его лидерами являлись сотрудники крупнейшей газеты Финляндии «Хельсингин Саномат» Э. Эркко, К. Столберг и Р. Холсти.³

Представители скандинавского и проантантовского течений были солидарны в том, что Финляндия должна придерживаться политики нейтралитета, благоприятствующей, по

¹ *Paastivirta J. Suomi vuonna 1918. Porvoo; Hels., 1957. S. 37.*

² *Holsti K. Suomen ulkopoliitiikka etsimässä vuosina 1918—1922. Hels., 1963. S. 14.*

³ *Ibid.*

их мнению, признанию независимости страны со стороны Великобритании и США.

В начале января 1918 г. вопрос о внешнеполитической ориентации страны вызывал оживленные дискуссии. Прошло более месяца с момента провозглашения Финляндией независимости, но еще не было создано Министерство иностранных дел. Независимое государство имело в своем распоряжении образованное и профессиональное чиновничество, но отсутствовали работники с опытом внешнеполитической деятельности. В период финляндской автономии отношения с другими государствами осуществлялись под присмотром России. Теперь Финляндия стояла перед необходимостью самой формировать и проводить внешнюю политику, что для малой страны в обстановке мировой войны, при господстве в международных отношениях того периода принципа силы, а также отсутствия внешнеполитического опыта представляло необыкновенно сложную проблему. К тому же фактический глава государства П.Э. Свинхувуд, как указывал финский историк Л. Пунтила, «не обладал внешнеполитическим мышлением, смутно представлял мировую политику, а его натура не отличалась дипломатичностью».⁴

10 января 1918 г. была образована канцелярия МИД во главе с сенатором Х. Раутапяя. При этом главу внешнеполитического ведомства так и не назначили. Среди кандидатов на этот пост фигурировали К. Энкель, Ю.К. Паасикиви, Э. Неванлинна, Э. Ельт, Р. Эрих и С. Сарно.⁵ Как известно, три последних деятеля являлись сторонниками прогерманской ориентации страны. Свинхувуд проявлял симпатии именно этим политикам. Однако он опасался того, что назначение «активиста» руководителем МИД будет препятствовать признанию независимости Финляндии со стороны Великобритании и США. После долгих колебаний Свинхувуд назначил своим помощником по вопросам внешней политики представителя умеренных кругов Карла Энкеля. В то же время, германофилы Эдвард Ельт и Алексис Грипенберг были

⁴ Puntilla L.A. Die politische Geschichte Finnlands. 1809-1977. Helsinki, 1992. S. 121.

⁵ Paasivirta J. Suomi vuonna 1918. S. 44-45.

назначены посланниками в Берлин и Стокгольм. Причем, Ельт получил специальные бланки за подписью главы государства, которые давали ему право в экстремальных ситуациях принимать важнейшие решения без предварительного одобрения финского правительства.⁶

В январе 1918 г. многие члены правительства полагали, что у Финляндии имелась возможность стать нейтральным государством. Еще 8 января 1918 г. на заседании парламента П.Э. Свинхувуд подчеркнул, что целью молодого государства является установление хороших отношений со всеми странами на основе полного нейтралитета.⁷ Эта идея вдохновляла финскую элиту, т.к. перед глазами стоял пример Швеции, успешно отстаивающей политику нейтралитета в годы Первой мировой войны.

В середине января 1918 г. сведения о возможности провозглашения Финляндией нейтралитета дошли до германской столицы. 19 января опасения по этому поводу высказал начальник политического отделения Генерального штаба Эрнст фон Хюльзен. По его мнению, объявление Финляндии о своем нейтралитете было сопряжено с большим риском, поскольку у страны отсутствовали вооруженные силы, способные его отстоять. Кроме того, в случае провозглашения нейтралитета Финляндия осталась бы без немецкой поддержки в борьбе против «красной тирании».⁸

21 января 1918 г. свое отношение к финляндскому нейтралитету высказал генерал Людендорф. Он принимал возможность провозглашения Финляндией нейтралитета лишь в том случае, если страна будет в состоянии самостоятельно освободиться от российских войск и препятствовать транзиту через свою территорию грузов Антанты. Генерал указал, что с военной точки зрения Германия не заинтересована в финляндском нейтралитете. Поэтому он торопил немецкий МИД заключить с Финляндией военные и экономические догово-

⁶ *Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta. Muistelmia. II. Hels., 1919. S. 75.*

⁷ *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo; Hels., 1957. S. 60; Holsti K. Suomen ulkopoliitikka etsimässä. S. 14.*

⁸ *Suomen Vapaussota. II. S. 14-15; Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 14.*

ры, которые гарантировали бы Германии определенные преимущества в этой стране.⁹

В конце января 1918 г. А. Грипенберг по поручению финского правительства обратился к немецкому посланнику в Швеции Люциусу с запросом об отношении МИД Германии к возможному провозглашению Финляндией нейтралитета. Люциус, подобно Хюльзену и Людендорфу, высказал сомнения в целесообразности данного шага.¹⁰

Таким образом, Верховное командование и немецкий МИД проявили редкое единодушие, осудив провозглашение Финляндией нейтралитета.

Вскоре вопрос о нейтралитете был оттеснен более неотложными проблемами. В Финляндии разгорелась гражданская война. В тот период в стране существовало три военных организации: шюцкор, численность которого была примерно 38 тыс. человек, финская красная гвардия численностью в 30 тыс. человек и русские войска — примерно 40 тыс. человек.¹¹ 8 января 1918 г. отряды финской красной гвардии заняли бывшую резиденцию российских генерал-губернаторов в Гельсингфорсе, которую по Петроградскому образцу стали именовать «Смольным». На следующий день финское правительство обратилось к парламенту с просьбой предоставить ему чрезвычайные полномочия для «восстановления порядка в стране». 12 января большинство парламента одобрило указанное предложение. На практике это означало объявление шюцкора правительственными войсками. Спустя четыре дня, 16 января 1918 г. П.Э. Свинхувуд негласно назначил главнокомандующим вооруженными силами Финляндии бывшего генерал-лейтенанта российской армии К.Г. Маннергейма.¹²

В течение 25–28 января 1918 г. шюцкоровцы приступили к разоружению изолированных друг от друга русских гарнизонов в северной и северо-западной Финляндии.¹³ В это

⁹ PAAA. GrHq. Finland. Bd 1.L 084328. Lersner an AA vom 21.01.1918.

¹⁰ Idid. L 084330. Busche an Lersner vom 29.01. 1918.

¹¹ *Rasila V., Jutikkala E., Kuhla K. Suomen polittinen historia. 1905–1975.* Porvoo; Hels., Juvä, 1980. S. 84; *Mannerheim. G. Erinnerungen.* Zürich, 1952. S. 164.

¹² *Puntila L.A. Die politische Geschichte Finnlands.* S. 116.

же время финская Красная гвардия захватила власть в южной Финляндии. 28 января в Гельсингфорсе было сформировано революционное социал-демократическое правительство — Совет народных уполномоченных во главе с К. Маннером.¹⁴ Четирем сенаторам удалось бежать на северо-запад страны — в город Ваза (Вааса). Чудом избежавший ареста Свинхувуд через Таллинн, Берлин и Стокгольм прибыл туда только 23 марта 1918 г. До его прибытия правительство белой Финляндии возглавлял Х. Реннваль.¹⁵

Нападение шюцкора на ряд российских гарнизонов послужило поводом для официального вмешательства российских войск в гражданскую войну в Финляндии. 29 января 1918 г. армейский комитет 42-го корпуса издал приказ о начале военных действий с войсками финской белой армии.¹⁶ После того, как командование размещенных в Финляндии русских войск выступило против вмешательства в финскую гражданскую войну, оно вынуждено было уйти в отставку, а оперативное руководство всеми российскими частями в Финляндии взял на себя Областной комитет.¹⁷

Вмешательство российских войск в финскую гражданскую войну позволило сторонникам белой Финляндии интерпретировать события зимы — весны 1918 г. как освободительную войну против России и тем самым придать боевым действиям патриотическую окраску.

В обстановке ожесточенной внутренней борьбы лидеры белой Финляндии прилагали непомерные усилия для при-

¹³ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 38. Л. 16. Телеграмма командира 42-го армейского корпуса в Штаб сухопутных войск от 31.01.1918.

¹⁴ О революции в Финляндии см. подр.: *Холодковский В.М.* Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М., 1967. С. 78–114; *Сюкияйнен И.И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 230–235; *Волобуев П.В.* Историческое место Финляндской революции 1918 г. // Новая и новейшая история. 1938. № 5. С. 15–24; *Савченко М.С.* Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918. М.; Пг., 1923. С. 74–83.

¹⁵ *Arajarvi J.* Vaasan hallituksen toiminta // Suomen Vapaussesta. IV. Jyväskylä, 1924. S. 13.

¹⁶ РГА СПб. Ф. 7384. Оп. 7. Д. 7. Л. 51. Приказ № 19 по 42 армейскому корпусу от 16 (29).01.1918.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 353. Оп. 1. Д. 32. Л. 108об, 109.

Рис. 5. Главнокомандующий К. Г. Маннергейм.

влечения иностранной помощи. При этом наметились серьезные разногласия между Маннергеймом и финляндским сенатом. Маннергейм возглавил финскую армию с категорическим условием: сенат не станет обращаться за вооруженным содействием ни к Швеции, ни к Германии, ни к какому-либо другому государству. По его мнению, достаточно было привлечь добровольцев, а также получить помощь оружием и прочими военными материалами. В своих воспоминаниях Маннергейм, в частности, подчеркивал, что «свобода народа должна быть куплена собственными усилиями, собственными испытаниями и кровью своих собственных сыновей».¹⁸ Уверенность генерала имела в своей основе патриотизм борющегося за независимость народа. Он также знал о скором возвращении из Германии финляндских егерей, что позволило бы компенсировать недостаток военных специалистов. Определенные надежды генерал возлагал и на по-

¹⁸ Цит. по: *Mannerheim K.G. Erinnerungen*. S. 166.

мощь Антанты. Еще в декабре 1917 г. он вел переговоры с французским военным атташе в Петрограде Нисселем о возможности предоставления Францией военного снаряжения из французских запасов, скопившихся в Мурманске.¹⁹ Но в Париже все-таки решили не вмешиваться во внутреннюю борьбу в Финляндии. Поэтому Маннергейм изменил направление поисков содействия. Уже 30 января 1918 г. он обратился с просьбой (через своего представителя в Стокгольме) прислать в помощь белой армии двух немецких офицеров генштаба и около 100 егерей, а также, по крайней мере, 10–20 тыс. винтовок, 50 пулеметов с боеприпасами, полевые телефоны и радиостанции.²⁰

Что касается большинства членов сената, то они с самого начала были скептически настроены в отношении возможностей собственными силами, без иностранной военной интервенции, справиться с гражданской войной.²¹

30 января 1918 г. в Стокгольм прибыла делегация Вазасского правительства с просьбой об интервенции или хотя бы содействии в форме поставок военных материалов.²² Одновременно его уполномоченные Ельт, Эрих и Теслев предпринимали усилия, чтобы склонить к активной помощи белофиннам Германию. В своих посланиях в различные немецкие государственные и военные инстанции они сообщали, что «финляндское правительство находится в отчаянном положении», а население «стоит перед гибелью».²³ Э. Ельт пытался ускорить получение немецкой помощи, намекая на то, что отсутствие таковой может толкнуть Финляндию в объятия Антанты.²⁴

Но Германия в тот период вела мирные переговоры с Россией, поэтому содействие белофинскому правительству не могло осуществляться в полном объеме. Помощь приходилось

¹⁹ Ibid. S. 154.

²⁰ Hjelt E. Vaiherrickailta vuosilta. S. 95; Hubatsch W. Unruhe des Nordens. Göttingen, 1956. S. 117.

²¹ Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии. С. 178.

²² Там же. С. 179.

²³ Там же. С. 209; Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 65.

²⁴ Luntinen P. Saksan keisarillinen laivasto Itämerellä. Hels., 1987. S. 136.

тщательно скрывать. Тем не менее, в начале февраля 1918 г. было принято решение об отправке на родину егерского батальона. Большинство егерей подписали контракты, по которым они обязывались служить в течение года в войсках правительства Свинхувуда и одновременно им присваивались финские воинские звания. В середине февраля из Либавы в Вазу вышли пароходы «Арктурус» и «Кастор» с финскими егерями на борту. Для того, чтобы известия об отправке в Финляндию воинского формирования не вызвали трудностей с заключением мира с Россией, официально батальон был распущен, егеря переоделись в гражданскую одежду и без оружия были доставлены в Финляндию. Здесь 25 февраля 1918 г. они вновь превратились в военных.²⁵ Те из егерей, кто отказался служить в армии Маннергейма, а это, в основном, выходцы из рабочих и социал-демократы, остались в Германии и создали впоследствии Берлинский комитет финской социал-демократической партии, сотрудничавший со своими немецкими коллегами и советским посольством в Берлине.²⁶

Другой важной стороной немецкого содействия правительству Свинхувуда являлись поставки оружия и военных материалов, осуществляемые под видом сделок частных фирм. Так, 5 февраля 1918 г. Х. фон дер Буше сообщил в МИД, что немецкое правительство решило отправить в Финляндию два транспорта, на борту которых имелись 12 орудий с 12 тыс. снарядов, 70 тыс. винтовок, 150 пулеметов и 20 млн. патронов, а также другое военное снаряжение.²⁷

Но до тех пор, пока в Брест-Литовске шли переговоры между Россией и Германией, прямое вмешательство в финскую гражданскую войну в Берлине откладывали. Предпочтение отдавалось закулисным интригам с тем, чтобы вынудить Швецию вмешаться в финскую гражданскую войну. К примеру, сотрудники немецкого МИД рекомендовали Г. Люциусу заинтересовать шведского короля Густава V и лидеров

²⁵ Hülßen E. Saksan avustustoimenpiteita sodan alussa // Suomen Vapausota. II. Jyväskylä, 1922. S. 16.

²⁶ См. подр.: *Lackman M. Jääkärimuistelmia*. Keuruu, 1994. S. 45-49.

²⁷ PAAA. GrHq. Bd 1. L 084897. Busche an Grünau vom 5.02.1918.

консервативных кругов в необходимости отправить шведские войска в Финляндию. При этом было указано использовать два довольно сильных аргумента: Стокгольм должен защитить шведское население в Финляндии от «зверств красных» и не забывать о реальной угрозе «большевистской волны, способной захлестнуть и Швецию». ²⁸ Позднее, Люциус от имени германского правительства в беседе с министром иностранных дел Швеции Хельнером сделал предложение совместной интервенции Швеции и Германии с целью подавления «мятежа». ²⁹

Но шведское правительство отклонило данное предложение. В Стокгольме опасались, что речь шла о ловушке, с помощью которой Берлин намеревался вовлечь Швецию в войну в качестве своего союзника. 4 февраля 1918 г. шведский премьер-министр Нильс Эден отклонил также просьбу финского посланника в Стокгольме Грипенберга об интервенции. При этом он добавил, что Швеция хотела бы оказать Финляндии добрые услуги в другой форме — в форме посредничества между сражающимися сторонами, а также настаивая на выводе российских войск с финской территории. ³⁰

Несмотря на официальный отказ от интервенции, Стокгольм все-таки оказал Финляндии существенную помощь, но не на государственном уровне, а в частном порядке. Шведские добровольцы, вопреки их небольшой численности, внесли заметный вклад в организацию белой армии. Из 1 169 прибывших добровольцев 94 являлись офицерами, многие из которых служили в шведском Генеральном штабе. ³¹ Тем не менее, в целом, благожелательная позиция Швеции к белофиннам расценивалась последними как недостаточно дружественная, поскольку Стокгольм все-таки не решился на прямую вооруженную поддержку.

Поэтому надежды белой Финляндии постепенно сосредотачивались только на Германии. С другой стороны, разрыв

²⁸ *Nurmi Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 67–68.*

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии. С. 193.*

³¹ *Kansalaisista dokumenteina / Toim. H. Soikkanen. Helsinki, 1967. S. 169.*

10 февраля 1918 г. переговоров в Брест-Литовске кардинально изменил отношение Берлина к возможности вмешательства в финскую гражданскую войну. Как писал по этому поводу Э. фон Хюльзен, «к счастью для Финляндии переговоры России с Центральными державами были прерваны».³²

Три дня спустя, 13 февраля 1918 г. в Хомбурге на совещании имперского руководства и Верховного командования было принято решение начать новое наступление на Восточном фронте. Германия имела теперь полную свободу в выборе средств для содействия правительству Свинхувуда.

На следующий день после Хомбургского совещания генерал Людендорф встретился с Ельтом и предложил от имени финского правительства обратиться к Германии с просьбой о вооруженной помощи.³³ Не дожидаясь мнения по этому поводу финского сената, Ельт и Эрих составили текст соответствующего заявления, которое в общих чертах отвечало рекомендациям Людендорфа.³⁴ Таким образом, вышеприведенный хронологический ряд событий оставляет ощущение, что немецкие военные круги «сами себя пригласили» в Финляндию.

Энергичность Верховного командования была вполне оправданной. Оно мечтало для лучшей стоворчивости большевиков держать под прицелом Петроград с тем, чтобы поскорее заключить сепаратный мир.

Форсировать подготовку экспедиции в Финляндию вынудил немецкие военные круги еще один фактор — высадка шведского десанта на Аландских островах. Возглавляемые Густавом V и королевой Викторией шведские консерваторы и высшее офицерство не преминули воспользоваться ситуацией гражданской войны в Финляндии и решили попытаться вернуть Швеции Аланды. Этому способствовал рост сепаратизма на островах. Еще в конце декабря 1917 г. местные жители провели плебисцит, в ходе которого большинство

³² Hülsen E. Saksan avustustoimenpiteita sodan alussa. S. 28.

³³ P.A.A.A. Gr Hq. Bd 1.L 084357. Busche an OHL vom 16.02.1918; Hjelt E. Vaiherikkailta vuosilta. S. 99.

³⁴ Hubatsch W. Unruhe des Nordens. S. 119-121; Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 136.

населения, более 7 тыс. человек, поддержали идею объединения со Швецией.³⁵

В Стокгольм была отправлена делегация представителей местных жителей. 8 февраля 1918 г. аландцы отправили еще одну делегацию в Швецию, которая при встрече с министром иностранных дел Хельнером обратилась с просьбой к шведскому правительству обеспечить населению островов защиту «от посягательств расположенного на островах русского гарнизона».³⁶

13 февраля 1918 г. в стокгольмских газетах в черной рамке появились статьи о терроре русских солдат на Аландах.³⁷ Бросалась в глаза неприкрытая сенсационность опубликованных материалов, которые выполняли правительственный заказ — оправдание высадки шведского десанта на Аландские острова. Именно 13 февраля было принято решение по данному вопросу. Спустя десять дней, 23 февраля 1918 г. основная часть шведского экспедиционного корпуса высадилась на Аландах.³⁸

В Финляндии крайне негативно восприняли шведскую акцию. В прессе развернулась кампания протеста против присутствия шведов на Аландских островах.³⁹ Причем в этом вопросе Совет уполномоченных К. Маннера и сенат в Вазе проявляли редкое единодушие.⁴⁰

В Германии шведский десант на Аландские острова вызвал неоднозначную реакцию. Перед Берлином встала дилемма: поддержать ли намерения Стокгольма присоединить Аланды или же содействовать Финляндии в ее стремлении удержать острова за собой? По этому вопросу наметились две точки зрения. Сторонники первой высказались в пользу немецкого содействия Швеции. Тем самым они хотели пробудить в шведском обществе симпатии к Берлину и нейтра-

³⁵ *Rystad G.* Die deutsche Monroedoktrin der Ostsee // *Lund Studies in International History.* Stockholm, 1970. S. 21.

³⁶ *Nurmio Y.* Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 102–104.

³⁷ *Rystad G.* Die deutsche Monroedoktrin. S. 21.

³⁸ *Ibid.*

³⁹ См. подробнее: *Ibid.* S. 43–49.

⁴⁰ РААА. Finland 1. Bd 1. Bl 2. «Työmies». 1.03.1918; *Mannerheim G.* Erinnerungen. S. 178, 233.

лизовать проантантовские настроения в Стокгольме. Подобной точки зрения придерживались немецкие посланники в Стокгольме и Копенгагене Г. Люциус и У. Брокдорф-Ранцау.⁴¹

Противоположную позицию заняли Верховное командование, военный атташе в Стокгольме Г. Гизе и немецкий посол в Норвегии П. фон Хинце. Они были уверены в прочном тяготении Финляндии к Германии и считали эту страну главным опорным пунктом немецкой политики в Балтийском регионе. Поэтому приверженцы второй точки зрения полагали, что в интересах Германии гораздо важнее, чтобы Аланды оставались составной частью территории Финляндии.⁴² «При выборе между Швецией и Финляндией нам по военным причинам следует принять решение в пользу Финляндии»,⁴³ — писал по данному поводу Людендорф. Генерал прекрасно осознавал, что, поддержав Финляндию, Германия получит и контроль над стратегически важными Аландскими островами.

Верховное командование раздражала инициатива Стокгольма, осуществленная без согласования с Берлином. Кроме того, за спиной шведской акции немецкие военные круги усмотрели поддержку со стороны Антанты.⁴⁴ Некоторые сотрудники МИД также были солидарны с подобным утверждением. В частности, помощник статс-секретаря по иностранным делам фон дер Буше сообщал: «Кажется, за шведским планом на Аланды стоит Антанта, иначе трудно было бы понять, как такое слабое министерство Хельнера (министерство иностранных дел Швеции — *И.Н.*) решилось на сегодняшней образ действий».⁴⁵

Очевидно, шведская экспедиция на Аланды подтолкнула Берлин к скорейшей высадке немецкого десанта в Финляндию. 21 февраля 1918 г. в Киле была сформирована Балтийская особая флотилия под командованием контр-адмирала

⁴¹ PAAA. Finnland I. Bd 1. Lucius H. an Hertling G. vom 7.03.1918.

⁴² Ibid. Giese an AA vom 4.03.1918.

⁴³ Цит. по: *Холодковский В.М.* Революция 1918 г. в Финляндии. С. 201.

⁴⁴ *Luntinen P.* Saksan keisarillinen laivasto Itämerellä. S. 122.

⁴⁵ PAAA. Aaland. Bd 1. E 285769. Busche an Lersner vom 22.02.1918.

Мейера.⁴⁶ В этот же день Г. Люциус довел до сведения короля Густава V, что правительство Германии решило удовлетворить просьбу финского сената о военной помощи и использовать Аландские острова в качестве базы для дальнейших операций в Финляндии. Швеции, во избежание осложнений, предлагалось вывести свои суда из Аландского архипелага.⁴⁷

Густав V был шокирован резкой формой заявления и отказался от выполнения его условий, поскольку это нанесло бы удар по престижу королевской династии. Шведский король направил Вильгельму II телеграмму, суть которой состояла в том, чтобы Аландские острова оставались вне сферы военных действий. Вильгельм II решил не нагнетать напряженность в отношениях со Швецией и 24 февраля в личном послании королеве Виктории, подтвердив намерения Германии относительно Аландов, одновременно выразил надежду на совместное сотрудничество в «предотвращении распространения угрозы большевизма».⁴⁸

26 февраля 1918 г. представитель МИД в немецкой Ставке Курт Лерснер сообщил в Берлин, что генерал Людендорф потребовал от военно-морского штаба поторопиться с высадкой десанта на Аландах.⁴⁹

Однако в конце февраля 1918 г. в Берлине были получены сведения, грозившие поставить под сомнение внешнюю законность немецкой интервенции в Финляндию. К.Г. Маннергейм в интервью двум немецким журналистам заявил, что правительственные войска Финляндии «сами справятся с мятежом», а от Германии необходима лишь помощь оружием и военными материалами.⁵⁰

Людендорф сразу же потребовал от Ельта разъяснений. Финский посланник уверял, что не стоит придавать значение сообщениям прессы. О разногласиях между правительством

⁴⁶ *Bastian*. Keisarillisen Saksan laivaston osanotto Suomen vapaussotaan // Suomen Vapaussota. III. S. 216.

⁴⁷ PAAA. Aaland. Bd 1. E 285771. Grünau an Lersner vom 22.02.1918.

⁴⁸ *Ibid.* Lersner K. an AA vom 24.02.1918.

⁴⁹ *Ibid.* Lersner an AA vom 26.02.1918.

⁵⁰ *Hjelt E.* Vaiherrickailta vuosilta. S. 109; *Nurmio Y.* Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 140.

и Маннергеймом ему ничего не было известно. По мнению Ельта, если бы командующий финской армией действительно был против, то у него имелось время, чтобы проинформировать о своей позиции Берлин. Все же Верховное командование посчитало важным, чтобы Ельт повторил просьбу финского правительства о вооруженной интервенции. 3 марта 1918 г. Э. Ельт выполнил условие Берлина.

Позднее сенаторы обвиняли Э. Ельта в превышении полномочий и утверждали, будто они не давали санкций относительно прямого вооруженного вмешательства Германии.⁵¹ Финский посланник оправдывал свои действия тем, что не мог упустить благоприятный момент, когда резко усилился интерес Германии к событиям в Финляндии. Немецкая военная экспедиция, по мнению Ельта, еще теснее связала бы два государства. Финляндцы получили бы уверенность в счастливом будущем своей страны, т. к. на немецкую поддержку можно было рассчитывать и впредь.⁵²

Таким образом, в сложившейся на тот период международной обстановке финский посланник в Берлине считал зависимые от Германии отношения благом для Финляндии. Подобные взгляды являлись показателем живучести менталитета «национальной окраины», привыкшей полагаться на решения имперского центра.

Между тем, 5 марта 1918 г. 14-й егерский батальон под командованием майора Шенка Швейнсберга в количестве чуть более 1100 человек высадился на Аландах, в бухте Экерё, в том самом месте, где на рейде стояли шведские корабли «Швеция» и «Оскар II».⁵³ Вскоре командующие шведским и немецким подразделениями, по образному выражению фон дер Буше, «пришли к сердечному соглашению».⁵⁴ Немецкие и шведские войска разделили между собой контролируемые территории и приступили к разоружению русского гарнизона. 1 200 российских солдат было вывезено на немецких судах на материк, в Либаву.⁵⁵ С 14 марта

⁵¹ *Arajarvi J. Vaasan hallituksen toiminta. S. 38.*

⁵² См. подр.: *Hubatsch W. Unruhe des Nordens. S. 131-132.*

⁵³ PAAA. Aaland. E 285113. Busche an Lersner vom 7.03.1918.

⁵⁴ *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. S. 139.*

1918 г. началась постепенная эвакуация шведских войск с Аландских островов, которая закончилась к 25 мая 1918 г.

Идея финского нейтралитета не выдержала испытаний гражданской войны. Неуверенность правительства П.Э. Свинхувуда собственными усилиями разрешить внутренний вооруженный конфликт вынудила его искать помощь извне — у Швеции и Германии. Высадка шведского десанта на Аландские острова обострила шведско-финляндские противоречия. С другой стороны, военное и дипломатическое содействие Германии, а также поддержка в «аландском вопросе» убедили правящую элиту Финляндии в перспективности прогерманской ориентации страны.

3.2. Дипломатическая подготовка Финляндской экспедиции Германии

Захват Аландских островов явился прелюдией для полномасштабной немецкой интервенции в Финляндию. Все же прошел месяц, прежде чем немецкие солдаты высадились на полуострове Ханко. Юридически Финляндия, как бывшая часть Российской империи, находилась в состоянии войны с Германией. Поэтому в Берлине считали необходимым предварительно подписать с Финляндией пакет договоров и соглашений, которые на международно-правовом уровне устанавливали бы новые отношения между двумя государствами.

28 февраля 1918 г. начались переговоры между Германией и Финляндией, но до заключения важнейших договоров состоялось всего два заседания. Окончательный их текст основывался на немецких проектах.⁵⁶

7 марта 1918 г. рейхсканцлер Г. фон Гертинг от имени Германии и Э. Ельт, Р.Эрих от имени Финляндии подписали мирный договор, соглашение о торговле и мореплавании, а также секретные дополнительные протоколы к договору и соглашению.

⁵⁶ Об Аландской экспедиции Германии см. подр.: *Bastian*. Keisarillisen Saksan laivaston osanotto. S. 219–240.

⁵⁶ *Rautkallio H.* Saksan taloudelliset sodanpäämäärät Suomessa 1918 // *Historiallinen Aikakauskirja*. 1976. N 1. S. 17.

Анализируя герmano-финский мирный договор, следует заметить, что он несколько ограничивал внешнеполитическую самостоятельность Финляндии. Так, в статье 1 Германия брала на себя обязательство всеми силами способствовать признанию финляндской независимости иностранными государствами, взамен Финляндия обязалась без предварительного согласования с Берлином не предоставлять часть своей территории другой державе.⁵⁷ Обязательство Германии не имело уже в тот момент принципиального значения для Финляндии. Наоборот, слишком теплые отношения с Берлином становились препятствием на пути признания финляндской независимости Великобританией и США. Запрещая Финляндии распоряжаться своей территорией по собственному усмотрению, договор ставил малую страну в зависимые от Германии отношения.

Ряд статей договора был составлен таким образом, чтобы прочнее привязать Финляндию к Германии и не допустить сближения ее со странами Антанты (статьи 6, 26).⁵⁸

Столь же невыгодным для Финляндии оказалось соглашение о торговле и мореплавании. Статьи 1 и 8 лишали ее возможности защитить свою промышленность от конкуренции несравненно более развитой немецкой индустрии.⁵⁹ Согласно статье 10 Финляндия делала одностороннюю уступку, восстановив и не имея права изменить в отношении Германии низкие довоенные пошлины. Учитывая, что во время войны стоимость финской марки упала, пошлины, выражавшиеся той же цифрой, как и в январе 1914 г., фактически были значительно ниже.

Особое недовольство вызвала у финляндских представителей статья вторая герmano-финского соглашения, по которой немецкие подданные в Финляндии получали одинаковые с финляндцами права приобретать, владеть и управлять движимой и недвижимой собственностью, а также располагать ею.⁶⁰ Эти формально равные возможности открывали

⁵⁷ Текст договора см.: PAAA. Finland 1. Bd 1. Bl 1-12; Kansalaissota dokumenteina. II. S. 136-138.

⁵⁸ См. подр.: *Холодковский В.М.* Революция 1918 г. в Финляндии. С. 214.

⁵⁹ PAAA. Finland 1. Bd 1. Bl 14-22.

⁶⁰ Ibid. Bl 15.

дверь для постепенного экономического подчинения Финляндии. Правда, согласно финляндским законам, в правлениях акционерных обществ могло находиться не более 50% лиц не финской национальности, однако, данное положение также можно было пересмотреть. По мнению признанного специалиста по истории Финляндии В.М. Холодковского, в моменты наибольшей зависимости Финляндии от России русские не имели в Финляндии таких прав, какие теперь получили немецкие подданные.⁶¹

Помимо мирного договора и торгового соглашения 7 марта 1918 г. Германия предъявила Финляндии ряд секретных условий, которые были изложены в ноте за подписью заместителя статс-секретаря по иностранным делам В. фон Штумма, отсюда, секретный протокол в литературе иногда называют «нотой Штумма». С ее текстом Э. Ельта ознакомили за два дня до подписания. Он не успел ни с кем посоветоваться, кроме Р. Эриха.

Секретный дополнительный протокол предусматривал в случае обращения за помощью правительства Финляндии оказание таковой со стороны Германии.⁶² При этом Германия обговорила выполнение ряда «пожеланий», чтобы компенсировать возможный ущерб вследствие того, что она изъявила готовность «восстановить внутренний порядок» в Финляндии. Смысл «пожеланий» сводился к тому, чтобы Финляндии не удалось остаться нейтральной в мировой войне, и это молодое государство постепенно перешло бы в разряд военных союзников Германии. Так пункт 2 обязывал финляндское правительство интернировать находящиеся в финских гаванях или позднее прибывающие военно-морские корабли держав Антанты. Пункт 3 налагал на Финляндию обязательство содействовать германским военно-морским силам, действовавшим в финских территориальных водах. Пункт 7 требовал запретить командам всех иностранных судов, кроме немецких, сходить на берег, если члены этих команд не являлись финляндскими гражданами.⁶³ Германия получила также

⁶¹ Холодковский В.М. Революция 1918 г. С. 217.

⁶² Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Wien; München, 1966. S. 93.

⁶³ PAAA. Finnland 1. Bd 1. Bl 24-25.

право создавать в любом месте финской территории военно-морские базы, а в пограничном со Швецией городе Торнео установить германский контрольно-пропускной пункт, как указывалось в документе, «для борьбы против иностранного шпионажа» (п. 4, 10).⁶⁴

Наряду с политическими и военными привилегиями, Германия обговорила для себя преимущества экономического характера. В Берлине прекрасно осознавали, что длительное пребывание Финляндии в прогерманском блоке государств невозможно осуществить только политическими и военными мерами. Необходимо было экономическое скрепление.

В обстановке продолжающейся мировой войны перед немецкими экспертами стоял вполне прагматичный вопрос — что может предоставить Финляндия для военной экономики Германии и ее союзников? Исследование финских ресурсов осуществлялось экономическим ведомством Германии и сотрудниками военного министерства. Но ведущая роль в этом принадлежала специальному Бюро подготовки мирного договора, возглавляемому бывшим директором Немецкого банка Карлом Гельферихом. Немецких предпринимателей интересовал, прежде всего, экспорт финской древесины. В Берлине полагали, что импорт финского леса будет достаточным для удовлетворения потребностей Германии в этом сырье. Объединение импортирующих лес немецких предприятий из Дортмунда, а также гамбургская фирма «H. and Gratenau» еще в конце января 1918 г. представили в военное министерство предложение отправить в Финляндию специальную комиссию для исследования финского экспорта.⁶⁵ По оценке немецких специалистов, в Финляндии к весне 1918 г. скопилось примерно 4,5 млн м³ пиломатериалов на сумму 500 млн финских марок. Из этой суммы было продано, но еще не вывезено из страны примерно 1,25 млн м³, что соответствовало 220 млн марок. 80–85% проданного сырья предназначалось к ввозу в страны Антанты и нейтральные страны, Германии же только 15–20%.⁶⁶ Поэтому немецкое

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ *Rauthallio H. Saksan taloudelliset sodanpäämääärät* S. 23–24.

⁶⁶ Ibid. S. 25.

экономическое ведомство считало необходимым подписать с Финляндией такое соглашение, которое давало бы Германии право контролировать финскую торговлю, в частности, экспорт сырья. Подобное предложение было зафиксировано в пунктах 5, 8 и 9 секретного протокола. Более того, пункт 8 обязывал финское правительство следить за тем, чтобы ресурсы страны, а также экспортируемые товары употреблялись как можно больше на благо Германии и ее союзников, по крайней мере, до окончания войны.⁶⁷

Рейхсканцлер Гертлинг высоко оценивал значение для Германии заключения с Финляндией серии мартовских договоров и отмечал, что переговоры с финляндскими представителями прошли «в обстановке полного взаимопонимания».⁶⁸

Последнее утверждение не совсем соответствовало действительности. Представителей Финляндии не устраивал ряд статей, однако, их протесты ни к чему не привели⁶⁹. К тому же должной настойчивости они не проявили, ибо взамен подписанных договоров обещалось содействие великой державы. По замечанию финского историка Р. Аримо, представители Финляндии «ухватились за это, как утопающий за соломинку».⁷⁰

Члены правительства в Вазе и население Финляндии ознакомились с текстом германо-финского договора и соглашения о торговле и мореплавании только в середине марта 1918 г. Подписанные документы, по словам шведского представителя в Вазе Б. Йохансона, «пробудили сильное уныние в кругах торгово-промышленной буржуазии».⁷¹

К.Г. Маннергейм также крайне негативно оценил договор от 7 марта, справедливо полагая, что уже в первом параграфе «Финляндия принесла в жертву свой нейтралитет». Для него заключенные в Берлине соглашения являлись показателем

⁶⁷ PAAA. Finland 1. Bd 1. Bl 24-25.

⁶⁸ *Rauthallio H.* Saksan taloudelliset sodanpäätämäärät. S. 21.

⁶⁹ *Ibid.* S. 17; *Hjelt E.* Vaiherikkailta vuosilta. S. 118-120.

⁷⁰ *Arimo R.* Saksalaisten sotilaallinen toiminta Suomessa 1918. Rovaniemi, 1991. S. 199.

⁷¹ *Hulden A.* Kuningasseikkailu Suomessa 1918. Hels., 1988. S. 46.

того, «как мало верило финское правительство в собственные силы». ⁷² После ознакомления с текстами договоров, глава финансового ведомства сената Юхани Арайярви, несмотря на все свои симпатии к Германии, заявил: «Не верю, что нам необходимо было продавать нашу независимость в те мгновения, когда наши юноши покупают ее своей кровью». ⁷³

Сенаторы пытались взвалить вину за происшедшее на финляндского посланника в Берлине. Э. Ельт, напротив, оправдывал свои действия одобрением П.Э. Свинхувуда, хотя последний ознакомился с текстами договора и соглашения только 10 марта, после их подписания. Не совсем понятно, почему финский посланник не потребовал отсрочки в подписании важных государственных документов до прибытия в Берлин главы правительства (сам Ельт в мемуарах не приоткрывает тайну своих мотивов).

7 апреля 1918 г. финское правительство указало Ельту на превышение своих полномочий, заявив, что некоторые статьи упомянутых договоров «могут стать губельными для Финляндии». ⁷⁴ Не случайно ратификация мирного договора и торгового соглашения в Финляндии затянулась. В Германии немецко-финский договор и торговое соглашение были ратифицированы 17 марта 1918 г., в Финляндии же придумывались различные отговорки, чтобы оттянуть неприятный для провозгласившего независимость государства момент. Финляндский парламент ратифицировал указанные договоры 11 июня 1918 г. При этом он не был поставлен в известность о существовании секретного протокола. ⁷⁵

В первые годы формирования историографии независимой Финляндии встречались утверждения, что подписывая германо-финские договоры, Ельт и Эрих «принесли эти связывающие страну жертвы из патриотических чувств, истинными же виновниками заключения неравноправных догово-

⁷² *Mannerheim G. Erinnerungen. S. 227.*

⁷³ Цит. по: *Ibid. S. 5.*

⁷⁴ *Arajarvi J. Vaasan hallituksen toiminta. S. 38.*

⁷⁵ *Hubatsch W. Unruhe des Nordens. S. 127.*

ров были «красные», деятельность которых привела к такому положению дел». ⁷⁶

В отличие от концепций 1920-х годов, в современных исследованиях финских авторов признается как неравноправный характер заключенных с Германией договоров, так и ответственность за их подписание политиков, стоявших в тот период у власти. Об этом, в частности, пишут Ю. Нурмио, А. Хульден, П. Лунтинен, Р. Аримо и др. ⁷⁷ К примеру, Х. Рауткаллио в исследовании об экономических целях Германии в Финляндии полагает, что политические лидеры страны оказались неспособными предвидеть далеко идущие планы Германии относительно Финляндии. Отделившись от России, Финляндия переходила в сферу влияния Германии. ⁷⁸ Еще более категоричен Й. Калленаутио, утверждая, что «секретный протокол превращал Финляндию в немецкую колонию (siirtomaa) и источник сырья». ⁷⁹

Германо-финский мирный договор, соглашение о торговле и мореплавании, а также секретный протокол от 7 марта 1918 г. следует рассматривать сквозь призму формирования под эгидой Германии пояса отколовшихся от империй малых государств. В Берлине считали целесообразным включить в прогерманский блок и Финляндию. Этот процесс подчинялся определенным правилам.

Пакет мартовских соглашений с Финляндией базировался на том же шаблоне, который Германия использовала при подписании подобных документов с Украиной и Румынией. Они возводили в ранг нормы отношения зависимости малой страны от великой державы. Недавно обретенная Финляндией независимость оказалась ограниченной в рамках условий, продиктованных из Берлина. Финляндия отныне была не свободна ни в сфере внешней политики, ни во внешней торговле, под большим сомнением находилась и возможность

⁷⁶ Suomen Vapausota. V. S. 309.

⁷⁷ *Nurmio Y.* Suomen itsenäistyminen. S. 148; *Hulden A.* Kuningasseikkailu Suomessa. S. 46; *Luntinen P.* Saksan keisarillinen laivasto. S. 148; *Arimo R.* Saksaalaisten sotilaallinen toiminta. S. 199.

⁷⁸ *Rautkallio H.* Saksan taloudelliset sodanpäämäärät. S. 31.

⁷⁹ *Kallenautio J.* Suomi katsoi etensä. S. 34.

проведения в будущем политики нейтралитета. Фактически перечисленные вопросы должны были теперь решаться с подсказки Берлина.

Кроме того, секретный протокол обговаривал условия немецкой интервенции в Финляндию и вместе с другими соглашениями явился ее дипломатической подготовкой.

3.3. Финляндская экспедиция Германии

Заключение выгодных для Германии соглашений с Финляндией, казалось, увеличивало ее заинтересованность в интервенции, которая стала бы средством реализации обещае-мых возможностей.

Все же в имперском руководстве по вопросу об отправке войск в Финляндию возникли разногласия между кайзером и военными кругами — с одной стороны, канцлером Гер-тлингом, МИД и некоторыми другими высшими чиновника-ми — с другой.

7 марта 1918 г. Г. Гертлинг отправил кайзеру обширное послание, в котором высказал сомнения в целесообразности военной экспедиции в Финляндию и, во всяком случае, настаивал на ее отсрочке. Рейхсканцлер указывал, что вме-шательство на стороне белофиннов против финской красной гвардии и российских войск противоречит нормам междуна-родного права, т.к. немецкую интервенцию можно было принять за поход против России, с которой недавно подписан мирный договор. Немецкое вмешательство поставило бы под угрозу его ратификацию. Кроме того, по мнению Гертлинга, в самой Финляндии вряд ли большинство населения одобрит эту акцию (за интервенцию выступали лишь буржуазные сло-и).⁸⁰

Для того, чтобы убедить кайзера пересмотреть решение об отправке немецких войск, Гертлинг обратил внимание на ряд внешнеполитических и внутривнутриполитических затрудне-ний, которые создавала интервенция в Финляндию: пробле-мы с финансированием военной экспедиции, вероятное со-

⁸⁰ PAA. GrHq. Finnl. Bd 2. L 084428/30. Hertling G. an Wilhelm II vom 7.03.1918.

противление левых партий в рейхстаге и неблагоприятная для Германии реакция в Скандинавских странах. Поэтому канцлер рекомендовал Вильгельму II отсрочить назначенную на 10 марта отправку немецких войск и созвать совещание имперского руководства и Верховного командования для повторного обсуждения этого столь болезненного и сложного вопроса.⁸¹

В тот же день кайзер ответил Гертлингу. Он продолжал настаивать на скорейшей интервенции, которая откладывалась лишь по причине неблагоприятной ледовой обстановки на Балтике. Вильгельм II указывал, что не может нарушить обещание, данное финляндскому правительству в ответ на обращение о военной помощи. Отправка экспедиции, по мнению кайзера, диктовалась «высшими интересами Германии».⁸²

9 марта 1918 г. Гинденбург, как бы желая придать своему императору уверенность в правильности его суждений, прислал Вильгельму II телеграмму с подробнейшим доказательством безотлагательности интервенции. Во-первых, Гинденбург рассматривал экспедицию как гарантию соблюдения Россией условий Брестского мира. Выгодное стратегическое положение Финляндии позволило бы Германии осуществлять на Россию «благодетельное давление».⁸³ Во-вторых, Гинденбург считал Финляндию, наряду с Украиной, естественным союзником Германии в военное время и своего рода противовес Великодержавии в мирный период. В-третьих, с помощью поставок финского сырья он ожидал улучшения экономического положения Германии.⁸⁴

На следующий день, 10 марта 1918 г., телеграмма с подобными аргументами пришла на имя Гертлинга от Людендорфа. Генерал сделал акцент прежде всего на военно-стратегических и политических мотивах Финляндской экспедиции. Кроме перечисленных в пользу интервенции Гинденбургом доводов Людендорф обратил внимание на неста-

⁸¹ Ibid.

⁸² *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen*. S. 151.

⁸³ PAAA. Finnl. 1. Bd 1. N 055741/48. Lersner K. an AA vom 9.03.1918.

⁸⁴ Ibid.

бильность внутреннего положения в России, возможность в связи с этим захвата Антантой Мурманска и Архангельска и восстановления Восточного фронта. В подобных условиях Германии был необходим союзник на севере Европы, роль которого сумела бы взять на себя Финляндия. Отказ от помощи белофиннам, по мнению генерала, привел бы к тому, что Финляндия оказалась бы в руках Антанты.⁸⁵ К такому выводу Э. Людендорфа подтолкнуло известие о высадке в Мурманске 6 марта 1918 г. морского десанта Антанты.⁸⁶ И хотя численность его была крайне невелика — 130 морских пехотинцев,⁸⁷ но в немецком Верховном командовании расценили эту акцию Антанты как попытку создать плацдарм для дальнейшего продвижения вглубь России и восстановления Восточного фронта.⁸⁸

Взгляды Гинденбурга и Людендорфа разделяло также военно-морское командование Германии. 8 марта 1918 г. начальник морского штаба Х. фон Хольцендорф узнал о заключении между СНК и правительством К. Маннера договора об укреплении дружбы и братства, предусматривавшего получение Финляндией выхода в Северный Ледовитый океан.⁸⁹ Как ни парадоксально, но Хольцендорф усмотрел в этом договоре усиление влияния Антанты на севере Европы. Поэтому он призвал всеми имеющимися средствами поддерживать правительство белой Финляндии, полагая, что в случае с Финляндией речь шла не о внутривосточной борьбе партий, а о «новой попытке Антанты укрепить здесь (на севере Европы — *И.Н.*) свои позиции».⁹⁰

⁸⁵ Ibid. A 10845. Lersner an Reichskanzler vom 10.03.1918.

⁸⁶ О причинах высадки союзников в Мурманске см. подр.: *Левидов М.Ю.* К истории союзной интервенции в России. Дипломатическая подготовка. Л., 1925. Т. 1; *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik. S. 50; *Kettle M.* Russia and the Allies, 1917-1920. Vol. 1. London, 1981. P. 259-260; *Halliday E.M.* The ignorant Armies. L., 1961. P. 16; *Kennan G.F.* Soviet-American relations, 1917-1920. Vol. 2. 1958. P. 250-251.

⁸⁷ *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik. S. 49; *Kettle M.* Op. cit. P. 262.

⁸⁸ PAAA. Finnl. 1. A 10845. Lersner an Reichskanzler vom 10.03.1918.

⁸⁹ Полный текст договора см.: *Сюккляйнен. И.И.* Революционные события. С. 296-300.

⁹⁰ PAAA. Finnl. 1. Bd 1. A 11011. Holzendorf an AA vom 8.03.1918.

11 марта 1918 г. Г. фон Гертлинг созвал совещание с участием глав различных министерств и ведомств Германии, а также представителей Верховного командования. Собравшиеся, за исключением представителя Верховного командования, поставили под сомнение законность военной операции в Финляндии. В ходе дебатов участники совещания предложили отложить ее осуществление до ратификации Россией Брестского мирного договора, объяснив отсрочку тяжелой ледовой обстановкой на Балтике и рекомендовав как можно меньше придавать огласке в прессе все, что было связано с интервенцией в Финляндию.⁹¹ Кайзер и военная партия не были удовлетворены итогами совещания.

12 марта 1918 г. вопрос об отправке войск в Финляндию обсуждался уже на совещании имперского руководства под председательством Вильгельма II. К числу главных оппонентов Верховного командования принадлежал третий за период войны статс-секретарь по иностранным делам Рихард фон Кюльман. Кюльман стал главой МИД в 44 года, до него только Герберт фон Бисмарк оказался еще в более молодом возрасте на этом ответственном посту. Несмотря на дипломатический талант и материальный базис, быстрое восхождение к вершине власти для баварского католика и «нового дворянина» с буржуазным происхождением было необычным.⁹² Кюльман принадлежал во многом к новому типу дипломатов, который мы чаще находим в Великобритании, чем в Германии. Этот тип дипломатов полагался на здравый смысл, отдавал предпочтение методам не прямого, а косвенного подчинения.

Во время мартовского совещания у кайзера Кюльман находился в Бухаресте, но все же в телеграмме, адресованной Гертлингу, высказал свою точку зрения по поводу финляндской операции. В целом, Кюльман выступил против немецкой интервенции в Финляндию, заявив, что «вооруженное вмешательство против финляндской революции не

⁹¹ Ibid. N 055746/48.

⁹² *Hürter J. Die Staatssekretäre des Auswärtigen Amtes im Ersten Weltkrieg // Der Erste Weltkrieg. München; Zürich, 1994. S. 226.*

входит в сферу внешней политики Германии». ⁹³ Он также скептически относился к тезису об усилении Антанты на севере Европы. Статс-секретарь по иностранным делам обратил внимание на определенную закономерность появления у военной партии указанного аргумента: «Страх перед Антантой всплывает у нас при обсуждении каждого Балтийского вопроса». Наконец, глава немецкого МИД не разделял иллюзий относительно экономических преимуществ интервенции. Вторжение немецких войск на Украину обещало Германии поставки продовольствия, что адекватное этому могла предоставить Финляндия? — оставалось для Кюльмана загадкой. Поэтому он предлагал ограничить помощь белой Финляндии отправкой оружия, в крайнем случае, небольшого добровольческого соединения. ⁹⁴

Выслушав аргументы сторонников и противников интервенции, Вильгельм II присоединился к первым. Но из-за неблагоприятной ледовой обстановки в Ботническом заливе отправка немецких войск все же была отложена до конца марта — начала апреля 1918 г. ⁹⁵

В середине марта 1918 г. противники интервенции получили шанс одержать верх над военной партией. 12 марта правительство К. Маннера выразило желание вступить в переговоры с Германией. На Аландские острова была отправлена делегация финского социал-демократического правительства. Спустя два дня она прибыла на немецкий линкор «Рейнланд». Представители Совета народных уполномоченных осведомились о намерениях немецких войск и заявили, что «рабочий класс готов прекратить гражданскую войну сразу же, как только народу будет обеспечена свобода». Командир «Рейнланда» ответил, что Германия не признает Совет народных уполномоченных. Вместе с тем он все же передал просьбу о переговорах в Берлин. ⁹⁶

⁹³ PAAA. Finnl. 1. Bd 1. N 055773/76. Kühlman R. an Hertling G. vom 12.03. 1918.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. S. 454; Müller G.A. Regierte der Kaiser? Göttingen, 1959. S. 363.

⁹⁶ PAAA. Finnl. 1. Bd 1. N 055785. Admiralstab an AA vom 17.03.1918; Bastian v. S. 242–243.

Это сообщение вызвало несомненный интерес в немецком МИД. Переговоры открывали возможность урегулировать «финляндский вопрос» без военного вмешательства Германии или свести это вмешательство к минимуму. Сразу после получения первых известий о желании революционного правительства сесть за стол переговоров фон дер Буше направил в Экерё тайного советника К. Рицлера. Рицлер должен был всячески способствовать тому, чтобы представители революционной власти выразили готовность заключить при посредничестве Германии соглашение с белофиннами о прекращении военных действий. При этом красным финнам следовало признать заключенные правительством Свинхувуда договоры с Германией, а также не препятствовать намерению Берлина «отразить волну большевизма». ⁹⁷ Х. фон дер Буше полагал, что в случае успеха переговоров между двумя противоборствующими сторонами Германии не понадобилось бы отправлять в Финляндию войска. ⁹⁸

Но этот план оказался мертворожденным. В Берлин поступили сведения о ратификации IV-м Всероссийским съездом Советов Брестского мирного договора. Статья Шестая обязывала Россию вывести свои войска и флот из Финляндии, а также прекратить агитацию против буржуазного финского правительства. ⁹⁹ Ратификация мирного договора с Россией укрепила и без того прочные позиции Верховного командования, считавшего Брестский мир собственной заступой. ¹⁰⁰

В этот же период поступили просьбы от Э. Ельта и К.Г. Маннергейма не вести переговоры с правительством

⁹⁷ *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen.* S. 142.

⁹⁸ *Ibid.* S. 144.

⁹⁹ Документы внешней политики СССР. М., 1957. Т. 1. С. 122–123. По данным М.С. Свечникова, в Финляндии осталось не более 1000 русских солдат, демобилизованных из армии и вступивших в качестве добровольцев к финскую красную гвардию. — *Свечников М.С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917–1918.* М.; Пр., 1923. С. 81. Эвакуация русских войск закончилась к середине марта 1918 г., за исключением небольшой охраны военных складов и матросов на кораблях. Корабли не могли уйти из Финляндии из-за неблагоприятной ледовой обстановки. — *Холодковский В.М. Революция 1918 г.* С. 138.

¹⁰⁰ *Deutschland im Ersten Weltkrieg.* S. 243.

К. Маннера. Кроме того, вазасские сенаторы намекали на то, что в случае промедления с немецкой помощью белая Финляндия будет вынуждена обратиться с подобной просьбой к Антанте.¹⁰¹ Наконец, сам Рицлер не особенно стремился осуществить план фон дер Буше. Тайный советник прибыл на Аландские острова только 25 марта 1918 г., когда делегация революционного правительства, не получив положительного ответа, уже отбыла на материк. Рицлер полагал, что момент для ведения переговоров еще не настал, необходима высадка немецкого десанта в Финляндию, чтобы положение финляндских социал-демократов оказалось безнадежным.¹⁰² В итоге инициатива мирным путем разрешить внутренний конфликт в Финляндии не увенчалась успехом.

Между тем в Берлин продолжала поступать тревожная информация о положении белофиннов.¹⁰³ 21 марта 1918 г. представитель политического отделения немецкого генштаба Г. Штейнвакс сообщил о просьбе П.Э. Свинхувуда максимально ускорить отправку немецких войск.¹⁰⁴

Наконец, последние сомнения в необходимости проведения военной операции рассеяла телеграмма К.Г. Маннергейма, за которым в Берлине укрепилась репутация наиболее последовательного противника немецкой интервенции. В этой телеграмме, в частности, были следующие слова: «Прошу сообщить Теслеву,¹⁰⁵ что считаю его неотложной обязанностью ускорить прибытие немецкой экспедиции. Промедление может стать роковым».¹⁰⁶ Эта телеграмма разрушает образ Маннергейма как принципиального противника немецкой интервенции.¹⁰⁷

¹⁰¹ *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen. S. 178.*

¹⁰² PAAA. Finl. 1 Bd 2. L 081445. Riezler K. an Hertling G. vom 23.03.1918.

¹⁰³ Ibid. Bd 1. L 081824. Lersner an AA vom 23.03.1918.

¹⁰⁴ *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen. S. 177.*

¹⁰⁵ В. Теслев — офицер связи между Ставкой Маннергейма и немецким командованием.

¹⁰⁶ PAAA. GrHq. Bd 2. L 084478. Lersner an AA vom 22.03.1918.

¹⁰⁷ Впоследствии оппоненты Маннергейма не раз прибегали к тексту телеграммы, чтобы доказать ответственность главнокомандующего финской армией за прибытие в Финляндию немецких войск. — *Talas O. Suomen itsenäistyminen ja Mannerheimin muistelmat. Hämeenlinna, 1953. S. 11–12.*

Ссылаясь на просьбу главнокомандующего финской армией, Э. Людендорф с удовольствием констатировал: «Маннергейм не в состоянии в одиночку освободить Финляндию». ¹⁰⁸ Поэтому генерал настаивал на безотлагательности проведения Финляндской экспедиции.

25 марта 1918 г. кайзер отдал распоряжение как можно быстрее отправить в Финляндию войска. Высадка немецкого десанта первоначально планировалась на западном побережье Финляндии, в районе Раума или Мянтудуото. Позднее немецкое военно-морское командование пришло к выводу, что операцию эффективнее и удобнее провести в районе полуострова Ханко. ¹⁰⁹

1 апреля 1918 г. германская эскадра, насчитывавшая более 50 судов, в том числе 2 линкора, 3 крейсера, 10 пароходов, ряд транспортных судов, вышла из Данцига. 3 апреля она появилась на рейде в Ганге. ¹¹⁰ Во главе высаженной Балтийской дивизии стоял генерал Рюдигер фон дер Гольц. Одним из подразделений Балтийской дивизии командовал капитан Н. фон Фалькенхорст, который в годы Второй мировой войны возьмет на себя командование немецкими войсками в Лапландии. ¹¹¹

7 апреля 1918 г. близ Ловизы, в 100 км. восточнее Гельсингфорса, был высажен отряд полковника Отто Бранденштейна. Это подразделение должно было занять железную дорогу Рихимяки-Выборг, чтобы отрезать финскую красную гвардию от Выборга и России и лишить возможности перебрасывать подкрепления к Гельсингфорсу. ¹¹²

¹⁰⁸ PAAA. GrHq. Bd 2. L 084478. Lersner an AA vom 22.03.1918.

¹⁰⁹ Определенную роль в пересмотре плана высадки сыграл бывший российский военно-морской офицер Роос, финн по национальности, который предоставил информацию о размещении русских мин в Финском заливе, о численности и состоянии находившегося в гаванях русского флота. — *Bastian M. Keisarillinen Saksan laivaston osanotto Suomen Vapausotan // Suomen Vapausota*. III. S. 213, 249.

¹¹⁰ См. подр: *Холодковский В.М.* Революция 1918 г. в Финляндии. С. 268.

¹¹¹ Подробная структура Балтийской дивизии: *Arimo R. Saksalaisten sotilallinen toiminta*. S. 21–23.

¹¹² *Aspelmeier D.* Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege. Hamburg, 1967. S. 38; *Goltz R.* Als politischer General im Osten. Leipzig, 1936. S. 59.

Данные об общей численности высаженных в Финляндии войск расходятся. Согласно Р. фон дер Гольцу, Балтийская дивизия насчитывала 12 тыс., вместе с отрядом Бранденштейна — 15 тыс. человек.¹¹³ К.Г. Маннергейм, стараясь преуменьшить размеры немецкой помощи, останавливается на цифре 9 тыс. Напротив, российский военный специалист, служивший в финской красной гвардии, М.С. Свечников считал, что в Ганге высадилось 18 тыс., а в Ловизе — 2 тыс. немецких войск.¹¹⁴ Наиболее точные сведения о численности Балтийской дивизии приводит в своем исследовании финский военный историк Р. Аримо. К 21 апреля 1918 г. ее численность составляла 9969 чел, отряда Бранденштейна — 3034 человек, т. е. всего 13003 человек.¹¹⁵

Немецкий десант в Финляндию оказал огромное влияние на дальнейший ход гражданской войны. Хотя численность высаженных войск оказалась не такой уж большой и составляла примерно 1/5 часть армии К.Г. Маннергейма,¹¹⁶ но это были регулярные, хорошо обученные и вооруженные части, имевшие боевой опыт и поддерживаемые военными кораблями, авиацией и артиллерией.

Высадка Балтийской дивизии значительно ухудшила стратегическое положение финской красной гвардии, которая оказалась между двух огней. Кроме того, по словам М.С. Свечникова, «моральное впечатление от немецкой интервенции было огромным».¹¹⁷ Немецкое войска считались непобедимыми. Это буквально парализовало действия СНУ. 8 апреля 1918 г. правительство К. Маннера переехало в Выборг. Началась паника. Командование не успевших эвакуироваться из Финляндии российских судов по соглашению с красной гвардией вынуждено было усилить караулы на вокзалах и силой возвращать матросов на корабли. С 11 апреля 1918 г. в невероятно сложной ледовой обстановке на-

¹¹³ Goltz R. Meine Sendung in Finnland und im Baltikum. Leipzig, 1920. S. 47.

¹¹⁴ Свечников М.С. Революция и гражданская война в Финляндии. С. 95.

¹¹⁵ Arimo R. Saksalaisten sotilaallinen toiminta. S. 24.

¹¹⁶ По данным В.М. Холодковского, в армии К.Г. Маннергейма к началу мая 1918 г. находилось около 70 тыс. чел. — Холодковский В.М. Революция 1918 г... С. 150.

¹¹⁷ Свечников М.С. Революция и гражданская война в Финляндии. С. 90.

чался вывод последних кораблей Балтийского флота из Гельсингфорса в Кронштадт.¹¹⁸

После высадки на полуострове Ханко, не теряя времени на доклады К.Г. Маннергейму и не особенно интересуясь его мнением, Р. фон дер Гольц во главе Балтийской дивизии устремился к Гельсингфорсу. Взятие финской столицы имело для Берлина большое политическое значение. 14 апреля 1918 г. Гельсингфорс оказался в руках немецких войск. Согласно дневнику одного из офицеров Балтийской дивизии Х.К. Паульсена, зажиточная часть местного населения приветствовала немцев как своих освободителей. Девушки кидали проходившим в парадном строю немецким солдатам букеты цветов и коробки конфет. Дворянство и буржуазия финской столицы устраивали в честь немецких солдат многочисленные приемы. Приглашения на «завтраки, обеды, ужины» следовали одно за другим.¹¹⁹ С другой стороны, рабочие, социал-демократы «смотрели на немцев с нескрываемой недоброжелательностью».¹²⁰

29 апреля под напором финской белой армии пал Выборг. В течение нескольких дней отдельные отряды красной гвардии были разбиты. 1 мая 1918 г. М.С. Свечников с небольшим отрядом финских красногвардейцев перешел финско-российскую границу. Всего в России оказалось около 10 тыс. так называемых «красных финнов».¹²¹ Из их числа англичане, бывшие союзники России по Антанте, сформировали «финский легион», защищавший территорию Мурманской железной дороги от нападений белофиннов.¹²²

¹¹⁸РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 174. Л. 6. Историческая справка «Эвакуация русского флота из Финляндии в 1918 г.».

¹¹⁹*Cornelia Rauth-Kühne*. Gelegentlich wurde auch genossen: zum Kriegserlebnis eines deutschen Offiziers auf dem Balkan und Finnland // *Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial- und Mentalitätsgeschichte* / Hrg. Gerhard Hirschfeld. Essen, 1997. S. 165.

¹²⁰Вакхметев Архив (далее — ВАР). Vittenberg. Box V (2). VI.

¹²¹*Свечников М.С.* Революция и гражданская война в Финляндии. С. 101; Подробнее о военных действиях см: *Холодковский В.М.* Революция 1918 г. в Финляндии. С. 267–290.

¹²²Bundesarchiv (Barch). R 901/ 57518. Bl 7.

11 мая 1918 г. на совещании германского руководства в Спа, посвященном немецким военным целям на Востоке, Э. Людендорф в духе речи Д. Пуришкевича в Госдуме¹²³ весьма лаконично заявил: «С Финляндией покончено». Далее он отметил, что немецкие войска остаются там для обучения финской армии и приобретения в лице Финляндии союзника.¹²⁴

Немецкая вооруженная помощь ускорила окончание гражданской войны. Сторонники белой Финляндии были убеждены в том, что без немецкой поддержки финляндцам не удалось бы «освободиться от России».¹²⁵ Эдвард Ельт называл содействие Германии «поступком культуры, равного которому не было еще в ходе мировой войны». Интервенция Германии в Финляндию, по его мнению, имела «сильную печать идеализма, присущего германской нации, а также была проникнута ясным осознанием человеческого долга в отношении угнетенного малого народа».¹²⁶

В стране насаждалось представление о том, что финляндцы являются «кровными должниками» Германии. В одной из своих речей сенатор Е.Н. Сетяля заявил: «Мы еще раньше являлись должниками Германии, но теперь этот долг возрос в размерах и нет ничего более скрепляющего народы, чем кровный долг».¹²⁷ При этом Сетяля не упомянул о национальной уплате долга, о том, что по векселям все же придется платить. Согласно немецким финансовым расчетам, Финляндия должна была погасить в натуральном или денежном выражении задолженность Германии в связи с отправкой экспедиции в 80 млн марок (к 1922 г. было выплачено 70 млн марок).¹²⁸

¹²³ По поводу закона от 10.06.1910 г., ущемляющего автономные права Финляндии Пуришкевич заявил: «Финляндии конец».

¹²⁴ PAAA. Finnli. 1. Bd 6. L 082104. Ergebnis der Besprechung in Spa vom 11.05.1918.

¹²⁵ Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosisilta. S. 114.

¹²⁶ Ibid.

¹²⁷ Hulden A. Kuningasseikkailu Suomessa. S. 37.

¹²⁸ Hubatsch W. Unruhe des Nordens. S. 127; Menger M. Die Finnlandspolitik des deutschen Imperialismus. S. 161.

Что касается германского руководства, то оно рассматривало интервенцию в Финляндию с прагматической точки зрения. В глазах Вильгельма II это была «полицейская акция». ¹²⁹ Э. Людендорфа удивляли многочисленные выражения благодарности за интервенцию, которые он получал от финляндской политической элиты и после окончания Первой мировой войны. С его точки зрения, немецкие войска отправились в Финляндию защищать не финские, а исключительно германские интересы. ¹³⁰ Не случайно среди задач интервенции Э. Людендорф, как и П. фон Гинденбург, Р. фон дер Гольц в своих воспоминаниях на первое место выдвигают не помощь Финляндии в восстановлении порядка, а совершенно иные факторы, связанные с противоборством великих держав. ¹³¹

Весьма недвусмысленно пишет об этом Р. фон дер Гольц: «Нам нужна была Финляндия как пограничный столик на Балтийском море против англичан на Мурмане и против Советов в Петербурге. Мы хотели также привлечь шведов на свою сторону». ¹³² По мнению генерала, имея свои войска в Финляндии можно было препятствовать переходу Швеции на сторону Антанты. Лучшее средство для этого, с точки зрения фон дер Гольца, — «ясно объяснить ... шведскому правительству, что Стокгольм находится в пределах досягаемости орудий с германских кораблей». ¹³³

Оценивая итоги Финляндской экспедиции, Э. Людендорф писал, что она «выполнила немецкие ожидания. Была создана преграда для образования нового Восточного фронта». По его мнению, немецкие войска располагали в Нарве и Выборге такими позициями, которые давали возможность в любой момент начать наступление на Петроград. В то же время, «Мурманская железная дорога по всей своей длине фланкировалась из Финляндии, вследствие чего се-

¹²⁹ *Fischer F. Griff nach der Weltmacht.* S. 453.

¹³⁰ *Людендорф Э. Мои воспоминания о войне.* С. 193.

¹³¹ Там же; *Гинденбург П. Воспоминания.* Пг., 1922. С. 68; *Goltz R. Meine Sendung.* S. 91-93.

¹³² *Goltz R. Meine Sendung.* S. 100.

¹³³ *Ibid.* S. 101.

рьезное предприятие англичан более уже не являлось возможным». ¹³⁴

Таким образом, Финляндия вновь, как и в первые годы мировой войны, рассматривалась в Берлине в качестве средства для реализации задач более широкой, великодержавной политики. Только теперь говорилось уже не просто об ослаблении России и привлечении Швеции в коалицию центральных держав. Речь шла о длительном сохранении России в ослабленном состоянии и установлении немецкого господства в Балтийском регионе.

В данной связи контуры восточной политики Германии особенно ярко были представлены в записке немецкого посланника в Норвегии, адмирала Пауля фон Хинце, подготовленной в конце марта 1918 г. ¹³⁵ Упомянутый документ интересен тем, что его составил человек, хорошо знавший не только страны Северной Европы, но и Россию. С 1903 по 1911 г. Хинце был военно-морским атташе Германии в Петербурге. В июле 1918 г. он возглавит МИД Германии и попытается доступными ему средствами реализовать свою программу. ¹³⁶

Итак, П. фон Хинце исходил из того, что военная мощь России оказалась разрушенной. Поэтому, по его мнению, целью немецкой политики являлось создание положения, способного «как можно дольше удержать паралич России». ¹³⁷ Осуществление этой цели он видел в противостоянии России и вышедших из ее состава окраинных государств. Адмирал призывал «осторожно возвращать» противоречия между Россией и бывшими ее осколками. П. Хинце был уверен, что Россия никогда не смирится с Брестским миром и всеми средствами постарается преодолеть его условия.

¹³⁴ Людendorф Э. Мои воспоминания о войне. С. 193.

¹³⁵ PAAA. Finnl. 1. Bd 3. H 0557955/58. Hintze P. an Hertling G. vom 31.03. 1918.

¹³⁶ О биографии Хинце см. подр.: *Hintze P. v. Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär: Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903-1918* / Hrsg. J. Hürter. München, 1998.

¹³⁷ PAAA. Finnl. 1. Bd 3. H 0557955/58. Hintze P. an Hertling G. vom 31.03. 1918.

Реваншистские стремления России, по его мнению, можно сдержать только угрозой.¹³⁸

Далее П. фон Хинце обратил свой взор на Финляндию, как страну, с помощью которой проще всего осуществить «благотворное для Германии воздействие» на Россию. Финляндия, с точки зрения адмирала, являлась «воротами для наступления на Россию». Поэтому Германия была просто обязана политически и в военном плане «удержать эту страну в своих руках».¹³⁹ Кроме того, Хинце полагал, что «военные успехи рейха превратили его в хозяина Балтийского моря». Теперь, вместе с Финляндией можно было завершить программу изоляции России, а именно направить финляндские усилия на завоевание незамерзающих гаваней в Северном Ледовитом океане и затем установить немецкий контроль за северным выходом России к морю.¹⁴⁰

Таким образом, с точки зрения будущего главы немецкого МИД, Финляндии отводилась роль удобного проводника немецкой политики на севере Европы. П. Хинце не идеализировал финляндцев. Он считал их «упрямыми, сварливыми, замкнутыми, крайне ненадежными и эгоистичными». Но, по его мнению, «страх перед столетним русским угнетением» будет содействовать установлению немецкого контроля над Финляндией.¹⁴¹

Не менее наглядно цели финляндской политики Германии представлены в меморандуме немецкого МИД, подготовленном в мае 1918 г. его сотрудником О. Траутманом и подписанном помощником статс-секретаря по иностранным делам Г. фон дер Буше: «Цель нашей (Германии. — *И.Н.*) финской политики — как можно скорее поставить Финляндию на ноги, но так, чтобы она прислонилась к нам и

¹³⁸ Действительно, среди военных специалистов России большое распространение получила идея неизбежности продолжения войны с Германией, по мере укрепления армии и собирания сил. — РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 35. Л. 89. Доклад начальника оперативного управления Высшего военного совета А. Шварца от 30.08.1918; Д. 34. Л. 1-2. Доклад Генштаба о неизбежности продолжения войны с Германией от 21.04.1918.

¹³⁹ РААА. Finnl. 1 Bd 3. Hintze an Hertling vom 31.03.1918.

¹⁴⁰ Ibid.

¹⁴¹ Ibid.

осталась нашим оружием против России». С Россией же автор, составивший этот меморандум, предлагал обходиться так, как поступал в свое время с Францией О. фон Бисмарк — «держатъ Россию как можно более длительное время в ослабленном состоянии». ¹⁴²

В меморандумах Хинце и Траутмана не упоминаются экономические мотивы немецкой интервенции в Финляндию. Между тем экономический фактор также играл определенную роль в осуществлении Финляндской экспедиции и последующем решении немецкого руководства оставить в Финляндии свои войска. Экономические интересы Германии в Финляндии в известном смысле отстаивали Рейнско-Вестфальская монополия А. Тиссена, торгово-промышленная группа «Ганза» и «Немецко-финляндское объединение». ¹⁴³ Эти союзы предпринимателей еще до начала Первой мировой войны активно торговали с Финляндией. Поэтому они выступали за скорейшее восстановление прежних отношений, что было возможным только в случае внутренней стабилизации в Финляндии. Не случайно, немецкие торговые и промышленные круги, связанные с Финляндией, поддерживали идею интервенции. Когда в марте 1918 г. П.Э. Свинхувуд приехал в Берлин, немецкие предприниматели проявили к его стране большой интерес. Г. Стиннес и А. Баллин устроили в честь главы Финляндского государства завтрак, в ходе которого (и после него) они говорили о железных дорогах, лесах и финских водных ресурсах. Г. Стиннес предложил переделать финское железнодорожное полотно по европейским стандартам, продать оставшиеся паровозы и вагоны России, закупив новые в Германии. ¹⁴⁴

В середине апреля 1918 г. в немецких правящих кругах было встречено с пониманием предложение посетившего Финляндию корреспондента одной из немецких газет Л. Вахтеля. Он предлагал привлечь к сотрудничеству ряд финских фабрик по производству бумаги в счет компенсации за не-

¹⁴² Ibid. Finland 1. Bd 5. Pro memoria. H 055859-62.

¹⁴³ Bundesarchiv. R 901/ 57518. Bl 66; Menger M. Die Finnlandspolitik des deutschen Imperialismus. S. 141, 142.

¹⁴⁴ Холодковский В.М. Революция 1918 г... С. 241.

мецкую военную операцию. Это позволило бы, по его мнению, удовлетворить потребности германских издательств в бумаге.¹⁴⁵

16 мая 1918 г. в Штальхофе, близ Дюссельдорфа, состоялось совещание руководителей металлургической и сталелитейной промышленности Германии, на котором присутствовали такие крупные фигуры немецкого бизнеса, как А. Тиссен, Г. Стиннес, Э. Кирдорф. В протоколе совещания была высказана необходимость немецкой военной оккупации на длительное время всех коммуникаций, связывающих европейские страны с севером России. По мнению немецких промышленников, также следовало стремиться к тому, чтобы «побережье от Мурманска, острова Балтийского моря и... сама Финляндия оставались под нашим (немецким. — И.Н.) контролем».¹⁴⁶

Интервенция в Финляндию позволила Германии в некоторой степени ослабить экономическую блокаду и использовать Финляндию в качестве транзитного пути для импорта из Швеции и Норвегии высококачественной железной руды. Управление Рейнско-Вестфальских металлургических заводов А. Тиссена в мае 1918 г. отправило специальное послание в ведомство военного обеспечения с требованием длительного занятия Германией Аландских островов с целью «обеспечения безопасности подвоза железной руды из Швеции».¹⁴⁷ Таким образом, наряду со шведской и финской альтернативами решения судьбы Аландских островов, обнаружилась третья — немецкая оккупация архипелага. Для Верховного командования было важно, что его скрытые от простого наблюдателя мечты поддерживали также финансово-промышленные круги Германии.

Все же, по сравнению с военно-стратегическими и политическими мотивами немецкой интервенции в Финляндию экономические факторы играли второстепенную роль. В ис-

¹⁴⁵РААА. Finnl. 1. Bd 4. A 17228. Wachtel L. an Berggartt vom 15.04.1918.

¹⁴⁶Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. М., 1968. Т. 1. С. 533; Норден А. Между Берлином и Москвой. М., 1956. С. 150.

¹⁴⁷РААА. Aaland. Bd 1. E 285873. Kienlin an Hertling vom 29.05.1918.

торической литературе нередко преувеличивается их значение.¹⁴⁸ При этом ссылки обычно делаются на заявления Э. Людендорфа и П. фон Гинденбурга, которые они произносили в условиях тяжелейших дебатов с противниками интервенции. Когда 14 мая 1918 г. Х. фон Хольцендорф спросил Э. Людендорфа насчет дальнейших планов относительно Финляндии, первый генерал-квартирмейстер перечислил военно-стратегические и политические цели Германии, но ни словом не обмолвился насчет того, что Финляндия могла стать жизненно важным поставщиком для Германии леса, бумаги или других материалов.¹⁴⁹

Гинденбург прямо противопоставлял Финляндию Украине. Если Украина нужна была Германии в качестве источника сырья и продовольствия, то с помощью Финляндии немецкие военные надеялись «затруднить влияние Антанты на дальнейшее развитие событий в Великороссии» и создать угрозу для Петрограда.¹⁵⁰

Кроме того, если сопоставить количество записок, меморандумов и донесений, поступивших в немецкий МИД с февраля по май 1918 г. и посвященных экономическому обоснованию интервенции, то они с количественной и качественной точки зрения явно уступают военно-стратегическому и политическому ее обоснованию. Разумеется, это не означает, что Германия была не заинтересована в распространении своего экономического влияния в Финляндии. Это говорит лишь о второстепенности экономических факторов по сравнению с военно-стратегическими и политическими.

В целом, в ходе Финляндской экспедиции Германия стремилась реализовать следующие задачи: препятствовать восстановлению Восточного фронта на севере России, воздействовать в благоприятном для Берлина русле на внешнюю политику России и Швеции, локализовать распространение влияния большевизма, экономически интегрировать Финля-

¹⁴⁸ *Холодковский В.М.* Революция 1918 г. в Финляндии. С. 240–244; *Menger M.* Die Finnlandspolitik. S. 141, 162.

¹⁴⁹ *Herwig H.* German policy in the Eastern Baltic Sea in 1918: Expansion or Anti-Bolshevik Crusade? // *Slavic review.* 1973. Vol. 32. N 2. P. 342.

¹⁵⁰ *Гинденбург П.* Воспоминания. С. 68.

дию в общую цепь подчиненных рейху окраинных государств. При этом на первом месте стояли мотивы военно-стратегического и политического характера, среди которых для «бескорыстного альтруизма», «немецкого идеализма» и «чувства долга перед малым народом» оставалась весьма ограниченная сфера применения.

3.4. Особенности становления финляндской государственности

Формирование государственности независимой Финляндии, с одной стороны, определялось особенностями правового статуса Финляндии в составе Российской империи, с другой — зависело от специфических условий протекания этого процесса. Финляндия, благодаря ее привилегированному положению в составе Российской империи, прочным традициям автономии, довольно высокой политической культуре, развитой системе местного самоуправления и наличию демократической парламентской системы, по сравнению со странами Балтии, имела лучшие предпосылки для политического суверенитета.¹⁵¹

В то же время разгоревшаяся в стране гражданская война и последовавшая в апреле 1918 г. немецкая вооруженная интервенция наложили существенный отпечаток на процесс становления государственности независимой Финляндии.

С конца января по май 1918 г. в Финляндии функционировали два правительства: буржуазное и социал-демократическое, отражавшие разные внутри — и внешнеполитические альтернативы. В обстановке гражданской войны оказалось невозможным нормальное функционирование органов государственного управления и парламентской системы. Как уже отмечалось, первоначально в составе Вазасского правительства работало всего 4 сенатора. Глава правительства и большая часть сенаторов скрывались либо в Гельсингфорсе, либо за границей. Подлинным хозяином положения в

¹⁵¹ *Jussila O. Maakunnasta valtioksi. Suomen valtion synty. Juvä, 1987. S. 168.*

белой Финляндии был главнокомандующий финской армией К.Г. Маннергейм. Какое-то время он мог вообще не обращать внимание на правительство.¹⁵²

В конце марта 1918 г. в Вазу прибыл немецкий посланник барон Август фон Брюк. 26 марта состоялся обмен верительными грамотами. В своем донесении рейхсканцлеру Брюк нарисовал живописную картину сложившейся в высших сферах Финляндии обстановки. По его мнению, о собственно министерствах вообще нельзя было говорить. «Правительство размещалось в трех комнатах, где все документы оставались лежать совершенно неохранными, когда сенат отправлялся завтракать. Персонал канцелярии отсутствовал».¹⁵³ Во время встречи А. Брюка с исполняющим обязанности главы финского МИД Самули Сарйо последний прямо заявил, будто «понятия не имеет, что следует делать». Брюк, в свою очередь, сообщил канцлеру Гертлингу: «Мы называем его (Сарйо. — И.Н.) только из вежливости статс-секретарем. Он сам шифрует, дешифрует и рассылает документы».¹⁵⁴

После окончания гражданской войны деятельность финского правительства вошла в нормальное русло. Но это были уже не те довоенные политики, многие из которых мечтали о нейтралитете Финляндии и торжестве идеалов парламентской демократии. Теперь они призывали к установлению авторитарного режима. Будущий глава правительства Ю.К. Пасикиви на совещании старофинской партии в середине мая 1918 г. заявил, что в политическом развитии страны произошел резкий поворот: важнейшие дела нельзя теперь решать, прислушиваясь к общественному мнению.¹⁵⁵

Различные политические группировки выдвигали предложение о реформе народного представительства, означавшей на самом деле отмену всеобщего избирательного права. 14 мая 1918 г. старофинская газета «Ууси Суометар» опубли-

¹⁵² *Meri B.* Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997. С. 105.

¹⁵³ PAAA. Finnl. 1. Bd 3. A. 15226. Brück an Hertling vom 31.03.1918.

¹⁵⁴ *Ibid.*

¹⁵⁵ *Polvinen T.* J.K. Paasikivi. Porvoo; Helsingi, 1989. S. 347.

ликовала обращение 47-ми популярнейших политических деятелей Финляндии. В нем, в частности, говорилось о том, что всеобщее избирательное право является «односторонним». Его осуществление оправдано лишь там, где имеется сильное правительство в противовес народному представительству. Чтобы исправить положение, предполагалось предоставить дополнительное представительство «особо важным группировкам имущих слоев населения», а также введение имущественного ценза.¹⁵⁶ В обстановке гражданской войны состоятельные слои населения начали остерегаться построения «демократической республики», которая в их глазах приобретала значение «анархии» и «безвластия».

Немецкая вооруженная интервенция и победа правительства Свинхувуда способствовали тому, что Германия получила возможность оказывать колоссальное влияние на процесс становления финляндской государственности. При этом следует иметь в виду, что в Берлине господствовало своеобразное «двойное разделение», обусловленное обострением в 1918 г. противоречий между Верховным командованием и МИД.¹⁵⁷

В новых сферах влияния, приобретенных Германией в ходе распада Российской империи, у Верховного командования имелись свои представители: на Кавказе — генерал О. Лоссов, на Украине — В. Гренер, в Прибалтике — М. Гофман. С их помощью Верховное командование «делало политику» по собственному усмотрению и независимо от МИД. Представитель социал-демократов в рейхстаге Ф. Шейдеман довольно точно охарактеризовал сложившуюся в «верхах» ситуацию: «У нас, в сущности, есть два министерства иностранных дел — фон Кюльмана и Людендорфа. При этом министерство Людендорфа .. влиятельнее, чем Вильгельмштрассе».¹⁵⁸

В Финляндии линию МИД проводил А. фон Брюк, военных кругов — Р. фон дер Гольц. Будучи представите-

¹⁵⁶РГА ВМФ. Ф. Р.-342. Оп. 1. Д. 663. Л. 52-53об. Uusi Suometar. 14.05. 1918.

¹⁵⁷См. подр.: Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. S. 14-28; 70-71; Vahtola J. Saksan idanpolitiikan tavoitteet Suomen asema kesällä 1918. Oulu, 1989. S. 144-150.

¹⁵⁸Цит. по: Polvinen T. J.K. Paasikivi. S. 344.

лями двух полемизировавших друг с другом учреждений, они нередко имели разные подходы к одним и тем же внутренним проблемам Финляндии и, соответственно, настаивали на отличных друг от друга вариантах реализации тех или иных программ. Финляндцам нередко было трудно понять, каковы истинные намерения Берлина. Но в условиях выбора правительство предпочитало все же в большей степени прислушиваться к рекомендациям немецких военных. Это было связано не только с тем, что Балтийская дивизия осталась в Финляндии. В свое время именно Верховное командование настаивало на провозглашении Финляндией независимости.¹⁵⁹ Буржуазные круги считали фон дер Гольца «освободителем страны от красной тирании».¹⁶⁰

С другой стороны, поскольку российские солдаты принимали участие в гражданской войне, а правительство большевиков активно поддерживало красных финнов, среди их противников укрепилось убеждение, что главный источник опасности для финляндской независимости находится на Востоке — в России. Многие политические деятели Финляндии полагали, что рано или поздно в России будет восстановлена сильная власть, и тогда она вновь попытается вернуть Финляндию. Единственной державой, способной в таком случае защитить независимость Финляндии, с точки зрения финляндской правящей элиты, являлась именно Германия.¹⁶¹ Влиятельный финский политик профессор Р. Эрих в одной из своих статей откровенно заявил, что переориентация Финляндии на Германию определялась «угрозой с Востока».¹⁶² Не менее категорично высказывались по данному поводу известные политические деятели Финляндии Л. Ингман и Ю.К. Паасикиви.¹⁶³

¹⁵⁹ *Enckell C. Polittiset muistelmani. I. Porvoo; Helsingi, 1956. S. 156; Kallenautio J. Suomi katsoi eteensä. S. 17.*

¹⁶⁰ *Goltz R. Meine Sendung... S. 101.*

¹⁶¹ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 663. Л. 52-52об. *Uusi Suometar. 14.05.1918.*

¹⁶² *Erich R. Finnlands künftige Staatsverfassung // Das neue Deutschland. 1918. Heft 6/9. S. 239-242.*

¹⁶³ *Das neue Deutschland. 1918. Heft 19; Hultden A. Kuningasseikkailu Suomessa. S. 51.*

Кроме идеи прочного союза с Германией, в Финляндии пропагандировалось требование милитаризации страны. Милитаризация рассматривалась в качестве одного из основных факторов обеспечения безопасности. Так, на праздновании финского праздника Ваппу (Первомай) лидер Аграрного союза Сантери Алкио в качестве символического жеста взял в руки винтовку и с пафосом заявил, что «единственным средством обеспечить Финляндии мир в будущем является винтовка». ¹⁶⁴ Показательно в данной связи и выступление Ю.К. Паасикиви в начале мая 1918 г.: «Финляндцам, чтобы сохранить свою независимость, необходимо превратиться в военизированный народ». ¹⁶⁵

Милитаризация страны являлась также средством территориальной экспансии. В начальную стадию становления независимости малых европейских государств, некоторым из них была присуща любопытная особенность, так называемый «ограниченный империализм». Только что вышедшие из состава империй молодые государства претендовали на присоединение возможно больших приграничных территорий, нередко вне своих исторических и языковых границ. ¹⁶⁶ Не избежала такой опасной болезни и Финляндия. Ее тогдашние лидеры планировали воспользоваться ослаблением России и создать за счет восточного соседа «Великую Финляндию», включавшую территории восточной Карелии и Кольского полуострова. ¹⁶⁷ Аппетит некоторых финских политиков и общественных деятелей вообще принимал размеры гротеска, когда они планировали создать на Севере Европы новую империю, в состав которой кроме кольских и карельских земель вошли бы Ингерманландия, Петроград и Эстония. ¹⁶⁸ Захват Петрограда входил также в планы К.Г. Маннергейма, что, по его мнению, являлось лучшей гарантией признания финляндской независимости Россией и давало

¹⁶⁴ *Polvinen T. J.K. Paasikivi. S. 347.*

¹⁶⁵ Цит. по: *Ibid.*

¹⁶⁶ *Paasivirta J. Pienet valtiot Europassa. S. 355.*

¹⁶⁷ См. подп: *Kallennauttio J. Suomi katsoi eteensä. S 39-42; Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage. Hels., 1965. S. 58-61.*

¹⁶⁸ *Bundesarchiv. R 901/57518. Bl 64. « Uusi Päivä ».*

дополнительные шансы на получение территориальной компенсации.¹⁶⁹

Вообще, в финляндской историографии (И. Виролайнен, К. Иконен, П. Лунтинен) ирредентизм малой нации нередко оказывается напрямую связанным с проблемой сохранения независимости. Считалось, что для обеспечения на длительный срок недавно обретенного суверенитета требовалось создание необходимых условий: экономических, политических и стратегических. Решение этой задачи руководство страны видело в проведении активной восточной политики.¹⁷⁰ Причем ряд историков, в частности, М. Ахти, И. Виролайнен, Й. Калленаутио, М. Яскеляйнен, не отрицают ее агрессивного характера.¹⁷¹

С другой стороны, ограниченность собственных возможностей вынуждала Финляндию искать опору в реализации своих амбиций в виде великой державы, в данном случае в лице Германии. Из этого практически неизбежно следовало включение Финляндии в большую игру великих держав, что значительно осложняло достижение собственных целей.¹⁷²

Финляндия во многом являлась типичным образцом новых государств, которые рождались в конце Первой мировой войны на осколках некогда могущественных империй. Рождение этих государств представляло собой сложный процесс не только с точки зрения установления границ, территориальных споров, форм управления, но и в вопросах, связанных непосредственно с распадом империй, разделом имущества, расторжением старых отношений. С гордостью заявляя о своем статусе суверенных государств, новые субъекты международного права тем не менее унаследовали от империй все их слабости. В частности, молодые государства в такой

¹⁶⁹ Об эволюции взглядов Маннергейма по вопросу о захвате Петрограда см. подр.: *Рупасов А.И.* Гражданская война на Северо-Западе и позиция Финляндии: современная финская историография // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII—XX вв. в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 121.

¹⁷⁰ Там же. С. 112.

¹⁷¹ Там же. С. 112; *Jääskeläinen M.* Die Ostkarelische Frage. S. 55; *Kallenautio J.* Suomi katsoi eteensä. S. 42.

¹⁷² *Рупасов А.И.* Гражданская война на Северо-Западе ... С. 112.

же степени (если не больше) терзали проблемы национальных меньшинств.

Несмотря на то, что Финляндия, как и многие другие молодые государства, обосновывала свой суверенитет правом наций на самоопределение, внутри финских государственных границ применение этого принципа подвергалось сомнению и становилось весьма деликатной проблемой.¹⁷³ К примеру, в независимой Финляндии обострились противоречия с жителями Аландских островов, подвергались дискриминации шведы и русские.¹⁷⁴ Даже положение главнокомандующего финской армией К.Г. Маннергейма осложнял тот факт, что он был, как его тогда называли, «шведо-русак».¹⁷⁵ швед по происхождению, отдавший 30 лет своей жизни служению императорской России.

Таким образом, фон становления государственности независимой Финляндии характеризовался причудливым переплетением старых национальных традиций и зарождением новых, впитавших в себя реалии гражданской войны и немецкой интервенции.

15 мая 1918 г. возобновились заседания финляндского парламента. Из 200 избранных в октябре 1917 г. парламентариев присутствовало 109. От социал-демократической фракции, насчитывающей в сейме последнего состава 92 депутата, присутствовал только один депутат — Матти Паасивуори. Участвовавшие в гражданской войне социал-демократы частично эмигрировали в Россию, некоторые погибли на полях сражений, 56 человек были арестованы по обвинению в государственной измене.¹⁷⁶

Этот парламент вошел в историю Финляндии как «куцый парламент» или «парламент-обрубок». Поскольку числен-

¹⁷³ *Paasivirta J. Pienet valtiot Europassa. S. 355.*

¹⁷⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 663. Л. 33 об. Обзор финской прессы, начало мая 1918; *Вериков Б. В.* Тампере с 1913 года // *Вестник. Русский журнал в Финляндии. 1994. № 1. С. 8–9;* *Новикова И. Н.* Деятельность русских организаций в Финляндии в 1918 г. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы ежегодной научной конференции. СПб., 2001. С. 48–51.

¹⁷⁵ *Расила В.* История Финляндии. Петрозаводск, 1996. С. 164.

¹⁷⁶ *Холодковский В. М.* Революция 1918 г... С. 304; *Hulden A. Kuningasseikkailu Suomessa. S. 63; Paasivirta J. Suomi vuonna 1918. S. 248.*

ность депутатов парламента была почти в два раза меньше, чем требовалось по закону, много дискутировали о легитимности данного «обрубка». Но общее мнение оставшихся парламентариев сводилось все же к тому, что существующий парламент легитимен, ибо социалисты в нем отсутствовали по своей воле или по причине «собственных деяний».¹⁷⁷

18 мая 1918 г. парламент вручил верховную власть в стране П.Э. Свинхувуду. 27 мая было сформировано новое правительство. Его главой стал 48-летний директор банка Ю.К. Паасикиви, в тот период придерживавшийся прогерманской ориентации.¹⁷⁸ Мировоззрение Паасикиви являлось достаточно пессимистичным. Для него мировая политика казалась «концертом великих держав», в котором малым странам отводилась незавидная роль.¹⁷⁹ С точки зрения главы правительства, полная независимость для Финляндии была невозможна. Он полагал, что в мире существует четыре центра: Лондон, Нью-Йорк, Москва и Берлин. Именно они управляют мировой политикой. Малой стране ничего не остается, кроме того, как «прислониться к какой-либо великой державе». Для Финляндии же этот вопрос звучал категорично: или Германия, или Россия. По мнению Ю.К. Паасикиви, главной целью политики безопасности Финляндии являлась защита от России, и эту защиту могла обеспечить только Германия.¹⁸⁰

Несмотря на то, что в правительстве работали всего три представителя правого радикализма, «активисты» С. Сарю, Х. Ренвалль и В. Теслев, его программа по сути своей была приобретена из «активистского» арсенала: создание конституционной монархии, военное, экономическое и политическое сотрудничество с Германией и образование «Великой Финляндии».

¹⁷⁷ Расила В. История Финляндии. С. 163.

¹⁷⁸ Jhonen K. J. K. Paasikiven poliittinen toiminta Suomen itsenäistymisen murrosvaiheessa. Helsingi, 1990. S. 356.

¹⁷⁹ Койвисто М. Вехи пути: взгляды на внешнюю политику Финляндии. М., 1987. С. 45.

¹⁸⁰ РГА ВМФ. Ф. Р. 342. Оп. 1. Д. 683. Л. 52–53 об. Uusi Suometar. 14.05. 1918.

В своей внешней политике новое правительство следовало прогерманскому курсу, точнее, курсу немецких правых. Военно-морской атташе Германии в Хельсинки Рейтер следующим образом охарактеризовал внешнеполитические взгляды финляндского сената: «Правительство разделяет... убеждение, что маленькому государству открывается перспектива счастливого будущего, если оно прислонится к великой державе... Сейчас для Финляндии такой державой может быть только Германия».¹⁸¹

В мае 1918 г. в Финляндии начался процесс, который можно охарактеризовать как «очищение от всего русского». С 10 мая последовала принудительная высылка русского населения по определенным спискам. В первые дни на конфискованных Финляндией российских судах было вывезено 700–850 человек.¹⁸² Летом 1918 г. ликвидировались должности переводчиков с русского языка в губернских правлениях. Его изучение отменили в школах.¹⁸³

Православная церковь в Финляндии являлась русским институтом, хотя примерно 3/4 прихожан были финноязычными и подданными Финляндского государства. Православным священникам стало опасно появляться на улицах. Им запретили носить рясу. Правительство прибегло к мерам по «финнизации» православной церкви.¹⁸⁴ Многие православные церкви сочли ненужными. Так храм Александра Невского в Суоменлинна лишился своего лукообразного купола и превратился в лютеранскую церковь. Подобная участь постигла и православную церковь в Лапеенранта. Некоторые церкви были демонтированы, переоборудованы под библиотеки, солдатские клубы или использовались для иных целей.¹⁸⁵

Государственный университет в Хельсинки также старался избавиться от всего, что напоминало о России. Здесь

¹⁸¹РААА. GrHq. Bd 3. L 084748. «Über die Verhältnisse in Finnland». 10.07. 1918.

¹⁸²РГА ВМФ. Ф. Р — 432. Оп. 1. Д. 663. Л. 38, 48. Обзор финляндской прессы, май 1918 г.

¹⁸³См. подр: Polvinen T. J.K. Paasikivi. S. 360.

¹⁸⁴Вериков Е. В Тампере с 1913 года. С. 8.

¹⁸⁵Энгман М. После России // Север. 1992. № 11–12. С. 131–132.

развернулась кампания под лозунгом: «Долой русскую профессию». Группа студентов, в том числе и будущий президент Финляндии У.К. Кекконен, замазала смолой монограмму Александра I на фасаде университета.¹⁸⁶

Подобные действия являлись гипертрофированной ответной реакцией на проводившуюся в Финляндии в начале XX в. политику русификации и на вмешательство Советской России во внутренние дела провозгласившего независимость государства.

С мая 1918 г. наибольшую остроту приобрел вопрос о форме правления независимой Финляндии. Он разделил страну на два лагеря: республиканцев и монархистов. Острый внутренний конфликт в финляндском обществе по вопросу о форме правления, с точки зрения финского дипломата и историка А. Хульдена, явился продолжением гражданской войны, которая велась теперь политическими средствами.¹⁸⁷

Еще до окончания гражданской войны, 23 апреля 1918 г. в шведоязычном издании «Дагенс пресс» была опубликована статья преподавателя фехтования А. Эклунда. Она вышла под симптоматичным названием «Дайте нам короля!» и положила начало кампании в пользу монархической формы правления.¹⁸⁸

На следующий день, другая влиятельная газета «Хуфвудстадбладет» опубликовала подобную статью директора банка Э. Шюбергсона, который пытался на основе пункта 38 «Формы правления» 1772 г., а также финских исторических традиций обосновать необходимость провозглашения монархии. 14 мая 1918 г. 47 лидеров буржуазных партий обратились к населению с призывом к установлению в стране монархической формы правления.¹⁸⁹

Монархисты полагали, что введение конституционной монархии создаст предпосылки для установления в стране твердой, стабильной государственной власти. Фигура монарха поднимется над партийными разногласиями и объединит

¹⁸⁶ Там же. С. 111–112.

¹⁸⁷ *Hulden A. Kuningasseikkailu Suomessa.* S. 10, 190.

¹⁸⁸ *Ibid.* S. 49.

¹⁸⁹ *Ibid.*

нацию. С внешнеполитической точки зрения, по мнению монархистов, упомянутая форма правления являлась предпочтительнее в связи с тем, что ее установление укрепило бы отношения с Германской империей и увеличило бы заинтересованность последней в финляндских делах.¹⁹⁰

Они также надеялись, что монархической Финляндии не составит труда привлечь Германию к реализации великофинских планов в отношении восточной Карелии.¹⁹¹ Ссылаясь на пример династий шведских Бернадоттов, румынских Гогенцоллернов и Кобургов в Бельгии, сторонники монархии считали, что иностранная королевская династия сможет служить интересам и выгодам нового Отечества.¹⁹²

В кампании за установление в стране монархической формы правления видное место занимал созданный в конце мая 1918 г. «Комитет безопасности новой Финляндии» во главе с Х. Суолахти. В этой организации принимали активное участие такие известные политические деятели Финляндии, как Э. Неванлинна, К. Коскимес, К.Г. Идман. Финансовое содействие Комитету осуществляли банк Э. Шюбергсона и Национально-акционерный банк, директором которого был Паасикиви.¹⁹³

В ответ на акции монархистов, республиканцы собрали 75 подписей известных деятелей Финляндии и опубликовали 29 мая 1918 г. свое «Обращение к финскому народу».¹⁹⁴ Примечательно, что его подписали три будущих президента Финляндии К. Столберг, Л. Реландер и К. Каллио.

В противоположность монархистам, республиканцы полагали, что независимость страны может быть обеспечена только за счет внутренних ресурсов, а избрание королем Финляндии немецкого принца превратит Финляндию в вассала Германии.¹⁹⁵

¹⁹⁰ PAAA. Finnl. 1. Bd 5. A 18196. Brück an Hertling vom 29.04.1918.

¹⁹¹ Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage. S. 105.

¹⁹² Polvinen T. J.K. Paasikivi. S. 351.

¹⁹³ Hilden A. Kuningasseikkailu Suomessa. S. 194.

¹⁹⁴ PГА ВМФ. Ф. P-342. Оп. 1. Д.663. Л. 52. Helsingin Sanomat. 29.05.1918.

¹⁹⁵ Polvinen T. J.K. Paasikivi. S. 350, 351; Kallenautton J. Suomi katsoi eteensä. S. 36.

Рупором республиканских идей стала газета «Хельсингин Саномат». В одной из своих статей К. Столберг назвал преклонение перед Германией и желание правящей элиты «вогнуть всеми силами в головы народа монархическую идею» опасными симптомами болезни, поразившей политическую систему страны.¹⁹⁶

Республиканцы были также убеждены, что королевская власть будет бессильна ликвидировать причины, породившие революцию. Только глубокие внутренние реформы в республиканской Финляндии были способны, по их мнению, восстановить в стране гражданский мир.¹⁹⁷

Летом 1918 г. младофинны, по аналогии с событиями Великой Французской революции, призвали к созданию клубов якобинцев. На базе них был образован «Республиканский комитет» во главе с О. Мантере.¹⁹⁸

В финляндском парламенте приверженцами монархической формы правления зарекомендовали себя старофинны, правое крыло младофиннов, шведская народная партия. Глава государства и глава правительства также являлись монархистами. Республиканскую идею в парламенте поддерживали часть младофиннов, Аграрный союз и единственный социал-демократ.

Что касается позиции К.Г. Маннергейма, то он предпочитал оставаться в тени, официально не поддерживая ни монархистов, ни республиканцев. Школьный товарищ Маннергейма Г. Шауман полагал, что главнокомандующий не определил свое отношение по вопросу о форме правления. В одной из бесед он, в частности, заметил, что вопрос не в том, будет ли Финляндия республикой или монархией. В любом случае Финляндии нужна сильная власть правительства.¹⁹⁹ К. Энкель в своих воспоминаниях высказал мнение, что Маннергейм скорее всего поддерживал идею конституционной монархии.²⁰⁰ В пользу данной точки зрения говорит

¹⁹⁶ Helsingin Sanomat. 30.04.1918.

¹⁹⁷ Ibid. 1.05.1918.

¹⁹⁸ Huiden A. Kuningasseikkailu Suomessa. S. 200.

¹⁹⁹ Ibid. S. 61.

²⁰⁰ Enckell C. Polittiset muistelmani. I. S. 335.

также донесение А. Брjока, подготовленное им после встречи с финским главнокомандующим.²⁰¹ Впрочем, в конце мая 1918 г. Маннергейм потерял свое влияние на внутривнутриполитическую борьбу. Он вынужден был уйти в отставку и уехать в Швецию.

11 июня 1918 г. сенат внес в финский парламент законопроект о введении в стране конституционной монархии. Вокруг него разгорелась ожесточенная полемика. Республиканцы называли сторонников монархии «авантюристами, готовыми продать страну Германии». Монархисты кричали, что республиканцы хотят продать Финляндию Антанте. Голосование показало, что проект собирает чуть больше 1/2 голосов. Результаты были совершенно неудовлетворительными для монархистов. По существующим законам требовалось, чтобы не менее 5/6 присутствовавших депутатов признали законопроект срочным и поддержали его не менее 2/3.²⁰²

В этой обстановке монархисты решили обратиться с просьбой к Германии оказать воздействие на финляндское общество. От Берлина требовалось официальное заявление о том, что германское правительство заинтересовано в установлении в Финляндии монархии. П.Э. Свинхувуд уполномочил обратиться с подобной просьбой подполковника финского Генштаба Э. Суолахти, сенатора А. Фрея и советника финского посольства в Берлине А. Бонсдорфа. При этом финляндцы не стеснялись прибегнуть к элементам политического шантажа, утверждая, что если Германия не поддержит Финляндию в установлении монархии, то страна, без сомнения, станет слабой республикой, не способной сопротивляться Антанте. Дружественное Германии правительство вынуждено будет уйти в отставку, республиканское же правительство вряд ли станет симпатизировать Германии.²⁰³

В Берлине с неподдельным вниманием наблюдали за полемикой в Финляндии по вопросу о форме правления, поскольку его решение было связано с проблемой внешнеполитической ориентации молодого государства. Большинст-

²⁰¹ PAAА. Finnl. 1. Bd 5. N 055832/34. Brück an AA vom 29.04.1918.

²⁰² Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии. С. 321.

²⁰³ Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen. S. 316, 321.

во немецких периодических изданий ставило знак равенства между установлением в Финляндии республики и слабой государственной властью, что было выгодно, с их точки зрения, только для Антанты. К примеру, на страницах «Дойче Тагесцайтунг» вполне справедливо утверждалось, что «вопрос о монархии есть внутренний вопрос Финляндии, который финской народ сам должен решить». Однако при этом читателям «разъяснялась» и позиция Антанты — «провозглашением республики и утверждением демократии препятствовать национальному укреплению» молодого государства, «препятствовать образованию Великой Финляндии и сделать из Финляндии вторые «Салоники».²⁰⁴ Газета «Гамбургер Нахрихтен» оказалась более откровенной, заявив о том, что «Германия заинтересована в сильной Финляндии, а сильная Финляндия — это монархия».²⁰⁵

Немецкая газета «Ди Пост» была обеспокоена тем, что вопрос о форме правления до сих пор не решен в Финляндии. «Финскому народу не удастся найти для своего молодого государства форму правления. Это есть, собственно говоря, плохой показатель для политического совершеннолетия Финляндии, получившей из немецких рук подарок в виде национальной самостоятельности...Германия не хотела бы, чтобы в Финляндии получилось так, как в Польше, где народ все еще не понимает, что делать со своей независимостью». Разумеется, предлагался и выход из подобного положения — провозглашение монархии, вопреки «республиканской пропаганде В. Вильсона».²⁰⁶

В общем потоке публикаций о форме правления в Финляндии особняком стояла социал-демократическая газета «Форвертс», утверждавшая, что большинство финляндского населения выступает против монархической политики правительства, в поддержку республики.²⁰⁷

Верховное командование и Вильгельм II являлись сторонниками установления в Финляндии монархии. Э. Люден-

²⁰⁴ Bundesarchiv. R. 901/57518. Bl 86. «Deutsche Tageszeitung». 14.07.1918.

²⁰⁵ Ibid. Bl 97. «Hamburger Nachrichten». 18.07.1918.

²⁰⁶ Bundesarchiv. R. 901/57518. Bl 81. «Die Post». 13.07.1918.

²⁰⁷ Ibid. Bl 26, 79. «Vorwärts». 5.06.1918, 12.07.1918.

дорф полагал безусловно необходимым выполнение просьбы финляндцев и предлагал сделать соответствующее заявление. В телеграмме рейхсканцлеру он подчеркнул: «Политические интересы Германии состоят в том, чтобы в качестве противовеса растущим демократическим и республиканским традициям добиться основания в Финляндии сильной монархии во главе с немецким принцем». ²⁰⁸

6 июля 1918 г. Верховное командование направило Р. фон дер Гольцу указание сделать заявление о том, что лишь монархическую Финляндию Германия может считать своим надежным другом, и поддержка Германией финских планов относительно восточной Карелии зависит от того, примет ли Финляндия решение о провозглашении монархии. ²⁰⁹

Генерал Людендорф высказался также в пользу подобного заявления со стороны немецкого МИД. Но там проявляли явную пассивность. Курировавший Финляндию сотрудник немецкого МИД Оскар Траутман считал, что в Скандинавии растет предубеждение против Германии. О Финляндии уже говорят, как о вассальном Германии государстве. Чтобы разбить подобные суждения, было бы лучше, если бы Финляндия осталась республикой. В крайнем случае, с точки зрения Траутмана, финляндцам следовало посоветовать обратиться к кандидатуре шведского принца. ²¹⁰

9 июля 1918 г. министр иностранных дел Германии Р. Кюльман вынужден был уйти в отставку. Его сменил на этом посту адмирал Пауль фон Хинце, поставивший перед собой задачу добиться взаимопонимания между Верховным командованием и МИД. 17 июля 1918 г. Брюк заявил Свинхувуду, что «германское правительство считает наиболее целесообразным установление в Финляндии монархической формы правления». ²¹¹

Трудно определить, в какой степени упомянутое заявление повлияло на развитие внутриполитической ситуации в

²⁰⁸ Цит. по: *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen*. S. 316.

²⁰⁹ Ibid.

²¹⁰ PAAA. Finnl. 1. Bd 6. AA an Wilhelm II vom 19.05.1918.

²¹¹ *Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage*. S. 105.

Финляндии. Если мы обратимся к статистическим данным издаваемых в Финляндии газет монархического и республиканского направления, то заметим, что именно в июле — начале августа 1918 г. произошел перелом в пользу монархии. Для сравнения, в июне 1918 г. издавалось 42 республиканских и 22 монархических газеты, в августе в Финляндии было уже только 25 республиканских и 35 монархических изданий.²¹² В некоторой степени, приведенные цифры являются показателем того, что общественное мнение качнулось от республики к монархии. Но было бы неправильно видеть в подобном переломе только заслугу Германии.

Дело в том, что пропагандистская деятельность в пользу республики изначально осуществлялась слабее. Один из республиканцев, К.Н. Раухала, отмечал, что «все влиятельные силы, учреждения и деньги были мобилизованы на службу монархии».²¹³ В финляндской прессе республиканцев преподносили как покровителей рабочего движения, отстаивающих идеалы «красных мятежников». Практически все члены правительства, за исключением 1–2 человек, являлись монархистами. Все это увеличивало шансы монархистов на победу. Но борьба, однако, оказалась необычайно тяжелой.

7 августа 1918 г. в парламенте состоялось третье, решающее чтение законопроекта о введении монархии. В поддержку его было подано 75 голосов, 32 — против. Предложение монархистов вновь не собрало требуемых 5/6 голосов. В этих условиях сторонники монархии обратились за помощью к «Форме правления» 1772 г., предусматривавшей установление монархии простым большинством голосов. Несмотря на то, что данный закон давно утратил силу, а его применение на практике являлось нелепым, 9 августа парламентское большинство уполномочило правительство принять необходимые меры для введения в стране монархии и избрания короля.²¹⁴

В период полемики между республиканцами и монархистами в числе претендентов на финский трон фигурировало

²¹² *Hulden A. Kuningasselkkaillu Suomessa. S. 210.*

²¹³ *Ibid. S. 206.*

²¹⁴ *Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии. С. 327.*

2 датских принца, 3 шведских и 14 немецких кандидатов.²¹⁵ Не все претенденты были королевского происхождения. Финляндская правящая элита была не против вручить корону своей страны кому-либо из прославленных немецких военачальников. П.Э. Свинхувуд в беседе с А. фон Брюком упомянул трех: 70-летнего П. фон Гинденбурга, 68-летнего А. Макензена и 53-летнего Э. Людендорфа.²¹⁶ Юрист по образованию, Свинхувуд сравнивал ситуацию в Финляндии с тем, что происходило в Швеции 108 лет назад. Швеция в 1810 г., как и Финляндия в 1918 г., опасалась России. Швеция искала тогда опору в лице Франции, а Финляндия — в Германии. Вильгельм II, по мнению Свинхувуда, играл для Финляндии ту же самую роль, что Наполеон для Швеции. Подобно тому, как в 1810 г. французский маршал Жан Батист Бернадотт стал шведским королем Карлом Юханом XIV, для Финляндии существовала такая же возможность избрать, например, Э. Людендорфа финским королем.²¹⁷ Но вряд ли кто из современников тех событий разглядел в Э. Людендорфе, допустим, финского короля Вайне I.

Наиболее вероятными кандидатами на финский престол являлись: губернатор немецкой колонии Того герцог Адольф Фридрих Мекленбургский, сын Вильгельма II принц Оскар и принц Фридрих Карл Гессенский. Кандидатуру первого претендента «активисты» предлагали еще в 1915 г.²¹⁸ Сам герцог был не прочь занять финский трон. Но его чересчур бесцеремонные и усердные хлопоты о финском престоле произвели неблагоприятное впечатление в Финляндии.

Что касается принца Оскара, то в Финляндии его считали самым удобным и лучшим кандидатом на финскую корону. Этот выбор активно поддерживали финские егеря, офицеры Балтийской дивизии, Р. фон дер Гольц.²¹⁹ Вильгельм II также имел династические амбиции в Балтийском

²¹⁵См. подр.: *Hulden A. Kuningasseikkailu Suomessa*. S. 55–56, 76–79.

²¹⁶*Ibid.* S. 78.

²¹⁷*Ibid.*; *Андерссон И.* История Швеции. М., 1951. С. 408.

²¹⁸*Hjelt E. Vaiherrikkailta vuosilta*. S. 152.

²¹⁹РААА. Finnl. 1. Bd 7. A 22812. Brück an Hertling vom 26.05.1918.

регионе и надеялся в форме персональной унии присоединить к Германии Прибалтийские провинции и Финляндию. Первоначально кандидатура принца Оскара на финском троне казалась ему вполне подходящей.²²⁰

Но она не устраивала немецкий МИД и рейхсканцлера Г. фон Гертинга: во-первых, ситуация в Финляндии оставалась нестабильной. Существовала опасность, что немецкому принцу не удастся укрепиться на финском престоле, что приведет к падению авторитета династии Гогенцоллернов. Во-вторых, избрание сына кайзера королем Финляндии связало бы Германию ответственностью за недальновидную политику Финляндского государства, благодаря чему пострадали бы отношения Берлина со Швецией и Россией.²²¹

Министру иностранных дел П. фон Хинце удалось убедить Вильгельма II отклонить предложение финляндского руководства насчет кандидатуры принца Оскара. Когда 26 августа 1918 г. Свинхувуд встретился с кайзером, последний сразу же возразил против этой кандидатуры, заявив, что ему самому нужны все его сыновья.²²² Очевидцы отмечали растерянность главы Финляндского государства после аудиенции с кайзером. Говорили даже об его отставке.

В Берлине опасались падения прогерманского правительства Финляндии, поэтому решили поддержать его в выборе другого немецкого кандидата — Фридриха Карла Гессенского, женатого на младшей сестре Вильгельма II.²²³ Причем этот выбор финляндская делегация сделала при посредничестве немецкого МИД и в обстановке чрезвычайной спешки. 10 сентября 1918 г. Фридрих Карл дал свое согласие вступить на финский престол в случае избрания его королем.²²⁴

Претендент на финскую корону являлся умеренным либералом, увлекался историей, археологией, искусством и музыкой. Хотя он избрал профессию военного и дослужился

²²⁰ Herwig H. German Policy in the Eastern Baltic Sea in 1918: Expansion or Anti-Bolshevik Crusade? // Slavic Review. 1973. Vol. 32. N 2. P. 340.

²²¹ PAAA. GrHq. Bd 3. L 084800/02. Hertling an Gr^{ün}au vom 15.07.1918.

²²² Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen. S. 362.

²²³ Ibid. S. 364.

²²⁴ Ibid. S. 368.

до чина генерал-майора, тем не менее Фридрих Карл не был типичным образцовым немецким принцем и не чувствовал себя комфортно в окружении военных. Он отличался от других немецких кандидатов на финский трон тем, что никогда не говорил о будущем подчинении Финляндии Германии.²²⁵

Для знакомства Фридриха Карла с историей, традициями страны и изучения финского языка, сенат предоставил ему трех «учителей»: доктора Антти Туленхеймо, советника финского посольства Ялмара Проконе и доктора философии Харри Холма. Кроме своих прямых обязанностей они внушали будущему монарху мысли о свободолюбии финского народа.²²⁶

В это же время Фридрих Карл пытался заручиться поддержкой популярного не только в Финляндии, но и за ее пределами К.Г. Маннергейма. Немецкий принц просил своих советников устроить с ним встречу. Но Маннергейм придумывал различные причины и всяческие поводы, чтобы она не состоялась. Маннергейму импонировали образованность и некоторое англофильство Фридриха Карла, но он не видел за немецким принцем будущего, полагая, что Германия войну уже проиграла.²²⁷ Тогдашнему руководству Финляндии явно не доставало внешнеполитического кругозора и политической интуиции Маннергейма.

9 октября 1918 г., когда поражение Германии казалось неизбежным, финляндский парламент избрал Фридриха Карла Гессенского королем Финляндии. Финляндия стала конституционной монархией, но, как отмечали очевидцы, «радости не было ни у кого на лицах».²²⁸ Молодое государство связало свою судьбу с империей, стремительно двигавшейся к своему краху.

Избрание немецкого принца королем Финляндии в западных странах расценили как доказательство полного подчинения этой страны кайзеровской Германии. 15 октября

²²⁵ *Hulden A. Kuningasseikkailu Suomessa. S. 153.*

²²⁶ *Ibid. S. 149.*

²²⁷ *Ibid. S. 267.*

²²⁸ *Polvinen T. J.K. Pasikivi. S. 408.*

1918 г. Франция отозвала свое признание финляндской независимости.²²⁹

Впоследствии К.Г. Маннергейм и К. Энкель подчеркивали политическую наивность и близорукость финляндского руководства, смотревшего ни мировую обстановку, по выражению Энкеля, «сквозь немецкие очки».²³⁰

3.5. Нарастание противоречий в герmano-финляндских отношениях

С начала провозглашения независимости финляндское политическое руководство стремилось к бесконфликтным отношениям с германскими правящими кругами. В кайзеровской Германии видели идеал для подражания, защитницу от «угрозы с Востока», державу, способную обеспечить претворение в жизнь панфинских идей.²³¹ С другой стороны, в Берлине приветствовали преданность Финляндии и считали эту страну опорой немецкой политики в Балтийском регионе.²³²

Отвечая на вопрос — почему отношения между Германией и Финляндией характеризовались в первой половине 1918 г. отсутствием существенных проблем, немецкий профессор Гельмут Бёме отмечал, что структурно-исторически мотивы и интересы финляндского правительства и руководства Германии развивались конгруэнтно. Оба государства проводили политику сопоставимых направлений, на которую оказывали влияние сопоставимые факторы. Не принимая во внимание величину, оба государства стояли перед дилеммой: подвергать ли изменениям об-

²²⁹Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии. С. 333.

²³⁰Enckell C. Polittiset muistelmani. I. S. 304; *Mannerheim G. Erinnerungen.* S. 228.

²³¹Bundesarchiv. R 901/57518. Bl 126. «Aftonbladet». 23.09.1918.

²³²Goltz R. Meine Sendung. S. 101; Hennig R. Politische Eindrücke im neuen Finnland // Das neue Deutschland. 1918. Heft 19. S. 468-470; Moeller von der Brück. Das Recht der jungen Völker // Deutsche Rundschau. 1918. Bd 177. S. 228-229.

ществленную организацию или консервировать старые отношения.²³³

Добавим к этому тот факт, что оба государства испытали сильное влияние националистических традиций XIX в., а в XX в. стремились направить социальное недовольство не интегрированного в существующую систему общества за пределы своих национальных границ (Германия создавала «Среднюю Европу», финляндское руководство пыталось создать «Великую Финляндию»).

Тем не менее, отсутствие серьезных конфликтов в отношениях с Германией не означало их гармоничности. Период, последовавший после окончания финской гражданской войны, характеризовался усилением разногласий между двумя неравноправными партнерами. Как в Берлине, так и в Хельсинки имелись определенные круги населения, которые осознавали ущербность существующих взаимоотношений между двумя государствами, где доминировало право сильного диктовать свою волю более слабому.

В Берлине финляндскую политику правящих верхов в целом поддерживали консервативная партия, партия католического центра, национал-либералы.²³⁴

С другой стороны, либеральные слои населения и социал-демократы с заметным скептицизмом относились к формированию из отколовшихся частей Российской империи пояса зависимых от рейха буферных государств. Так, известный немецкий публицист Г. Бернгард и профессор В. Шюклинг предостерегали от последствий данного процесса, полагая, что вассальные отношения всегда временны. Малые государства неизбежно будут стремиться к полному суверенитету, причиняя Германской империи массу хлопот. Империя столкнется с национальными проблемами, способными разрушить ее изнутри.²³⁵

²³³ Böme H. Die deutsche Kriegszielpolitik und Finnland im Jahre 1918 // Deutschland in der Weltpolitik der 19 und 20 Jahrhunderts. Düsseldorf, 1973. S. 393.

²³⁴ См. подр.: *Aspelmeier D.* Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege. S. 56–58.

²³⁵ РГА ВМФ. Ф. Р — 342. Оп. 1. Д. 663. Л. 44 об. Berliner Tageblatt. 25.04. 1918; РГА СПб. Ф. 75. Оп. 1. Д. 95 Л. 14. Обзор прессы, июль 1918.

Немецкие социал-демократы бурно реагировали на известные им проявления вмешательства Германии во внутренние дела Финляндии: немецкую вооруженную интервенцию, длительное пребывание в Финляндии немецких войск, поддержку Германией монархической формы правления. Так, 24 июня 1918 г. лидер социал-демократической фракции в рейхстаге Э. Давид с сарказмом заявил: «Куда ни глянешь, немецкие принцы домогаются иностранных корон и троников. Предлагают себя в Финляндии, в Литве, в Польше». При этом оратор иронически заметил, что «экспорт принцев оптом, к сожалению, не увеличивает валютных запасов в Германии». ²³⁶

Все же следует подчеркнуть, что политика германского руководства по отношению к Финляндии тщательно маскировалась. Немецкое общественное мнение не представляло ее подлинных целей и масштабов. В Финляндии же недовольство политикой Берлина среди определенных категорий населения являлось более осязаемым и понятным.

Дух оппозиционности ранее всего проявился в среде бывших офицеров российской и шведской армий. Одним из первых, кто решился на пассивное сопротивление немецкому диктату, был К.Г. Маннергейм. К. Энкель считал особой заслугой Маннергейма то, что немецкие войска не вступили в Финляндию как оккупационные силы. Формально они подчинялись финскому командованию. ²³⁷

Правда, Маннергейму не удалось реализовать данное положение на практике. Как сообщал в Берлин А. Брюк, в первый месяц после высадки Балтийской дивизии вообще не было установлено нормальной связи между Маннергеймом и Р. фон дер Гольцем. При этом в технические трудности никто не верил. Граф фон дер Гольц, по мнению А. Брюка, очевидно не хотел идти на контакт, желая решать свои задачи полностью самостоятельно и избегая возможных конфликтных ситуаций с бывшим генералом российской армии. ²³⁸

²³⁶ Цит. по: Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии. С. 332.

²³⁷ *Enckell C. Polittiset muistelmani. I.* S. 254.

²³⁸ PAAA. Finnl. 1. Bd 7. A 22813. Brück an Hertling vom 26.05.1918.

22 мая 1918 г. П.Э. Свинхувуд направил Р. фон дер Гольцу телеграмму с глубочайшей благодарностью за то, что немецкие войска остались в стране.²³⁹ К.Г. Маннергейм, напротив, считал, что после окончания финской гражданской войны у немецких войск не было более причин оставаться в Финляндии, и они могли быть переброшены на Западный фронт.²⁴⁰ Главнокомандующий финской армией опасался того, что Финляндия постепенно окажется втянутой Германией в мировую войну в качестве своего союзника.

В Берлине пристально наблюдали за развитием конфликта между Маннергеймом и финским правительством. Подробнейшую информацию об этом сообщал в своих донесениях рейхсканцлеру А. Брюк. Он был лично знаком с К.Г. Маннергеймом еще до начала Первой мировой войны. Брюк занимал тогда должность немецкого консула в Варшаве, а Маннергейм нес там военную службу. Поэтому встречи между двумя старыми знакомыми носили доверительный характер. Немецкий посланник в Хельсинки отмечал, что члены финского правительства упрекали Маннергейма за допущение ненужного кровопролития в сражении при Таммерфорсе (Тампере). Главнокомандующий финской армией признался А. Брюку, что наступление в этом районе было продиктовано не военными, а политическими причинами: желанием одержать решающую победу в гражданской войне прежде, чем это сделают немецкие войска. Членов финского правительства также не устраивало шведское происхождение главнокомандующего. Они опасались, что при усилении влияния К.Г. Маннергейма произойдет одновременное укрепление позиций шведов в армии и государственном аппарате. Финляндские егеря были недовольны тем, что Маннергейм окружил себя бывшими офицерами российской армии, а их, истинных патриотов своей родины, оттеснил на задний план. Политическая элита Финляндии считала Маннергейма чужим в стране, языком которой он не владел.²⁴¹

²³⁹ *Arimo R. Saksalaisten sotilaallinen toiminta Suomessa.* S. 83.

²⁴⁰ *Ibid.* S. 82.

²⁴¹ PAAA. Finnl. 1. Bd 4. N 055821/25. Brück an Hertling vom 15.04.1918, vom 17.04.1918; Bd 5. N 055841/43. Brück an Hertling vom 24.04.1918.

Кроме того, по мнению немецкого посланника, между двумя признанными лидерами Финляндии: К.Г. Маннергеймом и П.Э. Свинхувудом существовали внутренние противоречия. С одной стороны, «сильный, угловатый Свинхувуд, нарочито небрежный во внешнем виде... страстный противник русских и к тому же финн.» С другой — «аристократичный, элегантный кавалерийский генерал, ощущавший симпатии к русским и шведам». С точки зрения А. Брюка, Маннергейм и Свинхувуд являлись противоположностями, которые не могли работать вместе.²⁴²

Было бы не совсем верно свести причины отставки Маннергейма лишь к его конфликту с правительством. Между командующим финской армией и немецкими представителями в Финляндии также наблюдались серьезные разногласия. В МИД Германии особые опасения вызывали контакты Маннергейма с российскими монархистами. А. Брюк убедился, что К.Г. Маннергейм «отнюдь не сжег все мосты с Россией». В Берлине было известно о планах Маннергейма предпринять наступление на Петроград и свергнуть власть большевиков. Весной 1918 г. такой вариант развития событий не устраивал Берлин.²⁴³

Р. фон дер Гольц утверждал в своих воспоминаниях, будто у него сложились теплые, дружеские отношения с главнокомандующим финской армией.²⁴⁴ Между тем это утверждение далеко от реальности. Внешне фон дер Гольц и Маннергейм соблюдали корректность по отношению друг к другу, но за этой корректностью скрывались достаточно напряженные отношения. Оба генерала не желали подчиняться друг другу. Фон дер Гольц всячески преуменьшал военные способности Маннергейма, называл его «военным профаном». Маннергейм отвечал немецкому генералу тем же. Симпатии Р. фон дер Гольца были на стороне В. Теслева, представителя финского Генерального штаба в Балтийской дивизии. Маннергейм, напротив, относился к нему враждебно, считал, что Теслев «более немец, чем сами немцы». Не

²⁴² Ibid. Brück an Hertling vom 19.05.1918.

²⁴³ Ibid. Bd 6. L 082104. Ergebnis der Besprechungen in Spa vom 11.05.1918.

²⁴⁴ Goltz R. Als politischer General. S. 83.

исключено, что эта неприязнь Маннергейма имела глубокие корни. В. Теслев являлся бывшим офицером российского Генштаба, который попал в 1917 г. в немецкий плен и перешел на немецкую сторону.²⁴⁵ Маннергейм изменников не прощал и не жаловал.

27 мая 1918 г. Теслев записал в своем дневнике: «Военное руководство Германии, сообщило, что не может работать в сотрудничестве с Маннергеймом».²⁴⁶ В этот же день финляндский сенат назначил В. Теслева военным министром, и одобрил проект организации армии, предложенный Р. фон дер Гольцем. Маннергейм мог остаться главнокомандующим, но вся власть переходила немецкому командованию. Из армии также должны были быть уволены шведские и российские офицеры. В этих условиях Маннергейм не желая пребывать в положении «свадебного генерала», прибегнул к средству, которым пользовался по тому или иному поводу всю жизнь. Он подал прошение об отставке. 30 мая 1918 г. правительство ее приняло. Маннергейм покинул страну. Его примеру последовал ряд шведских офицеров. Исчезло последнее препятствие на пути полного подчинения финской армии немецкому командованию.

С целью организации и обучения финской армии Р. фон дер Гольц пригласил немецких офицеров. Именно они возглавили все важнейшие отделы финского Генштаба и военного министерства, а также подразделения финских войск. По данным Р. Аримо, в различных отделениях финской армии служило 78 немецких офицеров и 17 чиновников.²⁴⁷

29 июля 1918 г. предписанием германского Генерального штаба фон дер Гольцу был присвоен титул «германского генерала в Финляндии».²⁴⁸ Сам фон дер Гольц называл себя «политическим генералом в Финляндии», поскольку приобрел колоссальное влияние не только на решение вопросов, касающихся военной сферы, но и на принятие финляндским руководством важных политических решений. Генерал писал

²⁴⁵ Arimo R. Saksalaisten sotilaallinen toiminta Suomessa. S. 85.

²⁴⁶ Ibid.

²⁴⁷ Ibid. S. 141.

²⁴⁸ Goltz R. Meine Sendung. S. 293.

по этому поводу: «Я, возможно, приобрел влияние, которое мне само по себе не подобало, но меня отозвали бы, если бы из опасения или осторожности я ничего не осмелился сделать на этой прекрасной целине». ²⁴⁹

По мнению финского историка Й. Калленаутио, с лета 1918 г. можно уже говорить о начале германизации Финляндии, в смысле постепенного сосредоточения власти в руках немецких военных. ²⁵⁰ С этого периода разочарование в финляндской политике Германии проникает в сердца даже ревностных германофилов. Так в августе 1918 г. генерал-майор Х. Игнатиус отправил Э. Ельту полное-пессимизма письмо. В нем, в частности, были такие слова: «Наша независимость осталась в тени, настоящий государственный руководитель фон дер Гольц, все другие лишь марионетки в его руках». ²⁵¹

Особое недовольство даже среди «активистов» вызвала отставка в начале августа 1918 г. начальника финского Генерального штаба Нильса Прокопе и замена его немецким полковником Конрадом фон Редерном. Редерн также взял на себя руководство сооружением оборонительных укреплений на побережье Финского залива и в окрестностях Выборга. Немецкого полковника удивляли нерасторопность финской стороны и пренебрежение вопросами безопасности, а также то, что не финляндцы требовали скорейшего укрепления восточной границы собственного государства, а немецкие офицеры. ²⁵² Однако у нерасторопности, иногда и противодействия немецким начинаниям имелись свои причины, обусловленные не столько менталитетом финской нации, сколько стремлением сохранить хотя бы внешнюю форму самостоятельности.

«Активисты» не проявляли симпатии к деятельности Н. Прокопе, который выступал против вооруженного захвата восточной Карелии. Но он был уроженцем Финляндии, и

²⁴⁹ Цит. по: *Goltz R. Als politischer General.* S. 67, 68.

²⁵⁰ *Kallenautilio J. Suomi katsoi eteensä.* S. 38.

²⁵¹ Цит. по: *Hulden A. Kuningasseikkailu Suomessa.* S. 68.

²⁵² ЦХИДК. Ф. 1275. Оп. 5. Д. 46. Л. 105–106. Обзор мероприятий на Карельской земле, без даты.

его отставка стала тревожным сигналом усиления немецкого влияния в Финляндии. По мнению коменданта Териоки (Зеленогорска) Кая Доннера, «немцы вмешивались в чужие дела». 3 августа 1918 г. он записал в своем дневнике: «Нам необходимо всеми силами защитить себя; иначе немцы возьмут на себя руководство всеми сферами, о чем не было договоренности. Все не может происходить по немецкому образцу, многое надо сделать по финскому». ²⁵³ Примечательно, что эта запись принадлежит человеку, который был глубоко предан Германии, верил в ее победу, в 1915–1916 гг. он являлся руководителем в Финляндии вербовки в егерский батальон.

Все же парадоксальность ситуации заключалась в несоразмерности немецкого военного присутствия в Финляндии и его влияния на внутреннюю и внешнюю политику молодого государства. Финляндское руководство осознанно и без особого принуждения соглашалось с немецкими условиями.

Существенной причиной прогерманской ориентации молодого государства являлась надежда присоединить с помощью Германии восточную Карелию. Но именно в этом вопросе пролегли в германо-финляндских отношениях наиболее глубокие трещины.

Бывшие осколки империй, как правило, первоначально сами ведут себя подобно столь ненавистным империям. Собственные модели поведения обычно вырабатываются в результате накопления опыта государственности, долгой и кропотливой работы, переосмысления поражений. Спустя несколько месяцев после объявления независимости финляндское правительство было уверено в том, что жизнеспособность молодого государства во многом зависит от пересмотра его восточной границы. Присоединение Карелии и Кольского полуострова с их природными ресурсами способствовало бы, с точки зрения финляндской правящей элиты, экономической автаркии независимой Финляндии. По мнению некоторых политиков, захват Финляндией Мурманской железной дороги привел бы к разрыву связи между Антантой и Россией, что способствовало бы укреплению безопасности

²⁵³ Цит. по: *Vahtola J. Saksan idanpolitiikan tavoitteet*. S. 157.

молодого государства.²⁵⁴ Такие представления являлись довольно наивными, не учитывающими интересы других держав. Тем не менее они не только распространялись в прессе, но во имя идеала «Великой Финляндии» весной 1918 г. предпринимались вооруженные попытки захватить приграничные российские территории и перерезать Мурманскую железную дорогу.²⁵⁵

Отношение Германии к финляндскому ирредентизму преломлялось сквозь призму противоборства с Антантой. Как отмечал финский историк М. Яскелайнен, возникла своеобразная четырехчленная драма: Антанта — Германия — Финляндия — Россия, где главными действующими лицами были Германия и Антанта.²⁵⁶

Первостепенные намерения Антанты заключались в том, чтобы удержать Север России в своих руках и восстановить Восточный фронт против Германии. При этом Западные державы считали Финляндию немецким протекторатом.

Германия, наоборот, стремилась изолировать Антанту от России. Для этого важно было направить Россию и Финляндию по одному пути — против Антанты. Следовательно, финляндский ирредентизм отвечал стремлениям Германии до тех пор, пока не вступал в явные противоречия с Россией.

Поскольку в Финляндии, в соответствии с концепцией «освободительной войны» считали Россию враждебным финляндской независимости государством, Германия попыталась взять на себя роль посредника в налаживании российско-финляндских отношений. Правительство большевиков отправляло свои просьбы обуздать нападения белофиннов на российскую территорию именно в Берлин.²⁵⁷ Следует заметить, что немецкое правительство оперативно реагировало на подобные просьбы, отправляя своему послан-

²⁵⁴ Goltz R. Meine Sendung. S. 89–90; Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage. S. 47–49.

²⁵⁵ Эйде И. Финляндия и ее внешняя политика. Л., 1931. С. 29; Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. 1918–1920. С. 25.

²⁵⁶ Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage. S. 81.

²⁵⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1967. Т. 1. С. 235.

нику в Хельсинки А. Брюку соответствующие инструкции воздействовать на правящие круги Финляндии с целью пресечения нападений на территорию российской Карелии.²⁵⁸

Когда в Берлин поступили сведения о планах К.Г. Маннергейма захватить Петроград и реставрировать монархию, МИД Германии категорически высказался против подобных намерений. Сотрудники немецкого МИД предложили переориентировать стремления Финляндии с восточной Карелии и Петрограда на получение выхода в Северный Ледовитый океан. Наиболее реальной возможностью этого, по их мнению, являлся обмен территориями между Россией и Финляндией.²⁵⁹ Немецкие эксперты предлагали осуществить его на следующих условиях: Финляндия уступает России часть Выборгской губернии и отказывается от наступления в Карелии, за что получает территориальную компенсацию на Севере России. Но эта идея не особенно привлекала белофиннов. Они считали, что район Печенги (Петсамо) Россия должна уступить Финляндии без всяких условий, на том основании, что когда-то эта территория была обещана Финляндии Александром II.²⁶⁰

Финляндское правительство полагало, что главные препятствия в реализации панфинских идей создает немецкий МИД и конкретно, его представитель в Финляндии А. фон Брюк. Свинхувуд дал даже специальное поручение Э. Ельту сделать все возможное, чтобы в Берлине приняли решение отозвать немецкого посланника из Финляндии. Действительно, А. Брюк позволял себе крайне негативные суждения в адрес финляндских руководителей. Так он считал, что у главы государства после относительно легкой победы в гражданской войне в какой-то мере «исчезла способность здраво оценивать реальность». Свинхувуд мечтал о завоевании Ингерманландии и Петрограда, на что Брюк отчетливо возразил: «Маленькой Финляндии невозможно отгородить от Балтийского моря такую огромную страну, как Россия. Напро-

²⁵⁸ PAAA. Finland 1. Bd 3. L. 081511. AA an Brück vom 10. 04.1918.

²⁵⁹ Ibid. Bd 5. H 055859/62. Promemoria.

²⁶⁰ Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage. S. 87.

тив, было бы целесообразней отодвинуть границу как можно дальше от Петрограда». ²⁶¹

Полемизируя с немецкими дипломатами, финляндское руководство возлагало большие надежды на германские военные круги. Но усилия и в этом направлении оказались напрасными. Главной заботой для Верховного командования была война с Антантой. От ее исхода зависело будущее Германии. Прорваться на Мурманское побережье, удалить оттуда войска Антанты и устроить базу для немецких подлодок было несравненно важнее, чем помочь белофиннам в захвате Карелии. К примеру, 28 мая 1918 г. Военно-морской штаб Германии проинформировал МИД, что для ведения войны на море необходима опорная база на Мурманском побережье. Лучшим вариантом решения проблемы считалось занятие там финскими войсками двух незамерзающих гаваней. Впоследствии они перешли бы в неограниченное пользование Германии. Для того чтобы убедить Россию пойти на такую жертву, немецкие военные предлагали Финляндии уступить России форт Ино, защищавший подступы к Петрограду. ²⁶²

Р. фон дер Гольц не поддержал финские планы относительно восточной Карелии. 18 июня 1918 г. финская комиссия во главе с К. Энкелем ознакомила немецкого генерала с проектом мирного договора с Россией. Согласно этому проекту восточная граница Финляндии проходила по Ладожскому озеру — западному берегу Онежского озера, далее простиралась по реке Свирь к Белому морю. Р. фон дер Гольц был поражен размерами территориальных аппетитов малой страны. Он заявил, что Верховное командование не может поддержать план этой границы, «угрожавшей жизненным условиям существования России». ²⁶³

Кроме того, в Берлине не желали из-за финляндских территориальных претензий портить свои отношения с Россией. Наоборот, немецкие эксперты советовали Финляндии как можно быстрее урегулировать отношения со своим вос-

²⁶¹ Цит. по: *Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen*. S. 337—338.

²⁶² PAAA. Finn. 1. Bd 7. A 22516. Admiralstab an AA vom 28.05.1918.

²⁶³ *Goltz R. Meine Sendung*. S. 90.

точным соседом. Причем, как указывал Энкель, «германское правительство выступило в качестве посредника раньше, чем правительство Финляндии в общих чертах успело рассмотреть территориальные требования к России». ²⁶⁴

Это было связано с тем, что в Берлине придавали большое значение ликвидации плацдарма Антанты на Севере России путем комбинированного финско-русского наступления. 29 мая 1918 г. после прочтения статьи «Английские планы в северной России» Вильгельм II записал: «Финны или русские общими усилиями или финны в одиночку должны выпроводить англичан». ²⁶⁵

22 июня 1918 г. Э. Людендорф телеграфировал в МИД, что «от русских надо потребовать совместной операции с финнами против англичан, которая должна осуществляться под немецким руководством. Германия же должна гарантировать невозможность захвата финнами русских территорий». ²⁶⁶

Главным препятствием для налаживания нормальных отношений между Россией и Финляндией были территориальные претензии финнов. С другой стороны, Советское правительство также отклонило предложение о совместных действиях с финскими войсками против Антанты. В штабе Высшего военного совета не без основания высказывали опасения, что финская сторона воспользуется предлогом и попытается осуществить свои мечты о присоединении восточной Карелии и части Кольского полуострова. ²⁶⁷ Тем более что противостоять возможной аннексии Красная армия была не в состоянии. К 10 июля общее количество охраняемых Мурманскую железную дорогу войск составляло всего 2 тыс. человек. ²⁶⁸

Выход из сложившейся ситуации имперское руководство и Верховное командование. Германии пытались найти на

²⁶⁴ *Enckell C. Polittiset muistelmani. I. S. 296.*

²⁶⁵ PAAA. GrHq. Finnl. 10a. Bd 1. L 085368/69. AA an Grünau vom 9.06.1918.

²⁶⁶ *Ibid.*

²⁶⁷ РГВА. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3. Л. 2. Агентурные сведения из Карелии, июль 1918; Ф. 11. Оп. 16. Д. 10. Л. 27. Стратегический обзор на 1 июня 1918 г.

²⁶⁸ Там же. Ф. 11. Оп. 4. Д. 18. Л. 13. Начальник погранохраны округа Л. Троцкому, июль 1918.

совещании 2–3 июля 1918 г. в Спа. В ходе обсуждения было принято следующее решение: «В северной России не должно существовать английского государства. Во время переговоров с Иоффе (представитель России в Берлине. — И.Н.) следует побудить правительство России к тому, чтобы предложить нам сотрудничать с ним против англичан в восточной Карелии и на Мурманском побережье. Если это не получится, то следует склонить финнов выступить против англичан. Мы (Германия) обещали бы им помощь оружием, деньгами, возможно даже войсками».²⁶⁹ Резюме Вильгельма II оказалось предельно лаконичным: «С Лениным или, без Ленина, но финны должны выпроводить британцев».²⁷⁰

Последней попыткой привести интересы Финляндии и Германии к общему знаменателю стала разработка планов военного союза между двумя государствами. Согласно проектам финской стороны, предусматривалась помощь Германии в присоединении дипломатическим или военным путем восточной Карелии, а также в случае нападения на Финляндию третьей страны (подразумевалась Россия. — И.Н.). Взамен Финляндия брала на себя обязательство учредить в стране такую форму правления, которая бы отвечала интересам Германии и проводить дружественную Германии политику.²⁷¹ В данном случае речь шла об установлении в Финляндии монархии. В одном из вариантов проекта договора содержалось также положение, согласно которому в случае войны между Германией и какой-либо державой, одновременно угрожавшей Финляндии, последняя обязалась мобилизовать армию и согласовывать ее деятельность с операциями германской армии. Финские войска предполагалось применять на северном и восточном театрах боевых действий Германии.²⁷²

У Верховного командования имелся свой проект военного союза с Финляндией. 27 июля 1918 г. генерал Людендорф

²⁶⁹ PAAA. GrHq. Kriegziele 16. Bd 1. Bl 183. Ergebnis der Besprechung in Spa vom 2–3. 9. 1918; Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапальского договора. М., 1968. Т. 1. С. 575–576.

²⁷⁰ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. S. 105.

²⁷¹ Enckell C. Polittiset muistelmani. I. S. 313–314.

²⁷² Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage. S. 108–109.

ознакомил с ним немецкий МИД. В упомянутом документе преобладали военные аспекты взаимодействия. Целью договора являлась организация финской армии по немецкому образцу, чтобы она была способна защитить жизненное пространство Финляндии и облегчить координацию в случае общих военных действий. Финляндия должна была находиться под немецким военным контролем, а в случае войны главнокомандующий финской армией подчинялся приказам Верховного командования.²⁷³ Таким образом, Финляндии предназначалась роль военного союзника Германии. Причем в тексте проекта договора вообще не упоминался восточно-карельский вопрос. О. Траутман в беседе с министром иностранных дел Финляндии О. Стенротом прямо заявил, что представление о том, будто Германия будет содействовать Финляндии в захвате восточной Карелии является «наивным».²⁷⁴

Вообще в МИД Германии не поддерживали торопливость генерала Людендорфа относительно заключения германо-финского военного союза. Полагали, что Финляндия в военном отношении вряд ли являлась ценным союзником. Скорее всего, по мнению сотрудников немецкого МИД, союз с Финляндией, в силу слабости ее армии, стал бы обузой для Германии.²⁷⁵ В крайнем случае П. фон Хинце предлагал заключить военный договор на короткий срок — не более 5 лет, только с целью организации финской армии и в обстановке строгой секретности.²⁷⁶

Поскольку надежды финляндских политиков с помощью военного союза с Германией присоединить восточную Карелию оказались иллюзорными, в августе 1918 г. внутри правительства усилились разногласия по поводу продолжения прогерманской ориентации. Министр иностранных дел Отто Стенрот был одним из первых, кто осознал неизбежность изменения внешнеполитического курса страны. Поэтому он

²⁷³РААА. GrHq. Finnl. Bd 3. Ludendorff an AA vom 27.07.1918.

²⁷⁴Ibid. Trautmann an AA vom 22.08.1918.

²⁷⁵Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen. S. 347; Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage. S. 110.

²⁷⁶РААА. Finnl. 2. Trautmann an AA vom 22.08.1918.

делал все возможное, чтобы затянуть подписание договора о военном союзе с Германией.²⁷⁷

К августу 1918 г. многие финские политики осознали цену немецкой помощи в становлении независимой Финляндии. Период «немецкого обожания» сменился довольно резкой критикой Берлина. В общественном мнении укреплялось суждение, что Финляндии следовало быть настороже, чтобы сохранить недавно обретенную независимость.

Поводом для недоверия к Берлину стали известия о контактах Верховного командования с российскими монархистами, которых П.Э. Свинхувуд считал «худшими врагами Финляндии».²⁷⁸ В конце июля 1918 г. в руки коменданта Териоки Кая Доннера попало письмо, отправленное одним из сподвижников К.Г.Маннергейма генералом Лефстремом русскому генералу В. Марушевскому, где говорилось о переговорах между немцами и российскими монархистами с целью восстановления в России монархии. Из письма дальнейшая судьба Финляндии не была ясна, но Украина, по мнению автора, должна была присоединиться к России.²⁷⁹ Подобная информация потрясла финляндских политиков. Они понимали, что взаимодействие правых российских сил с Берлином слишком опасно для независимости Финляндии.

К. Доннер обратился за разъяснением к адъютанту Р. фон дер Гольца графу Адельману. 29 июля тот подтвердил, что действительно у немецкого командования существовало намерение начать наступление на Петроград с целью восстановления монархии. Но это вовсе не означало, что Финляндия вновь войдет в состав Российского государства. Такое заверение адъютанта фон дер Гольца не рассеяло сомнений финляндцев.²⁸⁰

5 августа 1918 г. граф Адельман в общих чертах поставил в известность Доннера о подготовке Верховным коман-

²⁷⁷ *Idman K.G. Maamme itsenäistymisen vuosisilta. S. 302.*

²⁷⁸ Р. фон дер Гольц сообщал в своих воспоминаниях о переговорах с князем С. Волконским, бывшим премьер-министром А. Треповым и великим князем Кириллом по поводу немецкой поддержки антибольшевистского движения в России. — *Goltz R. Als politischer General im Osten. S. 92–93.*

²⁷⁹ *Vahtola J. Saksan idänpolitiikan tavoitteet. S. 155.*

²⁸⁰ *Ibid.*

дованием операции «Шлюсштайн» («Ключевой камень»). Предыстория ее такова: в начале августа 1918 г. военное положение России резко ухудшилось. Антанта, захватив Архангельск, заметно расширила сферу своего влияния на Севере России. В чрезвычайных обстоятельствах, когда Россия оказалась в кольце фронтов, Г.В. Чичерин от имени СНК обратился к немецкому послу в Москве К. Гельфериху с просьбой о помощи в борьбе против Антанты. По плану наркома иностранных дел немецкие войска должны были продвигаться к Мурманску, российская же сторона концентрировала свои войска в районе Вологды, чтобы преградить бывшим союзникам путь из Архангельска на Москву.²⁸¹

На короткое время интересы правительства большевиков и немецких военных совпали в борьбе против Антанты. Начальник штаба Восточного фронта генерал Гофман записал в эти дни в своем дневнике: «Мы никак не можем допустить дальнейшего продвижения англичан на Мурмане. Одно из двух: или русские их прогонят, или мы должны взяться за это. Если Антанта посадит в России царя, мы потеряем весь Восток».²⁸²

Однако камнем преткновения стал вопрос о Петрограде. Предложение Г.В. Чичерина в целом было принято в Берлине, но Верховное командование настаивало на введении своих войск в Петроград. Советское правительство не устраивал такой вариант. Переговоры между Германией и Россией затягивались. Параллельно с ними Верховное командование вплотную начало разрабатывать план захвата Петрограда и установление там прогерманского правительства. Этот план в переписке между различными военными инстанциями Берлина получил название операции «Шлюсштайн».

6 августа 1918 г. Э. Людендорф заявил П. фон Хинце, что готов предоставить для наступления на Петроград 6-7 дивизий.²⁸³ Активизировалась и подготовка флота. Общая численность участвовавших в операции войск должна была

²⁸¹ Rauch G. Geschichte der Sowjetunion. Stuttgart, 1969. S. 114; Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. S. 108.

²⁸² Гофман М. Записки и дневники. 1914-1918. Л., 1929. С. 252.

²⁸³ PAAA. Deutschland 131. Bd 45. Bl 28/31. Hintze an Lersner vom 6.08.1918.

составить 50 тыс. человек. К участию в операции привлекались и финские войска. Предусматривался их отвлекающий удар в районе Мурманской железной дороги. После взятия Кронштадта и Петрограда 3 дивизии планировалось направить на Север России.²⁸⁴

Подозревая о «двойной игре» Берлина, 8 августа 1918 г. в Петроград выехал Я.М. Свердлов для руководства установлением минных заграждений в Финском заливе.²⁸⁵

Несмотря на опасения большевиков, операция «Шлюсштайн» не состоялась. В исторической литературе называется несколько причин ее отмены: во-первых, контрнаступление Антанты на Западном фронте (8 августа 1918 г. вошел в историю как «черный день немецкой армии»).

Во-вторых, сопротивление немецкого МИД. Его глава П. фон Хинце руководствовался принципом: «не важно, какого цвета правительство в России, важно то, насколько оно отвечает интересам Германии».²⁸⁶ Отвечая на предложение Э. Людендорфа направить на Петроград шесть дивизий, П. фон Хинце писал: «Не забывайте, что большевистское правительство ведет борьбу с нашими противниками. Какое еще правительство, способно сейчас в России сражаться с Антантой? Большевики — единственная партия, которая пошла на подписание Брестского мира. Если режим большевиков падет, вряд ли в наших силах остановить хаос в России. Нам не нужна война ни с Россией, ни с большевиками, ни с русским народом».²⁸⁷

Наконец, сдерживающее воздействие оказывали проходившие в Берлине переговоры между советской и немецкой делегациями по вопросам внесения дополнений к Брестскому

²⁸⁴ См. подр.: Чистиков А.Н. Советско-германские отношения летом 1918 г. в исследованиях В. Баумгарта и Х. Хервига (к истории операции «Шлюсштайн») // Государственные институты и общественные отношения в России. С.141-143; Goltz R. Meine Sendung. S. 160; Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. S. 113.

²⁸⁵ РГА ВМФ. Ф. Р. 242. Оп. 1. Д. 629. Л. 271. В. Антонов-Овсенко в Генеральный морской штаб от 8.08.1918.

²⁸⁶ Baumgart W. Deutsche Ostpolitik. S. 401.

²⁸⁷ Цит. по: Volkmann H.E. Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litowsk und Compiègne. Köln; Wien, 1970. S. 233.

мирному договору. 27 августа 1918 г. был подписан Добавочный договор между Россией и Германией. Германия брала на себя обязательство гарантировать России, что с финской стороны не последует каких-либо нападений на российскую территорию, включая Петроград. Взамен Россия обязалась применить все имеющиеся средства, чтобы удалить боевые силы государств Согласия из северных русских областей.²⁸⁸

Согласно подписанному российско-германскому финансовому соглашению Россия также удовлетворила претензии немецкой стороны в связи с национализацией и аннулированием иностранных займов, обязуясь выплатить сумму в 6 млрд. марок. (Для сравнения, национальный доход Германии в предвоенные годы составлял 40 млрд. марок).²⁸⁹ Таким образом, правительство большевиков откупилось от возможной интервенции Германии.

Что касается финляндского руководства, то оно узнало о заключении Добавочного договора только 7 сентября 1918 г., когда текст его опубликовала «Норддойче альгемайне цайтунг». Удивлению и разочарованию не было границ. Германия брала на себя касающиеся Финляндии обязательства за спиной молодого государства. Это было оскорбительно для его суверенитета. К тому же рухнули последние надежды финляндского правительства с помощью Германии приобрести территорию российской Карелии.

Оптимизм финляндцев, основанный на благожелательном расположении великой державы, начал давать сильные трещины. В сентябре 1918 г. усилились противоречия между Р. фон дер Гольцем и финским министром иностранных дел О. Стенротом. Последний потребовал вывода из страны немецких войск. 1 октября 1918 г. на заседании финского сената Стенрот предложил обратиться к проживавшему в Швеции Маннергейму для того, чтобы тот использовал свое влияние для налаживания отношений Финляндии с Великобританией и Францией.²⁹⁰

²⁸⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 439.

²⁸⁹ Ахтамзян А. От Бреста до Кяля. М., 1963. С. 159.

²⁹⁰ *Kallenautillo J. Suomi katsoi eteensä. S. 39; Enckell C. Polittiset muistelmani. I. S. 843.*

Ход мировой истории, а также нарастание противоречий в германо-финляндских отношениях препятствовали окончательному превращению Финляндии в страну-сателлита Германии. После поражения Германии в мировой войне Финляндия быстро вышла из-под немецкой опеки. 27 ноября 1918 г. правительство Паасикиви ушло в отставку. Было сформировано новое правительство Л. Ингмана, куда вошли как «активисты», так и сторонники англо-американской ориентации. Символом завершения процесса становления финляндской независимости являлось переименование сената в Государственный совет, вице-председатель сената стал премьер-министром, а сенаторы — министрами. 16 декабря 1918 г. последний немецкий солдат покинул финскую территорию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XIX — начале XX в. в Российской империи параллельно развивались два процесса: гомогенизация империи, выразившаяся в росте ее однородности в результате формирования единого общеимперского экономического пространства, миграции на окраины русского населения, в укреплении там позиций русской гражданской и военной элит, в увеличении роли русского языка и культуры. С другой стороны, происходила национальная мобилизация нерусских народов, в том числе и финляндцев, превращавшихся в современные нации со своими элитами, языком и культурой. Эти две противоречивые тенденции — гомогенизация и дифференциация, усиливали политическое и социальное напряжение в империи.¹ Своей жесткой политикой рубежа веков российское правительство достигло сохранения в государстве спокойствия, но потеряло доверие среди местных элит. Накопившееся в России самодержавной отчуждение от центральной власти стало одной из предпосылок для сепаратизма малых народов империи в годы Первой мировой войны.

Великое княжество Финляндское являлось, применяя терминологию изучаемого периода, одной из «национальных окраин» Российской империи. В первые годы мировой войны Финляндия, с точки зрения великих держав, в военном и политическом отношении принадлежала к периферийным регионам, к которым, тем не менее, проявлялся определенный интерес. Финляндский сепаратизм, с позиции военного противника России — Германской империи, являлся «полезным» фактором, который стоило принять во внимание в ходе российско-германского противостояния.

Финляндская политика Германии в годы Первой мировой войны прошла последовательно три этапа.

Первый этап (август 1914 — февраль 1917 г.) — становление германо-финляндского взаимодействия. Поддержка

¹ См. подр.: Kappeler A. Russland als Vielvölkerteich. München, 1993. S. 262–263.

Германией финляндского сепаратистского движения была обусловлена не прямыми немецкими интересами в княжестве, а комбинацией международных факторов и желанием улучшить свое военное положение. Финляндии отводилась роль удобного средства для реализации задач великодержавной немецкой политики: внутреннего ослабления России, привлечения Швеции в коалицию Центральных держав и нарушения через территорию княжества коммуникаций между Западными странами и Россией. При этом в содействии Берлина финляндскому сепаратизму превалировали мотивы политического характера.

Проблема будущего статуса Финляндии стояла на втором плане, и рассматриваемые германскими экспертами «модели» послевоенного существования Финляндии отличались неопределенностью. Немецкие политики и военные в «финляндском вопросе» предпочитали тактику импровизаций.

Второй этап (февраль 1917 — январь 1918 г.) — стремление Германии распространить на Финляндию свое влияние и включить ее в качестве северного фланга в цепь отделенных от России окраинных государств.

В этот период произошла переоценка значения Финляндии в восточной политике Германии (от периферийного региона к региону достаточно важному), с точки зрения осуществления немецких военных целей в Балтийском регионе. Поэтому стремление Берлина отделить Финляндию от России и включить в свою сферу влияния приобрело более четкий характер. В поддержке Германией финляндского сепаратистского движения установилось непрочное равновесие политических и военно-стратегических мотивов. С одной стороны, финляндская политика Германии по-прежнему преломлялась сквозь призму германо-русского противостояния и вплоть до Октябрьской революции рассматривалась Берлином как один из факторов ослабления России. С другой, немецкие военные круги видели в Финляндии потенциального союзника Германии в Балтийском регионе и стратегически важный плацдарм для реализации военных планов на Востоке. Поэтому отнюдь не случайным являлось усиление в данный период интереса немецкого Верховного командования к проблеме выхода Финляндии из состава Российского государства.

Руководство Германии настаивало на скорейшем провозглашении Финляндией независимости и оказало даже определенное давление на финляндскую политическую элиту с целью решения проблемы признания финляндской независимости, прежде всего, в Петрограде.

Важнейшим результатом второго периода являлось юридическое обретение Финляндией независимости. Молодому государству предстояло утвердить независимость и доказать свою жизнеспособность.

Третий этап (январь — ноябрь 1918 г.). В ходе этого периода Германия превратилась в державу-опекуну внешней и внутренней политики Финляндии. Заинтересованность Берлина в прогерманской ориентации Финляндии достигла своего апогея. Впервые с начала мировой войны Верховное командование поставило на повестку дня вопрос о вооруженном вторжении в Финляндию. Дипломатической подготовкой Финляндской операции явилось подписание в начале марта 1918 г. германо-финского мирного договора, соглашения о торговле и мореплавании и секретного протокола к ним.

В обстановке острых политических дебатов между Верховным командованием и МИД было принято решение о вооруженной интервенции в Финляндию. Финляндская операция Германии была призвана реализовать следующие задачи: препятствовать восстановлению Восточного фронта и разрушить сообщение между Антантой и Россией через северные русские порты, оказать «благотворное» для Берлина воздействие на Россию и Швецию, установить немецкое господство в Балтийском регионе, локализовать распространение большевизма и экономически интегрировать Финляндию в прогерманский блок государств. При этом доминировали политические и военно-стратегические мотивы операции. Финляндия, как и в первые годы мировой войны, рассматривалась в качестве удобного средства для осуществления задач великодержавной немецкой политики.

Германская интервенция в Финляндии не являлась оккупацией страны в собственном смысле этого понятия. Военные мероприятия Германии в Финляндии, по сравнению с Украиной и Прибалтикой, были более скромными — формально немецкие войска подчинялись главнокомандующему

финской армией. Немецкое военное присутствие в Финляндии контрастировало с тем колоссальным влиянием, которое Германия здесь обрела благодаря попустительству финской политической элиты.

Положение Германии в Финляндии в 1918 г. было в высшей степени парадоксальным. С одной стороны, Берлин сдерживал агрессивные намерения финского военного командования в отношении захвата Петрограда, т. е. являлся «спасителем» правительства большевиков, с другой — Германия одновременно поддерживала финское буржуазное правительство.

Финляндская политика Германии в годы Первой мировой войны, несмотря на внешнюю преемственность целей, носила импровизированный характер. Многое зависело от изменений военного положения Германии, от взаимоотношений между Верховным командованием и немецким МИД, наконец, от собственно финских инициатив. Финляндский курс Германии формировался в борьбе мнений и под влиянием сиюминутных обстоятельств.

Осуществлению немецких планов в отношении Финляндии косвенно способствовала деятельность националистического финляндского движения «новых активистов». «Активисты» провозгласили главной целью своего движения достижение Финляндией независимости. Но в практической деятельности их лидеры сидели на трех стульях одновременно, разрабатывая три теоретически возможные альтернативы: прочная автономия Финляндии в рамках Российской империи, немецкий протекторат, отделение Финляндии от России в виде самостоятельного государства. Последняя альтернатива считалась предпочтительнее прочих. Но под термином «независимость» лидеры «активизма» понимали, прежде всего, выход княжества из состава Российской империи, что не гарантировало еще полного государственного суверенитета. В случае реализации третьей альтернативы «активисты» выступали за установление конституционно-монархической формы правления и создание «Великой Финляндии». Идеальная «активистская модель» будущего Финляндии выглядела следующим образом: вышедшее из состава России монархиче-

ское государство, включившее в свои границы территории российской Карелии и Кольского полуострова.

Основным методом борьбы за осуществление упомянутого идеала стал метод «государственной измены», предполагавший сотрудничество с военным противником России — кайзеровской Германией. Идеология «активистского» движения имела ярко выраженную антироссийскую окраску. «Активисты» отвергали взаимодействие с любыми российскими политическими силами и партиями и считали своими союзниками движения национальных меньшинств Российской империи.

Вплоть до Февральской революции в России «активистская» идеология имела слабую поддержку в Финляндии. Приверженцев этого движения многие считали авантюристами. Руководство движением находилось в руках Стокгольмского и Берлинского эмигрантских комитетов «активистов». При этом сотрудничество с Берлином носило секретный характер.

Конфликт между Временным правительством и Финляндией, нарастание экономической и политической анархии в Российском государстве привели к тому, что национальные стремления жителей княжества становились все более радикальными. В этот период требование независимости Финляндии приблизилось по смыслу к понятию «государственный суверенитет». Националистические программы «активистов» получили поддержку достаточно широких слоев населения.

В финляндском общественном сознании за «активистами» постепенно утверждается репутация истинных патриотов своей страны. Преследования, которым подвергались участники этого движения во времена самодержавия, способствовали созданию вокруг них ореола мучеников за национальную идею. Переход финляндской политической элиты на «активистские» позиции в некоторой степени был связан с ослаблением власти Временного правительства в Финляндии, всеобщей анархией и усилением немецкого военно-морского присутствия в Балтийском регионе. Желанию отделиться от России также способствовал внутренний конфликт в финляндском обществе между правящей элитой и местной социал-демократией.

Сторонники «активизма» значительно укрепили свое положение в государственном аппарате после провозглашения Финляндией независимости. Наиболее важным результатом второго этапа для Финляндии стал выход княжества из состава Российского государства и юридическое обретение Финляндией независимости.

Но провозгласившая свою независимость страна оказалась в центре борьбы за сферы влияния между революционной Россией и кайзеровской Германией. Противоборство великих держав усугубило внутренний раскол в финляндском обществе и способствовало разжиганию гражданской войны.

Германская вооруженная интервенция ускорила окончание гражданской войны и содействовала утверждению в Финляндии прогерманского правительства. В этих условиях «активисты» получили возможность реализовать свою программу будущего Финляндии. Финляндия на короткое время стала конституционной монархией во главе с принцем Фридрихом Карлом Гессенским, едва не перешла в ранг военных союзников Германии, начала создавать свою армию по немецкому образцу. Не удалось лишь реализовать панфинские мечтания и присоединить территории российской Карелии и Кольского полуострова. Именно в сфере реализации панфинской модели пролегла глубокая трещина в германо-финских отношениях. Берлин и Хельсинки разъединяли также разные подходы по отношению к большевистской России.

В 1918 г. финляндская независимость не приобрела еще четкие и ясные очертания. Судьба Финляндии не находилась целиком в ее собственных руках. Степень суверенности молодого государства вплоть до окончания Первой мировой войны зависела от волеизъявления Берлина.

Сотрудничество Берлина и Хельсинки в годы Первой мировой войны оказало определенное влияние на финляндскую политику России. Первоначально информация о егерском движении вызвала неоднозначную реакцию в российском правительстве, но постепенно в Петрограде пришли к выводу, что данное движение не обязательно сопряжено с угрозой национального восстания в Финляндии. Более того,

в первые годы войны произошел отход российского правительства от жесткого давления на финляндскую автономию.

Это было связано с тем, что, во-первых, имперское руководство столкнулось с более неотложными военными задачами, чем уничтожение автономных привилегий Финляндии. Во-вторых, корректное отношение к автономии княжества, по мнению многих российских экспертов, способствовало бы ослаблению недоверия финляндцев к центральной власти и сужению вследствие этого социальной базы сепаратистского движения. Поэтому в условиях военного времени Совет Министров разрешил проведение выборов в финляндский парламент, а также отказался от распространения на княжество всеобщей воинской повинности. Однако отход от жесткого давления на финляндскую автономию сопровождался крайне противоречивыми мероприятиями военных властей в Финляндии и во многом являлся тактическим шагом военных лет.

С падением монархии автономные права финляндцев были восстановлены Временным правительством и даже расширены. Участники «активистского» движения получили амнистию. В межреволюционный период последовательной борьбы с финляндским сепаратизмом не велось. В то же время призрак немецкого десанта в княжество и связанное с ним восстание жителей края не давали Временному правительству покоя. Летом 1917 г. численность российских войск в Финляндии увеличилась практически в 3 раза (по сравнению с 1914–1916 г.). В конечном счете, судьба Финляндии во многом зависела от соотношения сил между Германией и Россией в Балтийском регионе.

По сравнению с другими великими державами Германия сыграла существенную и наиболее значимую роль в процессе выхода Финляндии из состава Российского государства. Однако обретенная Финляндией самостоятельность оказалась ограниченной в рамках условий, диктуемых из Берлина. Германия действительно проявляла заботу о финляндской независимости, но это немецкое содействие осуществлялось в той мере, в какой сама Финляндия была способна взять на себя роль проводника немецкого влияния в Балтийском

регионе. Нейтральная и подлинно суверенная Финляндия Берлину была не нужна.

Кайзеровская Германия оказалась слишком далекой от идеалов свободы и демократии. Это было военизированное и по своей внутренней структуре консервативно-бюрократическое государство. После поражения Германии в Первой мировой войне многие немецкие политические и военные деятели пытались разобраться в причинах катастрофы.

При этом немецкое политическое руководство и общественные деятели обычно обвиняли Верховное командование в том, что оно задавалось слишком фантастическими целями и вместо того, чтобы сосредоточить все силы для решающего наступления в 1918 г. на Западном фронте, распыляло их на операции в различных регионах. Так редактор «Берлинер Тагеблатт» Т. Вольф дал в своем дневнике любопытную характеристику Э.Людендорфу, которую с определенной долей условности можно отнести и к другим руководящим персонам Второго рейха: «... Он стремился всеохватывающе вдаль и расширял круг военных предприятий. Он посылал армии повсюду, организовывал новые экспедиции. Что мы искали в Финляндии и в других местах земли, не открывалось несведущей публике. Но казалось, мы должны везде быть мировыми распорядителями, «поставщиками королей» и судьями. Все это было блестящим и великим, как дела Наполеона. Но история войны показала, необходимо ли это».² Критикуя немецкое военное командование, следует все же заметить, что гражданское руководство и публицисты также внесли свой «посильный вклад» в формирование представления о «цивилизаторской миссии» немецкого народа. Проповедуемая Германией в годы Первой мировой войны мессианская идея «освобождения малых народов» ценой разрушения своих военных противников оказалась несовместимой с подлинным освобождением народов.

Впоследствии Финляндии удалось утвердить свою независимость и доказать жизнеспособность, чему способствовало и поражение Германии в Первой мировой войне.

² Цит. по: *Wolff T. Tagebücher 1914–1919. Boppard am Rhein, 1984. S. 808.*

БИБЛИОГРАФИЯ

Неопубликованные документы

Архив внешней политики Российской империи (Москва)

- Ф. 133. Канцелярия МИД.
- Ф. 134. Канцелярия МИД. Архив «Война».
- Ф. 135. Особый политический архив канцелярии МИД.

Государственный архив Российской Федерации (Москва)

- Ф. 499. Канцелярия финляндского генерал-губернатора.
- Ф. 494. Финляндское жандармское управление.
- Ф. 586. Плева В.К.

Российский государственный архив Военно-Морского флота (Санкт-Петербург)

- Ф. 353. Штаб сухопутных войск, подчиненных Командующему флотом Балтийского моря.
- Ф. 418. Морской генеральный штаб.
- Ф. 479. Штаб Командующего флотом Балтийского моря.
- Ф. 716. Морской штаб Верховного Главнокомандующего.
- Ф. 1356. Контрразведывательное отделение Балтийского и Черноморского флотов.
- Ф. Р-29. Морская историческая комиссия при Военно-Морской академии.
- Ф. Р-315. Материалы по истории русского флота.
- Ф. Р-342. Морской генеральный штаб.

Российский государственный архив Санкт-Петербурга

- Ф. 75. Комиссариат по делам национальностей Северной Коммуны.
- Ф. 1000. Ленгубисполком.
- Ф. 7384. Ленгорисполком.

Российский государственный военный архив (Москва)

- Ф. 3. Штаб Высшего военного совета.
- Ф. 11. Всероссийский Главный штаб.

Ф. 862. Штаб Северного участка отрядов завесы и Петроградского района.

Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

- Ф. 165. Куропаткин А.Н.
- Ф. 2003. Штаб Верховного Главнокомандующего.
- Ф. 2126. Штаб 6-й армии.
- Ф. 2262. Штаб 42-го армейского корпуса.

Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

- Ф. 1093. Щеголев П.Е.
- Ф. 1276. Совет Министров.
- Ф. 1278. IV Государственная Дума.
- Ф. 1361. Статс-секретариат Великого княжества Финляндского.
- Ф. 1282. Канцелярия Министерства внутренних дел.
- Ф. 1405. Министерство юстиции.

Центр хранения историко-документальных коллекций (Москва)

- Ф. 1275. Документальные материалы, собранные из Имперского архива в г. Потсдаме.
- Ф. 1357. Документы Министерства иностранных дел Германии.

Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (Bonn — Berlin)

- Deutschland 122:2m. Unterstaatssekretär A. Zimmermann.
- Finnland 1. Allgemeine Angelegenheiten. Bd 1-23.
- Grosses Hauptquartier: Finnland. Bd 1-4.
- Finnland, Aalandinseln. Bd 1.
- Russland 63. Die Zustände und Verhältnisse Finnlands. Bd 9-11.
- Schweden 56:1. Geheim. Eventuelles Eingreifen Schwedens in der Weltkrieg. Bd 1-6.
- Weltkrieg 11. Allgemeines. Bd 1, 2.
- Weltkrieg 11 c. Unternehmungen und Aufwiegelungen gegen unsere Feinde in Russland, besonders in Finnland. Bd 1-23.
- Weltkrieg 20 g. Die Liga der Fremdvölker Russlands. Bd 1-4.

Bundesarchiv (Berlin)

- R 901. Auswärtiges Amt.

Опубликованные документы

Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957.

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878-1917. Т. 7. Сер. 3. Ч. 1. М.; Л., 1935.

Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. Пг., 1917.

Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Сб. документов. Т. 1. М., 1968.

Deutsche Quellen zur Geschichte des Ersten Weltkrieges / Hrsg. W.Bihl. Darmstadt, 1991.

Deutschland im Ersten Weltkrieg. Texte und Dokumente. 1914-1918 / Hrsg. U. Carpatius. München, 1982.

Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart. II. Das Zeitalter Wilhelms II. Berlin; München, 1951.

Dokumente zur Deutschen Geschichte 1914-1917 / Hrsg. D. Fricke. Berlin, 1976.

Germany and the Revolution in Russia. 1915-1918 / Ed. by Z.A.B. Zeman. London; New York, 1958.

Geschichte in Quellen. Bd V. Weltkriege und Revolutionen. 1914-1945. München, 1961.

Herrschaftsmethoden des deutschen Imperialismus 1897/98 bis 1917 / Hrsg. W.Gutsche. Berlin, 1977.

Suunnitelma suomalaisten sijoittamiseksi asumaan Jtä-Preussiin v. 1917.

Toim. W.Hubatsch // Historiallinen Aikakauskirja. № 2. 1954. S. 76-80.

Kansalaissota dokumentteina I-II. Toim. H. Soikkanen. Hels., 1967, 1969.

Suomen itsenäisyyden tunnustaminen. Asiakirjakokoelma / Toim. A. Pakaslahti. Hels., 1937.

Suomen puolueet ja puolueohjelmat / Toim. O.Borg. Porvoo; Hels., 1965.

Valtiopäivät. Pöytäkirjat. Hels., 1919.

Weltherrschaft im Visier / Hrsg. W.Schuman. Berlin, 1975.

Воспоминания, дневники

Антонов-Овсеенко В.А. В семнадцатом году. Киев, 1991.

Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Военные мемуары. М., 1964.

- Гинденбург П.* Воспоминания. Пг., 1922.
- Гофман М.* Записки и дневники. 1914-1918. Ленинград, 1929.
- Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914-1918. Т. 1, 2. М., 1923, 1924.
- Фалькенгайн Э.* Верховное командование 1914-1916 гг. в его важнейших решениях. М., 1923.
- Фролов Ю.П.* Февраль-октябрь 1917 г. на Балтийском флоте и в Финляндии // Скандинавский сборник. Вып. 5. Таллин, 1962. С. 163-177.
- Эрицбергер М.* Германия и Антанта. Мемуары. М.; Пг., 1923.
- Arajarvi J.* Vaasan hallituksen toiminta // Suomen Vapaussota. IV. Juväskylä, 1924. S. 7-40.
- Bastian M.* Keisarillinen Saksan laivaston osanotto Suomen Vapaussotaan // Suomen Vapaussota. III. S. 212-270.
- Coler U.* Jääkäripataljonna // Suomen Vapaussota. I. S. 129-182.
- Donner K.* Jääkäriliikkeen synty ja kehitys Venäjän vallankumoukseen asti 1917 // Suomen Vapaussota. I. S. 75-128.
- Enckell C.* Polittiset muistelmani. I. Porvoo; Hels., 1956.
- Goltz R.* Als politischer General im Osten. Finnland und Baltikum 1918 und 1919. Leipzig, 1936.
- Goltz R.* Meine Sendung in Finnland und im Baltikum. Leipzig, 1920.
- Hjelt E.* Vaiherikkailta vuosilta. Muistelmia. II. Hels., 1919.
- Hohenborn W.A.* Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des preussischen Generals als Kriegsminister und Truppenführer im Ersten Weltkrieg. Boppard am Rhein, 1986.
- Hülens E.* Saksan avustustoimenpiteitä sodan alussa // Suomen Vapaussota. II. S. 7-39.
- Idman K.G.* Maamme itsenäistymisen vuosilta. Porvoo-Hels., 1953.
- Kaila E.E.* Suojeluskuntatyö Suomessa sodan puhkeamiseen // Suomen Vapaussota. II. S. 48-145.
- Kessler H.* Tagebücher. 1918-1937. Frankfurt am Main, 1961.
- Kühlmann R.* Die Diplomaten. Berlin, 1939.
- Lackman M.* Jääkärimuistelmia. Keuruu, 1994.
- Mannerheim G.* Erinnerungen. Zürich, 1952.
- Martola A.E.* Sodassa ja rauhassa. Muistelmia. Hels., 1973.
- Müller G.A.* Regierte der Kaiser? Göttingen, 1959.
- Nadolny R.* Mein Beitrag. Erinnerungen eines Botschaftes des Deutschen Reiches. Köln, 1985.
- Paasikiven muistelmia* sortovuosilta. II. Porvoo; Hels., 1957.
- Riezler K.* Tagebücher, Aufsätze, Dokumente / Hrsg. K.D. Erdmann. Göttingen, 1972.
- Sihvo A.* Muistelmia. I. Hels., 1954.

Stresemann G. Reden und Schriften. Politik — Geschichte — Literatur. 1897—1926. Bd 1. Dresden, 1926.

Talas O. Suomen itsenäistyminen ja Mannerheimin muistelmat. Hämeenlinna, 1953.

Talvela P. Sotilaan elämä. Muistelmat. I. Juväskylä, 1976.

Tanner V. Kuinka se oikein tapahtui. Hels., 1949.

Tiander K. Das Erwachen Osteuropas. Die Nationalitätenbewegung in Rußland und in der Weltkrieg. Erinnerungen und Ausblicke. Wien; Leipzig, 1934.

Warburg M. Aus meinen Aufzeichnungen. New York, 1952.

Wolff T. Tagebücher 1914—1919. I-II. Boppard am Rhein, 1984.

Wolff T. Die Wilhelmistische Epoche. Fürst Bülow am Fenster und andere Begegnungen. Frankfurt am Main, 1989.

Речи, выступления, публицистика

Гессен С.Я. Окраинные государства: Польша, Финляндия, Эстония, Латвия и Литва. Л., 1925.

Вериков Б. В Тампере с 1913 года // Вестник. Русский журнал в Финляндии. 1994. № 1. С. 8—9

Еггенин И.Н. Финляндия во время войны. Гельсингфорс, 1915.

Игельстром В.А. Финляндия. М.; Л., 1925.

Каменская Е. Как чухонцы стали финнами // Новое время. 1992. № 52. С. 21—24.

Каменский Н. Современное положение Финляндии с точки зрения обороны государства. СПб., 1908.

Койвисто М. Веки пути: взгляды на внешнюю политику Финляндии. М., 1987.

Майский В. От Пруссии к Средней Европе (Внешняя политика Германии). Пг., 1918.

Материалы по финляндскому вопросу. Берлин, 1901.

Науман Ф. Срединная Европа. Пг., 1918.

Национальный ренессанс. Единственный путь. М., 1916.

Нечаев П. Финляндия и Россия. М., 1918.

Семенов-Тянь-Шанский В.П. Финляндия. Пг., 1918.

Сирола Ю. Национальный вопрос в Финляндии // Коммунистический Интернационал. 1920. № 9. С.1268—1275.

Сирола Ю. 15-летняя годовщина Финляндской революции // Красная летопись. 1933. №. 1. С.55—68.

Счастливая страна Финляндия в годину войны. Обзор печати за 1915 год. Петроград, 1916.

Тиандер К. Финляндия и Россия. Петроград, 1917.

- Финляндия. Ежегодник Коминтерна. Пг.; М., 1923.
 Эйде И. Финляндия и ее внешняя политика. М., 1931.
 Die Aalandfrage. Das Kernproblem der Ostseepolitik. Berlin, 1918.
 Hedin S. Nach Osten! Leipzig, 1916.
 Hoving J. Finland the buffer-state of Europe. New York, 1915.
 Rohrbach P. Der Krieg und die deutsche Politik. Weimar, 1915.
 Rohrbach P. Russisches. Berlin, 1915.
 Rohrbach P. Das osteuropaische Problem. Berlin, 1920.
 Ruuth J. Karjalan kysymys vuosina 1917-1920. Jyväskylä, 1921.
 Sieben Kriegsreden des Reichskanzlers. Berlin, 1916.
 Wetterhoff F. Finnland im Lichte des Weltkrieges. Berlin, 1916.

Периодика

- Вестник Европы. 1915-1917.
 Новое время. 1915-1917.
 Das neue Deutschland. 1917-1918.
 Deutsche Rundschau. 1917-1918.
 Helsingin Sanomat. 1917-1918.

Историко-исследовательские работы

Книги

- Андерссон И. История Швеции. М., 1951.
 Ахтамзян А. От Бреста до Киева. М., 1963.
 Бартенева Т., Комиссаров Ю. Тридцать лет добрососедства. М., 1976.
 Барышников В.И. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб., 1997.
 Бобович И.М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968.
 Бородин М. Итоги столетия. Харьков, 1909.
 Брюнин В.Г. Внутриполитическая борьба в Германии летом и осенью 1917. Л., 1965.
 Васюков В.С. Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февраль 1917. М., 1989.
 Вержховский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914-1918 гг. М., 1964.

Виноградов К.Б. Буржуазная историография первой мировой войны. М., 1962.

Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974.

Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914–1917 гг.). Л., 1967.

Евдокимова Н.П. Между Востоком и Западом. Проблема сепаратного мира и маневры дипломатии австро-германского блока в 1914–1917 гг. Л., 1985.

Ерусалимский А. Германия, Антанты и СССР. М., 1928.

Интервенция на Северо-Западе России. 1917–1920 / Под ред. В.А. Шипкина. СПб., 1995.

История первой мировой войны. 1914–1918. Т. 1–2. / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1975.

Кан А.С. Новейшая история Швеции. М., 1964.

Канпелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000.

Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России. 1914 — октябрь 1917). Л., 1985.

Клинг М. Очерк истории Финляндии. Хельсинки, 1990.

Клинг М. Мир Балтики. Хельсинки, 1994.

Лакер У. Россия и Германия наставники Гитлера. Вашингтон, 1991.

Левидов М.Ю. Из истории союзной интервенции в России. Дипломатическая подготовка. Т. 1. Л., 1925.

Мери В. Карл Густав Маннергейм — маршал Финляндии. М., 1997.

Норден А. Между Берлином и Москвой. К истории советско-германских отношений. М., 1956.

Нотович Ф.И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны. М.; Л., 1947.

Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М., 1947.

Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.

Первая мировая война. Пролог XX века / Под ред. В.Л. Малькова. М., 1998.

Петров В. Финляндия в планах империалистических держав в 1918–1920 гг. Петрозаводск, 1961.

Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997.

Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997.

Попов Д.И. Финляндия. М., 1957.

Похлебкин В.В. СССР-Финляндия: 260 лет отношений. 1713-1973. М., 1975.

Расила В. История Финляндии. Петрозаводск, 1996.

Россия и Финляндия. 1700-1917. Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Л., 1980.

Саломая Э. Влияние Октябрьской социалистической революции на рабочее движение Финляндии. М., 1967.

Свечников М.С. Революция и гражданская война в Финляндии. 1917-1918. М.; Пг., 1923.

Смирнов В.М. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933.

Сюккяйнен И.И. Карельский вопрос в советско-финляндских отношениях в 1918-1920 гг. Петрозаводск, 1948.

Сюккяйнен И.И. Революционные события 1917-1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962.

Холодковский В.М. Революция 1918 г. в Финляндии и германская интервенция. М., 1967.

Холодковский В.М. Финляндия и Советская Россия. 1918-1920. М., 1975.

Юссала О., Хенттля С., Невакки Ю. Политическая история Финляндии. М., 1998.

Эггерт З.К. Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны (авг. 1914 — окт. 1917). М., 1957.

Alten J. Weltgeschichte der Ostsee. Berlin, 1996.

Apunen O. Suomi keisarillisen Saksan poliitikassa. 1914-1915. Helsing., 1968.

Arimo R. Saksalaisten sotilaallinen toiminta Suomessa 1918. Rovaniemi, 1991.

Aspelmeier D. Deutschland und Finnland während der beiden Weltkriege. Hamburg, 1967.

Basler W. Deutschlands Annexionspolitik in Polen und im Baltikum. 1914-1918. Berlin, 1962.

Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918. Wien; München, 1966.

Beranek A. Mannerheim. Berlin, 1942.

Beyer F. Das deutsche Einschreiten in Finnland 1918 als völkerrechtmässige Intervention. Braunschweig, 1928.

Bieber H. Paul Rohrbach. Ein konservativer Publizist und Kritiker der Weimarer Republik. München, 1972.

Bonwetsch B. Kriegsallianz und Wirtschaftsinteressen. Russland in der Wirtschaftsplanen Englands und Frankreich. 1914-1917. Düsseldorf, 1973.

Carlgren W. Neutralität oder Allianz. Deutschlands Beziehungen zu Schweden in den Anfangsjahren des Ersten Weltkrieges. Uppsala, 1962.

Der Erste Weltkrieg. Wirkung. Wahrnehmung. Analyse / Hrg. Wolfgang Michalka. München; Zürich, 1994.

Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1973.

Doss K. Das deutsche Auswärtige Amt im Übergang vom Kaiserreich zur Weimarer Republik. Düsseldorf, 1977.

Finnland und Deutschland. Der Einfluss Deutschlands auf die finnische Kultur. Turku, 1944.

Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Düsseldorf, 1961.

Fischer F. Weltmacht oder Niedergang. Deutschland im ersten Weltkrieg. Frankfurt am Mein, 1965.

Geiss I. Das Deutsche Reich und der Erste Weltkrieg. München; Wien, 1978.

Gummerus H. Jääkärit ja aktivistit. Porvoo, 1928.

Heikkilä J. Kansallista luokkapolitiikkaa. Sosialidemokratit ja Suomen autonomian puolustus 1905–1917. Hels., 1993.

Hillgruber A. Deutsche Grossmacht und Weltpolitik im 19. und 20. Jahrhundert. Düsseldorf, 1977.

Holsti K. Suomen ulkopoliittika etsimässä vuosina 1918–1922. Rudolf Holstin osuus. Hels., 1963.

Hovi K. Interessensphären im Baltikum. Finnland im Rahmen der Ostpolitik Polens 1919–1922. Hels., 1984.

Hovi O. The Baltic area in British policy. 1918–1921. Vol. 1. Hels., 1980.

Hroch M. Die Vorkämpfer der Nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Praga, 1968.

Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. Cambridge, 1985.

Hubatsch W. Die deutsche und der Norden. Göttingen, 1951.

Hubatsch W. Unruhe des Nördens. Studien zur Deutsch-Skandinavischen Geschichte. Göttingen, 1956.

Hulden A. Kuningasseikkailu Suomessa 1918. Hels., 1988.

Ikonen K. J.K. Paasikiven poliittinen toiminta Suomen itsenäistymisen murrosvaiheessa. Hels., 1990.

Jääskeläinen M. Die Ostkarelische Frage. Hels., 1965.

Jussila O. Maakunnasta valtioksi. Suomen valtion synty. Juvä, 1987.

Kallenauttio J. Suomi katsoi eteenpäin. Jtsenäisen Suomen ulkopoliittika 1917–1965. Hels., 1985.

Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall. München, 1993.

Ketola E. Kansalliseen kansanvaltaan. Suomen itsenäisyys, sosiaalidemokratit ja Venäjän vallankumous 1917. Hels., 1987.

Kettle M. Russia and the Allies 1917-1920 Vol. 1. London, 1981.

Lauerma M. Kuninkaallinen Preussin Jääkäripataljoona 27. Hels., 1966.

Lenin ja Suomi. Osa II. Hels., 1989.

Lindman S. Suomen valtiojärjestelmä. Porvoo; Hels., 1962.

Loth W. Das Kaiserreich. Obrigkeitstaat und politische Mobilisierung. München, 1997.

Luntinen P. Saksan keisarillinen laivasto Itämerellä. Hels., 1987.

Luntinen P. F.A. Seyn. 1862-1917. A Political Biography of a Tsarist Imperialist as Administrator of Finland. Hels., 1985.

Luntinen P. Sotilasmiljoonat. Hels., 1984.

Luntinen P. Venäläisten sotasuunnitelmat Suomen separatismia vastaan. Hels., 1984.

Manninen O. Kansannoususta armeijaksi. Hels., 1974.

Mazaur A. Finland between East and West. Princeton, 1956.

Menger M. Die Finnlandpolitik des deutschen Imperialismus. 1917-1918. Berlin, 1974.

Meyer K. Th. Schiemann als politischer Publizist. Frankfurt a. Mein, Hamburg, 1956.

Nurmio Y. Suomen itsenäistyminen ja Saksa. Porvoo; Hels., 1957.

Paasivirta J. Finland and Europe. 1914-1939. Hels., 1988.

Paasivirta J. Pienet valtiot Euroopassa. Hels., 1987.

Paasivirta J. Suomen itsenäisyyskysymys 1917. I-II. Hels., 1947, 1949.

Paasivirta J. Suomi vuonna 1918. Porvoo; Hels., 1957.

Pahaslahti A. Suomen politiikkaa maailmansodassa. I-II. Hels., 1933, 1934.

Pihkala E. Suomen Venäjän kauppa vuosina 1860-1917. Hels., 1970.

Pihkala E. Suomen ulkomaankauppa. 1860-1917. Hels., 1969.

Polvinen T., Heikkilä H., Jmmonen H. J.K. Paasikivi. Valtiomiehen elämäntyö. 1870-1918. I. Porvoo; Hels.; Juvä, 1989.

Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi. 1917-1920. I. Porvoo; Hels., 1987.

Puntila L.A. Die politische Geschichte Finnlands. 1809-1977. Hels., 1992.

Rasila V., Jutikkala E., Kuhla K. Suomen poliittinen historia. 1905-1975. Porvoo; Hels.; Juvä, 1980.

Rauthallio H. Kaupantekoa Suomen itsenäisyydellä. Saksan sodan päämäärät Suomessa 1917-1918. Hels., 1977.

- Ronsdorf C.* Maximilian Bayer ein Wegbereiter zu Finnlands Unabhängigkeit. Hels., 1973.
- Ropponen R.* Die russische Gefähr. Hels., 1976.
- Schubert I.* Schweden und das Deutsche Reich im Ersten Weltkrieg. Bonn, 1981.
- Smith C.J.* Finland and the Russian Revolution. 1917–1922. University of Georgia Press, 1958.
- Strazhas A.* Deutsche Ostpolitik im Ersten Weltkrieg. Der Fall Ober Ost. 1915–1917. Wiesbaden, 1993.
- Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo; Hels.; Juva, 1995.
- Suomen jääkärien elämäkerrasto. Hels., 1975.
- Suomen Vapausota vuonna 1918. I. Hels., 1921.
- Schybergson M.* Politische Geschichte Finnlands (1809–1919). Gotha; Stuttgart, 1925.
- Turpetinen O.* Keisarillisen Venäjän viranomaisten suhtautuminen jääkäriiliik-keeseen. Hels., 1980.
- Vahtola J.* Saksan idänpolitiikan tavoitteet ja Suomen asema kesällä 1918. Oulu, 1989.
- Vares V.* Konservatiivi ja murrosvuodet. Hels., 1993.
- Venäläinen sortokausi Suomessa. Historian Aitta. XIV. Porvoo, 1960.
- Volker U.* Die nervöse Grossmacht. Aufstieg und Niedergang des deutschen Kaiserreichs. 1871–1918. Frankfurt am Main, 1997.
- Volkman H-E.* Die deutsche Baltikumpolitik zwischen Brest-Litowsk und Compiègne. Köln; Wien, 1970.
- Eine Welt von Feinden. Der Große Krieg 1914–1918 / Hrsg. W.Kruse. Frankfurt am Main, 1997.
- Wuorinen J.H.* A History of Finland. New York; London, 1965.
- Wuorinen J.H.* Nationalism in Modern Finland. New York, 1931.
- Zetterberg S.* Die Liga der Fremdvölker Russlands. 1916–1918. Hels., 1978.
- Åselius G.* The «Russian Menace» to Schweden. Stockholm, 1994.

Статьи

- Аграновский С.Н.* Идея нации в контексте интеллектуальной истории // Интеллигенция и нравственность. М., 1993.
- Адельман Д.* Россия и Германия в мировых войнах // История СССР. 1991. № 3. С. 212–219.
- Барышников Н.И.* К. Энкель — первый представитель независимой Финляндии в Петрограде // Россия и Финляндия в XIX–XX вв. СПб., 1996. С. 50–56.

Барышников Н.И. Финляндия перед выбором монархического или республиканского строя // Падение империй и новая организация Европы после Первой мировой войны. Тезисы докладов. СПб., 1993. С. 16-17.

Белоглазов А.В. Федерализм в «тюрьме народов»: Великое княжество Финляндское // Федерализм: проблемы формирования. Казань, 1994.

Бобович И.М., Китанина Т.М. Финляндия: создание основ экономической независимости // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.; Liechtenstein, 1997. С. 232-238.

Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 62-74.

Виноградов В.Н. Макс Вебер и «либеральный империализм» // Новая и новейшая история. 1988. № 2. С. 148-170.

Виноградов К.Б. Фриц Фишер и его труды // Новая и новейшая история. 1988. № 4. С. 175-179.

Вирмавирта Я. Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 56-74.

Волобуев П.В. Историческое место Финляндской революции 1918 года // Новая и новейшая история. 1988. № 5. С. 15-24.

Геллнер Э. Национализм возвращается // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 55-62.

Голдин В.И. Интервенты или «союзники»? Мурманский «узел» в марте-июне 1918 года // Отечественная история. 1994. № 1. С. 74-88.

Дубровская Е.Ю. О деятельности Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих в марте-июле 1917 г. // Скандинавский сборник. Вып. 32. Таллинн, 1988. С. 73-83.

Дубровская Е.Ю. Русские военнослужащие в Финляндии и вопрос о финляндской независимости // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.; Liechtenstein, 1997. С. 47-62.

Дусаев Р.Н. Образование независимого Финляндского государства // Вестник ЛГУ. Вып. 1. 1975. № 5. С. 88-85.

Ихалайнен П.И. Из истории советско-финляндских отношений. Предоставление Советским правительством независимости Финляндии // Ученые записки Карельского пединститута. 1959. Т. 9. Петрозаводск, 1960. С. 3-17.

Кан А.С. Великое княжество Финляндское под властью царской России (о русском издании книги В.В. Похлёбкина) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980. С. 104-132.

Кетола Э. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27-45.

Китанина Т.М. Русский хлебный экспорт и рынок Финляндии во второй половине XIX — начале XX в. // Труды советско-фин-

ляндского симпозиума историков. Рига 2-4 декабря 1985. Л., 1988. С. 76-81.

Козенко Б.Д. Отечественная историография первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3-28.

Корнилов Г.Д. Из истории русско-финляндской хлебной торговли в годы первой мировой войны // Скандинавский сборник. Вып. 30. Таллин, 1986. С. 29-41.

Корнилов В.А. К истории политического устройства Великого княжества Финляндского в 1809 г. // Ученые записки МГПИ. Т. 439. 1971. С. 180.

Кяйвярайнен И.И. Истоки германо-финского антисоветского блока // Ученые записки Карело-Финского гос. ун-та. Т. 3. Вып. 1. 1948. С. 26-50.

Кяйвярайнен И.И. О деятельности финских активистов в 1914-1916 гг. // Ученые записки Карело-Финского гос. ун-та. Т. 5. Вып. 1. 1955. С.57-66.

Кяйвярайнен И.И. Финляндия накануне революции 1918 года // Природные ресурсы, история и культура Карело-Финской ССР. Вып. 1. Петрозаводск, 1949. С. 55-78.

Менгер М. Финляндия в военной политике германского империализма в начале первой мировой войны // Скандинавский сборник. Вып. 17. Таллин, 1972. С. 110-127.

Моссе Дж. Л. Национализм и представления человека // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 64-85.

Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX — начало XX века). М., 1997. С. 130-149.

Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. «Круглый стол» // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С. 109-132.

Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 46-58.

Рупасов А.И. Гражданская война на Северо-Западе и позиция Финляндии: современная финская историография // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII-XX вв. в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 110-131.

Садовая Г.М. Ф. Науман; от «промышленной демократии» к «Срединной Европе» // Первая мировая война: политика, идеология, историография. Куйбышев, 1990. С. 97-112.

Сервис Р. Государство и революция // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996.

Старцев В.И. Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Россия и Финляндия в XX веке. СПб.; Liechtenstein, 1997. С. 6-34.

Сюккяйнен И.И. Гельсингфорский сейм рабочих организаций в 1917-1918 гг. // Скандинавский сборник. Вып. V. Таллин, 1962. С. 115-134.

Такала И.Р. Идеиные истоки национального движения в Финляндии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1980. С. 96-104.

Тейстрэ У.В. Вопрос об общегосударственном законодательстве и наступление царизма на финляндскую автономию в 1907-1910 гг. // Скандинавский сборник. Вып. XVII. Таллин, 1972. С. 94-107.

Тейстрэ У.В. Политика царизма в Финляндии в 1914 г. (законодательный аспект). Тезисы докладов 6 Всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. Кн. 1. Таллин, 1973. С. 100.

Хобсбаум Э. Введение к книге «Нации и национализм после 1780 г.» // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 28-40.

Холодковский В.М. О позиции руководителей социал-демократии Финляндии во время революционной ситуации в ноябре 1917 года // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1979. С. 86-100.

Черняев В.Ю. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С.27-45.

Черняев В.Ю. Революция 1917 года и обретение Финляндией независимости // Падение империй и новая организация Европы после Первой мировой войны. Российско-финляндские гуманитарные чтения. Тезисы докладов. СПб., 1993.

Чистиков А.Н. Советско-германские отношения летом 1918 г. в исследованиях В. Баумгарта и Х. Хервига (к истории операции «Шлюсштгайн») // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII-XX вв. в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 132-152.

Энгман М. После России // Север. 1992. № 11-12. С. 131-133.

Якобсон М. Паасикиви // Международная жизнь. 1989. № 12. С. 232-245.

Aalupo R. Finland as a Latecomer State in an Eastern European Perspective // Finnland-Studien. Wiesbaden, 1990. S. 58-73.

Apunen O. Lisiä debattiin Kalliala vastaan Klinge // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. № 1. S. 57-60.

Basler W. Zur politischen Rolle der Berliner Universität im ersten imperialistischen Weltkrieg 1914–1918 // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität Berlin. 1961. H.2/3. S. 181–203.

Böhme H. Die deutsche Kriegszielpolitik und Finnland im Jahre 1918 // Deutschland in der Weltpolitik der 19. und 20. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1973.

Fischer F. Deutsche Kriegziele Revolutionierung und Separatfrieden im Osten 1914 bis 1918 // Historische Zeitschrift. 1959. Bd. 188. S. 249–311.

Fischer F. Kontinuität des Irrtums. Zum Problem der deutschen Kriegszielpolitik im Ersten Weltkrieg // Historische Zeitschrift. 1960. Bd. 191. S. 83–100.

Hagen M. «Die Entdeckung» Finnlands in der deutschen Offenlichkeit seit 1899 // Finnland-Studien. Wiesbaden, 1990. S. 151–165.

Herwig H.H. German Policy in the Eastern Baltic Sea in 1918: Expansion or Anti-Bolshevik Crusade? // Slavic Review. 1973. Vol. 32. № 2. P. 339–357.

Herzfeld H. Zur deutschen Politik im ersten Weltkrieg. Kontinuität oder permanente Krise // Historische Zeitschrift. 1960. Bd. 191. S. 67–82.

Henttlä S. The Finish labour movement and national thinking until 1907 // Nationality and Nationalism in Italy and Finland from mid 19th century to 1918. Hels., 1984. P. 71–91.

Hovi K. Das Nationalitätsprinzip und die Entstehung der finnischen Selbständigkeit // Staatsgründungen und Nationalitätsprinzip. München; Vien, 1974. S. 57–64.

Hürter J. Die Staatssekretäre des Auswärtigen Amtes in Ersten Weltkrieg // Der Erste Weltkrieg. Wirkung. Wahrnehmung. Analyse / Hrg. Wolfgang Michalka. München; Zürich, 1994.

Huttunen P. Venäläisten linnoitustyöt Suomen sisämaassa entimmaisena maailmansodan aikana. Oulun historian laitoksen julkaisu 199. Oulu, 1988. S. 271–278.

Gutsche W. Mitteleuropaplanungen in der Aussenpolitik des deutschen Imperialismus vor 1918 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1972. H.5. S.533–550.

Impola H. Pohjola saksalaisesta näkökulmasta // Historiallinen Aikakauskirja. 1957. № 1. S. 51–54.

Kalela I. Zu den Hintergründungen des Winterkrieges—einige Aspekte der ideologischen Entwicklung der finnischen Sozialdemokratie // Nordeuropa-Studien. Greifswald, 1979. Beiheft 8. S. 40–59.

Kallala K.I. Uusaktivismi Ylioppilaskunnan historiassa // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. № 3. S. 239–244.

Kallala K.I. Vieläkin uusaktivismista // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. № 1. S. 60-68.

Ketola E. Die Anerkennung der finnischen Unabhängigkeit durch Sowjet-Russland im Jahre 1917. Revolutionäre Ziele und Nationalitätenpolitik in der Praxis // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Stuttgart, 1989. S. 46-64.

Ketola E. Suomen sotilaskapina — Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // XI Suomalais — Neuvostoliitolainen Historioitsijoiden Symposio. Hels, 1988. S. 343-355.

Kirby D. Suomi ja Venäjän vallankumouksellinen liike 1905-1916 // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. № 2. S. 106-120.

Klinge M. Itsenäisyys — jääkäriiliike-sortokausi // Historiallinen Aikakauskirja. 1969. № 4. S. 309-319.

Klinge M. Vielä jääkäriliikkeen synnystä ja tavoitteista // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. № 4. S. 315-319.

Krisius-Ahrenberg L. Finnischer Separatismus und Russischer Imperialismus im vorigen Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 1959. Bd. 187. S. 249-289.

Kujala A. Japanin, Englannin ja Ruotsin yhteydet Suomen perustuslailliseen oppositioon Venäjän-Japanin sodan aikana // Historiallinen Aikakauskirja. 1988. № 1. S. 3-24.

Kujala A. Venäjän Sosialistivallankumouksellinen puolue ja Suomen aktivismin synty // Historiallinen Aikakauskirja. 1987. № 2. S. 83-97.

Kääntönen M. Itämeri — unohdettu I maailman sodan rintama // Historiallinen Aikakauskirja. 1979. № 2. S. 139-142.

Lauerma M. Suomalainen Vapaustaistelija vaiko preussilainen jääkäri? // Historiallinen Aikakauskirja. 1963. № 2. S. 93-112.

Lenz W. Baltische Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Broschürenliteratur über die Ostseeprovinzen Rußlands // Die baltischen Provinzen Rußlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917. Köln; Wien, 1982.

Luntinen P. Suomen sotilaskapina // XI Suomalais — Neuvostoliitolainen Historioitsijoiden Symposio. Hels., 1988. S. 71-73.

Menger M., Petrick F., Wilhelmus W. Grundzüge imperialistische deutscher Nordeuropapolitik bis 1945 // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1973. S. 1029-1044.

Menger M. Spekulationen und Bestrebungen um die Errichtung einer profaschistischen finnischen Widerstandsfront im Jahre 1944 // Bulletin der Arbeitskreises «Zweiter Weltkrieg». 1983. № 3-4. S. 5-21.

Murtorinne E. Die kirchlichen Beziehungen zwischen Finnland und Deutschland im 20. Jahrhundert // Finnland-Studien. Wiesbaden, 1990. S. 166-171.

Orride A., Williams C. Autonomist Nationalism: A Theoretical Framework for Spatial Variations in it's Genesis and Development // Political Geography Quarterly 1. (1982).

Pihkala E. Der baltische Handel Finnlands 1835–1944 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1975. N 23. S: 1–25.

Rautkallio H. Saksan taloudelliset sodanpäämäärät Suomessa 1918 // Historiallinen Aikakauskirja. 1976. № 1. S. 19–40.

Rauth-Kühne Cornelia. Gelegentlich wurde auch genossen: zum Kriegserlebnis eines deutschen Offiziers auf dem Balkan und Finnland // Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial- und Mentalitätsgeschichte / Hrg. Gerhard Hirschfeld. Essen, 1997. S. 146–169.

Rystad G. Die deutsche Monroeoktrin der Ostsee. Lund Studies in International History. Stockholm, 1970.

Saarinen H. Die Erforschung der deutsch-finnischen Beziehungen nach 1917 in Finnland // 9 Gesellschaftswissenschaftliches Seminar DDR–Finnland. Ernst Moritz-Arndt-Universität. Greifswald, 1985. S. 57–65.

Sywottek A. Die Fischer-Kontrowerse. Ein Beitrag zur Entwicklung des politisch-historischen Bewusstseins in der Bundesrepublik // Deutschland in der Weltpolitik des 19. und 20. Jahrhunderts. Düsseldorf, 1973. S. 19–47.

Vares V. Activism, Normalisation or noli me tangere? // Россия и Финляндия в XX веке СПб.; Liechtenstein, 1997. С. 62–82.

Volobujev P.V. Suomen vuoden 1918 vallankumouksen paikka historiassa // XI Suomalais-Neuvostoliittolainen Historioitsijoiden Symposio. Hels, 1988. S: 57–71.

Westerlund L. Bruno Jalander — vastaanhangoitteleva maaherra ja sotaministeri aktivistien Suomessa // Historiallinen Aikakauskirja. 1992. № 2. S. 99–108.

Zechlin E. Deutschland zwischen Kabinettkrieg und Wirtschaftskrieg. Politik und Kriegsführung in den ersten Monaten des Weltkrieges. 1914 // Historische Zeitschrift. Bd. 199. 1964.

Zechlin E. Friedensbestrebungen und Revolutionierungsversuche // Das Parlament. 17.05.1961.

Zilliacus P. Jääkäriliikkeen synty ja päämäärät // Historiallinen Aikakauskirja. 1970. № 1. S. 69–70. 317.

Новикова Ирина Николаевна

**«ФИНСКАЯ КАРТА» В НЕМЕЦКОМ ПАСЬЯНСЕ
Германия и проблема независимости Финляндии
в годы Первой мировой войны**

Редактор *О. Е. Хованова*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*

Лицензия ИД № 05679 от 24.08.2001

Подписано в печать 10.11.2001. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,44.
Уч.-изд. л. 17,36. Тираж 200 экз. Заказ № 8.

Издательство СПбГУ.
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

ЦОП типографии Издательства СПбГУ.
199034, С.-Петербург, наб. Макарова, 6.